
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Pushkin, Vasilii L'vovich

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniia

ПУШКИНА.

(ВАСИЛІЯ ЛЬВОВИЧА.)

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 8 Іюня 1855 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Цѣна за соч. Пушкина, В. Л., и Веневитинова
1 руб. сер.

ПОСЛАНІЯ.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

—

Licuit semperque licebit
Signatum praesente notâ producere nomen.
Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et juvenum ritu florent modò nata vigentque.
Horat. ars. poet.

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что Логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
Лишь только всякой часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
Не ставлю я нигдѣ ни *сѣмо*, ни *овамо;*
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благо-
родно;
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ

И на Парнассъ они Поэта не ведутъ.
Кто Русской граматѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.

Вотъ мнѣніе мое! Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ;
Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье.
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу?—чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я Русской знаю;
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю —
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.

Я правъ, и ты со мной конечно въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно:
«О братіе мои, зову на помощь васъ!
«Ударимъ на него и первый буду азъ.
«Кто намъ Грамматикѣ совѣтуетъ учиться,

«Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
«И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
»Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.»
Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Но бойся, мракъ изчезъ: насталъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ Великая Жена,
Которой имянемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами, и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Омеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ Сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ Поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ,
Безумцу вопреки Поэтъ всегда Поэтъ.

И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной

И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И Русскимъ всѣмъ словамъ прямый источникъ знаетъ:
Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.
Въ Славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварской гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

КЪ БРАТУ И ДРУГУ.

—

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлученъ?
Насъ все соединяло:
И дружба и родство;
Росли и жили вмѣстѣ
Съ тобою мы всегда;
Однѣ утѣхи были,
И горести однѣ.

Прошло счастливо время:
Нѣтъ друга моего!
Ахъ, онъ теперь далеко
Въ чужой живетъ странѣ!
Кто тамъ его утѣшитъ?
Кто любитъ тамъ его?
Друзей притворныхъ много;
Но можно ль съ ними жить?
Кто веселъ, кто забавенъ;
Тотъ кажется всѣмъ милъ:
Но кто душою нѣжной
Природой одаренъ,
Кого несчастье гонитъ
И тяготитъ печаль;
Того всѣмъ людямъ должно
Какъ язвы убѣгать.
Обыкновенно въ свѣтѣ
Такъ мыслятъ и живутъ:
Зовутъ химерой дружбу;
Любовь притворство въ немъ!
Чувствительное сердце
И терпитъ отъ того,
Что здѣсь встрѣчаетъ рѣдко
Подобное себѣ.
Давно ль мы въ здѣшнемъ мiрѣ
Съ тобой еще живемъ?
Но мы ужъ испытали
Коварство, злость людей.
О если бъ съ милымъ другомъ
Теперь я вмѣстѣ былъ,

Мы съ нимъ бы находили
Отраду и въ слезахъ;
Я дружбою моею
Утѣшилъ бы его!
Ты помнишь, какъ, бывало,
Текли часы для насъ:
Природой восхищаясь,
Гуляли мы съ тобой;
Или полезнымъ чтеньемъ
Свой просвѣщали умъ;
Или Творцу вселенной
На лирахъ пѣли Гимнъ!...
Поэзія святая!
Мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Тобою занимались;
Ты услаждала насъ!...
Или въ семействѣ нашемъ,
Гдѣ царствуетъ любовь,
Играли мы какъ дѣти
Въ невинности сердецъ. —
Не унывай, любезный,
Чувствительный мой другъ!
Не все намъ быть въ разлукѣ,
Не все намъ горевать!
Уже вдали сіяетъ
Пріятная заря,
И къ радостямъ сердечнымъ
Мы оживемъ съ тобой!

КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

—

Quand je pense au dégoût que les Poètes ont à essuyer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez hardis pour braver l'ignorance de la multitude, et la censure dangereuse des demi-savans qui corrompent quelquefois le jugement du Public.
Le Sage.

Какъ трудно, Вяземскій, въ плачевномъ нашемъ мірѣ
Всѣмъ людямъ нравиться, ихъ вкусу угождать!
Почтенный Карамзинъ, на сладко-звучной лирѣ,
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ воспѣлъ святую рать,
Паденіе врага, Царя Россіи славу,
Героевъ подвиги и радость всѣхъ сердецъ:
Какой же получилъ любимецъ Музъ вѣнецъ?
Онъ, вкуса слѣдуя и разума уставу,
Всѣ чувствія души въ восторгѣ изливалъ,
Какъ другъ Отечества и какъ Поэтъ писалъ:
Но многіе ль, скажи, цѣнить талантъ умѣютъ?
О горе, горе намъ отъ мнимыхъ знатоковъ!
Судилище ума — собранье чудаковъ,
И въ праздности сердца къ изящному хладѣютъ.

Давно ли, шествуя Корнелію во слѣдъ,
Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельпомены
Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
На Сѣверѣ блисталъ?.... и Озерова нѣтъ!

Завистниковъ невѣждъ онъ учинился жертвой;
Въ уединеніи стенящій, полумертвой,
Успѣхи онъ свои и лиру позабылъ!
О зависть лютая, дщерь ада, крокодилъ,
Ты въ иступленіи достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься другихъ,
Въ безумцахъ видишь ты прислужниковъ своихъ,
И, просвѣщенья врагъ, таланты унижаешь!

И я на лирѣ пѣлъ, и я стихи любилъ,
Въ бесѣдѣ съ Музами блаженство находилъ,
Свой умъ обогащать ученіемъ старался,
И, виноватъ, подъ часъ въ посланіяхъ моихъ,
Я надъ невѣжествомъ и глупостью смѣялся;
Желанья моего я цѣли не достигъ:
Врали не престаютъ злословить дарованья,
Печатать вздорныя свои иносказанья,
И въ публикѣ читать на перекоръ уму,
Похвальныхъ кучу одъ, негодныхъ ни къ чему!

И такъ я сталъ лѣнивъ и празденъ по неволѣ;
Враговъ я не найду въ моей безвѣстной долѣ.
Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой —
Нѣтъ нужды — мнѣ всего любезнѣе покой.
Но, отъ учености къ забавамъ обращаясь,
Давно ли, славою мы Русской восхищаясь,
Торжествовали здѣсь желанный всѣми миръ?
И тутъ мы критиковъ, мой другъ не удержали:
При блескѣ празднества, при звукѣ громкихъ
лиръ,

Зоилы подвигъ нашъ и рвенье осуждали —
Искуство, пышность, вкусъ и прелестей соборъ
Все сдѣлалось виной ихъ споровъ и укоръ!

Не угодишь ничѣмъ умамъ, покрытымъ тьмою,
И, право, не грѣшно смѣяться надъ молвою!
Какой то новый Крезъ, свой написавъ портретъ,
Обжорливыхъ друзей къ обѣду приглашаетъ:
Богатымъ искони ни въ чемъ отказа нѣтъ.
Друзья съѣзжаются — хозяинъ ожидаетъ,
Что будутъ славнаго художника хвалить,
Извѣстнаго давно искуствомъ, дарованьемъ;
Но сборище льстецовъ кричитъ съ негодо-
ваньемъ,
И точно думая тѣмъ Крезу угодить,
Что въ образѣ его малѣйшаго нѣтъ сходства,
Нѣтъ живости въ лицѣ, улыбки, благородства.
Послушный Апеллесъ беретъ портретъ домой.
Чрезъ мѣсяцъ нашъ Лукуллъ даетъ обѣдъ
другой;
Друзья опять на судъ. Дворецкій объявляетъ;
Что баринъ нужнаго курьера отправляетъ,
И проситъ подождать. Садятся всѣ кругомъ;
О мирѣ, о войнѣ вступаютъ въ разговоры;
Европу раздѣливъ Политики, потомъ
На трудъ художника свои бросаютъ взоры.
«Портретъ—рѣшили всѣ—не стоитъ ничего:
«Прямый уродъ, Эзопъ, носъ длинный, лобъ съ
рогами!
«И долгъ хозяина предать огню его!»

— Мой долгъ не уважать такими знатоками
(О чудо! говоритъ картина имъ въ отвѣтъ):
Предъ вами, Господа, я самъ—а не портретъ!—
Вотъ нашихъ критиковъ, мой другъ, изобра-
женье!
Оставимъ имъ въ удѣлъ упрямство, ослѣпленье.
Повѣрь, мы счастливы, умѣя даръ цѣнить,
Умѣя чувствовать и сердцемъ говорить!
Съ тобою жизни путь украсимъ мы цвѣтами:
Жуковскій, Батюшковъ, Кокошкинъ и Дашковъ
Явятся вечеркомъ насъ услаждать стихами;
Воейковъ пропоетъ твои куплеты съ нами
И острой насмѣшитъ Сатирой на глупцовъ;
Шампанское въ бокалъ пѣнистое польется
И громкое *ура* веселью разнесется.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

—

Мой милый другъ, въ странѣ,
Гдѣ Волга наровнѣ
Съ брегами протекаетъ
И, съединясь съ Окой,
Всю Русь обогащаетъ
И рыбой и мукой,
Я пресмыкаюсь нынѣ.
Угодно такъ судьбинѣ,

Что дѣлать? я молчу.
Живу, не какъ хочу,
Какъ богъ велитъ — и полно!
Рѣзвился я довольно,
Съ Амурами игралъ,
И ужины давалъ,
И Грацій я прелестныхъ,
Въ Петрополѣ извѣстныхъ,
На лирѣ воспѣвалъ;
Чертверкою лихою,
Каретой дорогою
И всѣмъ я щеголялъ!
Диваны и паркеты
И бронзы и кенкеты,
Какъ прочіе, имѣлъ:
Транжирить я умѣлъ!
Теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу Поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый,
Чернилица, перо —
Вотъ все мое добро!
Иному тузъ бубновый
Сокровища несетъ
И умъ и все даетъ;
Я въ карты не играю,
Бумагу лишь мараю —
Бѣды въ томъ право нѣтъ!
Пусть юньій нашъ Поэтъ,

Извѣстный сочинитель,
Мой Аристархъ, гонитель,
Стихи мои прочтетъ,
Въ Сатиру ихъ внесетъ
И тотчасъ полнымъ клиромъ
Ученѣйшихъ писцовъ,
Поэмъ и одъ творцовъ
Онъ будетъ *Кантемиромъ.*
Воспѣтъ, провозглашенъ,
И въ чинъ произведенъ
Сотрудника дружины:
Для важныя причины
И почести такой
И покривить душой
Простительно конечно.
Желаю я сердечно,
Чтобъ новый Ювеналъ
Сатиры наполнялъ
Не бранью лишь одною
Но вкусомъ, остротою;
Чтобъ свѣтъ онъ лучше зналъ!
Обогощать журналъ
Чтобъ онъ не торопился;
Но болѣе бъ читалъ
И болѣе учился!

Довольно; мнѣ бранить
Зоиловъ нѣтъ охоты!
Прими ли труды, заботы:
Мой другъ, я ѣду жить

Въ тотъ край уединенный
Батый гдѣ въ старину
Жестокій, дерзновенный
Велъ съ Русскими войну.
Скажи, давно ли нынѣ,
Не зная мѣръ гордынѣ
И алчности своей,
Природы бичь, злодѣй
Пришелъ съ мечемъ въ столицу,
Мать Русскихъ городовъ?
Но Богъ простеръ десницу,
Возсталъ... и нѣтъ враговъ!
Отечества спаситель,
Смоленскій Князь, Герой
Былъ Ангелъ-истребитель,
Ниспосланный судьбой!
Бардъ Сѣвера, воспой
Хвалу дѣяньямъ чуднымъ!
Но ахъ! сномъ непробуднымъ
Вождь храбрыхъ Русскихъ силъ
На лаврахъ опочилъ.

Вѣрь мнѣ, что я въ пустынѣ
Хочу, скрываясь нынѣ,
Для дружбы только жить!
Амуру я служить
Отрекся по неволѣ:
Въ моей ли скучной долѣ
И на закатѣ дней
Гоняться за мечтою?

Ты знаешь, лишь весною
Пѣть любитъ соловей!
Досель и я цвѣтами
Прелестницъ украшалъ;
Всему конецъ, съ слезами:
Прости, любовь, сказалъ,
Сердецъ очарованье,
Отрада, упованье
Тибулловъ молодыхъ!
Жуковскій, другъ Свѣтланы,
Харитами вѣнчанный,
И милыхъ Ларъ своихъ
Пѣвецъ замысловатый
Амуру Гимнъ поютъ,
И богъ у нихъ крылатый
Нашелъ себѣ пріютъ;
А я, забытый въ мірѣ,
Пою теперь на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней,
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!
Къ надеждѣ прилѣпляюсь;
Погоды лучшей жду.
Бѣда не все бѣду
Родитъ, и послѣ горя
Летитъ веселье къ намъ!
Не уже ли пѣвцамъ
Въ волнахъ свирѣпыхъ моря
Всѣмъ гибнуть, и бреговъ
Не зрѣть благополучныхъ?

Не уже ль власть боговъ
Превратностей лишь скучныхъ
Велитъ мнѣ жертвой быть,
Томиться, слезы лить? —

Мой милый другъ, конечно,
Несчастіе не вѣчно,
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку
И будемъ ликовать;
Не должно унывать,
Вотъ твой совѣтъ полезный:
Терпѣніе, любезный!

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Первое изъ сихъ Посланій (къ В. А. Ж. ***) напечатано было въ 12-мъ номерѣ Цвѣтника 1810 года и было причиною произшествія весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямый путь въ словесности молодыхъ, неопытныхъ Авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема: кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть

модными посланіями, и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ *Присовокупленіи*, читанномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи, (въ чемъ однакожъ я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее:

«Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ взыва-«ютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, «Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвер-«дя однѣ только имена ихъ, и, что всего удивительнѣе, нау-«часъ благочестію въ Кандидѣ, и благонравію и знаніямъ «въ Парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ «и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества, и «обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о нау-«кахъ и просвѣщеніи!»

Risum teneatis, amici? И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца: но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя, и кажется исполнилъ сіе во *второмъ* посланіи къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?
Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? Какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,

Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не Варяжскимъ слогомъ —
Не любитъ Русскихъ тотъ, и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ — сіяетъ свѣтъ наукъ!
Не ужель отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я Христіаниномъ конечно быть могу,
Хотя Французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало,
Они мертвятъ нашъ умъ, и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И бѣдный мыслями печется о словахъ!
Но тотъ, кто слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ!
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ Греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,

Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену.
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ;
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!

Такъ; сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ,
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже абіе и аще не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ.
Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сен-Пьеръ, Делилль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Русскимъ быть, и Русской былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья,
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья;
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія—и, признаюсь, Кандида.

Но благочестію ученость не вредитъ.
За Бога, вѣру, честь, мнѣ сердце говоритъ.
Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья!
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.

Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За чтожъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы любя словесность и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили азъ и буки.
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить,
И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить.
За то, что, мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по славянски знаемъ.

Что дѣлать? Вотъ нашъ грѣхъ. Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ,
Что длинныя его, сухія поученья
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И естьли вздоръ читать пришла моя чреда,
Не ужели заснуть надъ книгою бѣда?
Я каюсь, что въ рѣчахъ иныхъ не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древняго Бояна;

Что Музъ и Феба я съ Парнасса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе Татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ — и слѣдственно неправы.

КЪ + + +

—

Cujus autem aures veritati clausae, ut ab amico
verum audire nequeant, hujus salus desperanda est.
Cicero.

Я грѣшенъ. Видно мнѣ кибитка не Парнассъ;
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,
И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса — виноватъ!
Но вы передо мной виновнѣе стократъ.
Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій, не услуга:
Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что Авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ,
И, гнѣва не боясь Варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ!

Неблагодарные! О томъ забыли вы,
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною;
Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
Пріятели беречь пріятеля должны.
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способ-
ной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить!
Съ прискорбіемъ скажу, что прибыли любить?
Здѣсь острое словцо пріязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времяна не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ за-
катѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ!
Сердцами сходствуемъ; онъ точно я другой:
Я горе съ нимъ дѣлю; онъ радости со мной.
Благодарю судьбу! Чего желать мнѣ болѣ?
Проказничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ.
Вы все любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ.
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли шутя о пользѣ разсуждать?
Глупцы не престаютъ возиться и писать,
Дурачить Талію, ругаться Мельпоменѣ:
Смѣемся мы тайкомъ — они кричатъ на сценѣ.

Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ Оды жалкія, забавныя ихъ Драммы,
Похвальныя слова, Поэмы, Эпиграммы
Конечно не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждъ учить люблю и уважать друзей.

ОТВѢТЪ ИМЯНИННИКА НА ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДРУЗЕЙ.

—

Стихотворецъ я смиренный
И судьбою угнѣтенный,
Старъ и дряхлъ я становлюсь
И, любя, любви боюсь.
Красота меня плѣняетъ;
Я молчу — тайкомъ вздыхаетъ
Сердце, милые друзья!
Жалкій имянинникъ я.

Вы всѣ молоды, здоровы;
Всякій часъ утѣхи новы
И веселія для васъ:
Я сѣдѣю всякій часъ.
Праздновать мое рожденье
Для меня не утѣшенье:
Старъ я милые друзья!
Жалкій имянинникъ я.

Графъ Толстой, и Князь Гагаринъ,
Нашъ Астафьевской бояринъ, *
Ржевскій, Батюшковъ-Парни,
Разцвѣтаютъ ваши дни!
Вамъ все шутки — мнѣ жъ все горе,
И моя подагра вскорѣ
Ушибетъ меня, друзья!
Жалкій имянинникъ я.

Нынѣ мнѣ весна не въ радость:
Улетѣли счастье, младость,
Улетѣла и любовь!
Молодымъ не будешь вновь.
Жизнь мнѣ тягость, не веселье —
Скоро быть на новосельѣ;
Вамъ поклонъ, мои друзья!
Жалкій имянинникъ я.

Но хоть старость угнѣтаетъ,
Сердце Вѣра утѣшаетъ
И печать ея со мной! *
Часъ не страшенъ роковой
Никому, кто дышетъ Вѣрой
И все прочее химерой
Чтитъ, любезные друзья!
Славный имянинникъ я.

* Астафьево — село, принадлежащее Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

* Кн. Вѣра Ѳедоровна Вяземская мнѣ подарила Печать.

КЪ ГРАФУ Ѳ. И. ТОЛСТОМУ.

—

Что дѣлать, милой мой Толстой?
Обѣдать у тебя никакъ мнѣ не возможно:
Страдать подагрою мнѣ велѣно судьбой,
А съ нею разъѣзжать совсѣмъ неосторожно!
Проклятый Эскулапъ кричитъ, что быть бѣдѣ,
Совѣтовъ если я его не буду слушать,
И говоритъ: извольте кушать
Въ Нѣмецкой слободѣ!
Съ больными, пухлыми ногами
Вамъ непристойно быть въ гостяхъ!
Смотрите: за плечами
Стоитъ курносая съ косою на часахъ —
Махнетъ... прощайтесь съ стерлядями,
Съ виномъ Шампанскимъ и съ стихами!
Не лучше ль грозную наврема удалить,
И съ нами, хоть годокъ, пожить?
Суровый видъ врача, совѣтъ его полезный,
Подагра болѣе всего
Велятъ мнѣ дома быть. Ты не сердись, любезный!
Я плачу, что лишенъ обѣда твоего.
Почтенный Лафонтенъ, нашъ образецъ, учитель,
Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель—
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ,
И пола женскаго усердный почитатель,

Пріятный и въ стихахъ и въ прозѣ нашъ писатель,
Князь Шаликовъ, съ тобой всѣ будутъ пировать:
Какъ мнѣ не горевать?
Вы будете, друзья, и пить и забавляться,
И спорить и смѣяться,
А я сидѣть одинъ, съ поникшей головой,
И къ вамъ лишь мыслями, увы, переноситься!
Горацій намъ твердитъ: часъ близокъ роковой—
Спѣшите насладиться!
Но Августовъ пѣвецъ подагры не имѣлъ,
И всѣмъ, что въ жизни, наслаждался:
Онъ Пирру, Хлою пѣлъ
И въ сладостныхъ стихахъ Философомъ являлся!
А мнѣ не до того:
Я мудрости такой и дара не имѣю;
Здоровье для утѣхъ нужнѣе намъ всего,
И только я теперь его цѣнить умѣю.

КЪ П. Н. ПРИКЛОНСКОМУ.

—

Любезный родственникъ, Поэтъ, и Камергеръ,
Пожалуй на досугѣ
Похлопочи о другѣ!
Ты знаешь мой манеръ:

Хозяинъ я плохой, въ большихъ разъѣздахъ
вѣчно,
То въ Питерѣ живу, то въ Низовой странѣ.
И скоро проживусь конечно:
Подъ часъ приходитъ жудко мнѣ!
Но дѣло не о томъ. Башмашникъ мой, повѣса,
Картежникъ, пьяница, въ больницу отданъ былъ.
И что жъ? отъ Доктора онъ лыжи навострилъ!
Въ Тверской губерніи, поиманъ среди лѣса,
Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, подъ стражу тотчасъ взятъ.
И скоро по дѣламъ онъ въ рекруты назначенъ:
Я очень радъ
Что онъ солдатъ:
Онъ молодъ, силенъ, взраченъ,
И строгій Капитанъ исправитъ въ мигъ его;
Но мнѣ квитанцію взять должно за него.
Башмашника зовутъ Кузьмою,
Отецъ его былъ Фролъ, прозваньемъ Карпу-
шовъ.
И такъ, безъ лишнихъ словъ,
Скажу, что юному Герою
Желаю лавровъ я, квитанціи себѣ.
Въ селеніи моемъ, благодаря судьбѣ,
Хотя крестьяне пьютъ, за то трудятся, пашутъ;
Пусть съ радости поютъ и пляшутъ,
Узнавъ, что отдали въ солдаты бѣглеца,
И что остался сынъ у бѣднаго отца.
Отвѣтствуй мнѣ скорѣй иль прозой, иль стихами,
Но будь здоровъ, и помни обо мнѣ!
Въ прелестной юности содѣлавшись друзьями,

Въ какой бы ни былъ ты странѣ,
Повѣрь, что мысль моя стремится за тобою!
И если лѣтнею порою
Поѣду въ Питеръ я, останусь дни два, три
У друга моего въ Твери.
Возсяду съ лирой золотою
На Волжскихъ берегахъ, крутыхъ,
И тамо съ пламенной душою
Блаженство воспою я жителей Тверскихъ.

КЪ ГРАФИНѢ С. А. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

ПРИ ДОСТАВЛЕНІИ СТИХОВЪ.

—

Въ стихахъ Баллады любишь ты:
Желанье исполняю:
Жуковскаго тебѣ мечты —
Дѣвъ спящихъ — посылаю.
Въ кругу родныхъ, друзей садясь,
И въ вечеръ имъ осенній
Читай поэму; не страшись
Ни сновъ, ни привидѣній!
Искуснымъ чтеньемъ украшай
Поэта дарованье,
И нѣжнымъ голосомъ вселяй
Въ сердца очарованье!

Для васъ, красавицъ, мы беремъ
Златыя лиры въ руки,
И отъ прелестныхъ взоровъ ждемъ
Иль радости, иль муки.
Для васъ Жуковскій сталъ Поэтъ;
Онъ пѣлъ любовь и славу:
И я теперь, подъ старость лѣтъ,
Пою тебѣ въ забаву!

БАСНИ и СКАЗКИ.

БАСНИ.

Соловей и Малиновка.

Соловушка малиновку любилъ
И гнѣздышко ей свилъ;
Малиновкой одной въ лѣсу онъ восхищался,
И думалъ, что она
Соловушкѣ вѣрна:
Онъ съ нею никогда еще не разлучался.
Но отъ орла указъ, и должно соловью
Оставить милую свою. —
Послушай, онъ сказалъ малиновкѣ съ слезами,
Я отъ тебя лечу, и долго, можетъ быть,
Не будемъ, нѣжный другъ, скрываясь подъ кустами,
И пѣть и счастіе другъ въ другѣ находить.
Живи здѣсь въ гнѣздышкѣ; все для тебя готово:
Пшено и мохъ; и дай мнѣ вѣрно слово,
Что будешь вѣчно ты соловушку любить!
Ахъ, еслибъ вѣдала, какъ тяжко разставаться!
Я счастливъ былъ съ тобой!
Что дѣлать? долгъ велитъ орлу повиноваться:
Прости, малиновка, прости, дружочикъ мой! —
— Сказалъ соловушко, и съ милою простился.

Она въ гнѣздѣ своемъ осталась горевать.
Но красный зобъ, снигирь, къ малиновкѣ явился,
Ее въ печали утѣшать;
Поплакалъ прежде съ ней, потомъ подсѣлъ по-
ближе,
И голосъ опустивъ свой ниже...ниже...
Шепнулъ ей на ушко, что онъ въ нее влюбленъ,
Что всѣхъ она прекраснѣе собою
И тѣломъ и душою.
Подъ часъ кто не бывалъ коварствомъ ослѣп-
ленъ?
Она хотѣла разсердиться;
Снигирь примолвилъ ей,
Что вѣтренный ея, невѣрный соловей
Изволилъ отлучиться
По волѣ лишь своей,
Что въ дальнѣй рощицѣ, онъ съ зяблицей ле-
таетъ,
И ей малиновкѣ конечно измѣняетъ.
Малиновкамъ всегда пріятно отомстить,
И также нравиться пріятно!
Все сказанное ей казалось вѣроятно,
А время съ снигиремъ дѣлить
Почла малиновка невинною отрадой.
Снигирь сначала ей казался только милъ,
Потомъ сталъ вѣрный другъ—потомъ и нуженъ
былъ:
Пошла награда за наградой!
Соловушка забытъ, и въ сторонѣ чужой
Никакъ не помышлялъ онъ о такой измѣнѣ:

Увы, подвержено все въ свѣтѣ перемѣнѣ!
Насталъ свиданья часъ: онъ прилетѣлъ домой,
И что жъ нашелъ?...Несчастный!
Гнѣздо разорено... На деревѣ другомъ
Малиновка съ своимъ любезнымъ снигиремъ
Сидѣли на сучкѣ...и нашъ любовникъ страстный,
Пѣвецъ лѣсовъ, Орфей
Предъ Эвридикою прелестною своей
Вздохнулъ... еще вздохнулъ...и въ горести глубокой
Пошелъ жить одинокой.

О нѣжныя сердца! Любовь изъ ничего
Родится, умираетъ,
И басни сей творецъ нерѣдко повторяетъ:
Въ любви разлука намъ опаснѣе всего!

ВЯЗЪ И РЕПЕЙНИКЪ.

—

Ты зацѣпляешь всѣхъ прохожихъ,
Дурныхъ собою и пригожихъ —
Кудрявый, толстый вязъ репейнику сказалъ:
Какую прибыль въ томъ находишь,
Что ты ихъ на сердце наводишь? —
Ахъ, право никакой, репейникъ отвѣчалъ;
И если иногда я поступаю грубо,
Причиною тому, что мнѣ царапать любо.

Старый левъ и звѣри.

—

Всѣ звѣри на поклонъ пришли ко льву въ пещеру.
Левъ былъ и старъ и дряхлъ: онъ шуму не любилъ;
Услужливыхъ гостей къ себѣ онъ непросилъ;
Не ко всему имѣлъ онъ вѣру —
Онъ былъ уменъ — и для него
Покой милѣе былъ всего.
Однакожъ принялъ левъ своихъ гостей учтиво.
Всѣ въ голосъ начали кричать,
Бранить другихъ, себя жъ, какъ можно, величать:
Такое общество и межъ людьми не диво!
Волкъ началъ говорить, что всѣхъ смѣлѣе онъ;
Лисица, что она хитрѣе;
Медвѣдь, что всѣхъ звѣрей конечно онъ сильнѣе.
Какіе дураки — ворчалъ тихонько слонъ:
Хотятъ блеснуть въ глаза и удивить собою;
А кто изъ нихъ въ умѣ равняется со мною? —
И началъ слонъ болтать о подвигахъ своихъ.
Что нужды мнѣ до нихъ?
Левъ молвилъ наконецъ, все потерявъ терпѣнье:
Ступайте по домамъ!
Вы очень всѣ умны, я знаю цѣну вамъ;
Но для меня ума дороже снисхожденье.
Овечка милая останется со мной;
Она не хвалится своею остротой,
И вашихъ качествъ не имѣетъ;
Но съ нею хорошо: она любить умѣетъ.

Читатель согласится самъ,
Что въ старости не умъ — а сердце нужно намъ.

Голубка.

Голубка, подъ кустомъ прижавшись, говорила:
Ахъ, ястребъ пролетѣлъ! какая злость и сила!
Но, право, я должна судьбу благодарить,
Что ястребомъ она меня не сотворила!
Не лучше ль жертвою, а не злодѣемъ быть?

Мудрецъ и Филинъ

Людьми, судьбою угнѣтенный,
Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,
Скитался Доримонъ.
Безумцамъ истину представить вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною.
Терпѣнье, здравый умъ — сокровища свои —
Унесъ мудрецъ съ собою.
Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи
На Филина напали.

Онъ врагъ отечества, злодѣй, они кричали:
Въ примѣръ и страхъ другимъ,
Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умертвимъ!
Чего не дѣлаютъ безуміе и сила?
Уже смерть филину грозила;
Но, тронутый его судьбой,
Мудрецъ махнулъ рукой
И вмигъ глупцовъ изчезла стая! —
Чѣмъ такъ противъ себя ты ихъ ожесточилъ?
Онъ филина потомъ спросилъ. —
Повѣся голову и горестно вздыхая,
Не знаю, отвѣчалъ, что мнѣ тебѣ сказать?
Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать.
И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно.

БѢДНЯКЪ И СТАРЫЙ СОЛДАТЪ.

—

Въ ненастный, бурный день, несчастный шелъ путемъ,
Безъ обуви и утомленный гладомъ:
О жизнь, онъ говорилъ, ты кажешься мнѣ адомъ?
Ахъ, долго ли носить я буду твой яремъ!
Не лучше ль умереть, чѣмъ всякой день томиться?
Когда то горе прекратится? —
Навстрѣчу вдругъ уродъ,

Страшилище ползетъ дорогой,
Въ лохмотьяхъ и усахъ, Беллоны сынъ безногой,
Войны ужасный плодъ.
Кричитъ солдатъ: что злѣй моей судьбины?
Я слышу, ропщешь ты, и право безъ причины:
Благодари боговъ!
Со времянемъ легко ты будешь съ сапогами;
Ты бѣденъ, но здоровъ.
А мнѣ, мой другъ, вѣкъ не бывать съ ногами!

ОВЦА, ЛИСИЦА И ВОЛКЪ.

Не знаю, какъ то вечеркомъ
Лисица встрѣтилась съ овцою,
И самымъ ласковымъ и нѣжнымъ голоскомъ
Она сказала ей: ты позднoю порою
Напрасно, мой дружокъ, проходишь здѣсь лѣскомъ:
Повѣрь, что хищный волкъ на караулѣ вѣчно;
Бѣги, бѣги скорѣй: онъ съѣстъ тебя конечно.
Овца пришла домой.
Что сдѣлалось съ тобой?
Подруги въ голосъ закричали:
Мы все придумали; день цѣлый тосковали;
Ты волка видѣла? Каковъ то онъ собой?
Хвостъ длинный, носъ большой

И зубы страшные! Какъ то могло случиться,
Что ты умѣла къ намъ, подругамъ, возвратить-
ся? —
Лисица добрая въ несчастьи помогла,
Опомнившись, вздохнувъ, овечка отвѣчала:
Она ко стаду мнѣ дорогу показала,
Отъ волка сберегла,
И васъ, друзей моихъ, избавила печали. —
Лисицу овцы всѣ хвалили, величали,
И даже въ тѣсную и дружескую связь
Съ смиренницей такой онѣ войти желали.
Но волкъ, ужасно разсердясь,
Куму свою бранилъ: злодѣйка, ты, взбѣсясь,
Задумала овцамъ показывать дорогу!
Какая прибыль мнѣ, что я въ ладу съ тобой?
— Ты подлинно рожденъ съ дурацкой головой,
Вскричала кумушка: хочу я по немногу
Овечекъ приманить сюда.
Одна спаслась. что за бѣда?
Здѣсь лягутъ пятьдесять; я въ томъ могу увѣ-
рить:
Всего полезнѣе на свѣтѣ лицемѣрить.

Разсказа моего смыслъ кажется таковъ:
Лисицы хитрыя опаснѣе волковъ.

ЧИЖЪ.

—

Чижъ вылетѣлъ изъ клѣтки
И сѣлъ въ саду на верхъ бесѣдки;
Свободой веселясь, онъ пѣсенку запѣлъ.
Ванюша горевалъ и издали смотрѣлъ
На пестраго чижа. — Что сдѣлалъ ты со мною?
Онъ птичкѣ говорилъ:
И чѣмъ я виноватъ, скажи, передъ тобою?
Бывало, я тебя изъ рукъ моихъ кормилъ,
Водицею поилъ,
И сдѣлалъ для тебя палаты золотыя.
О милый чижъ, оставь намѣренья дурныя
И возвратись ко мнѣ скорѣй! —
Пустое! чижъ сказалъ: и въ дружбѣ мнѣ твоей
Нѣтъ пользы никакой; зеленый садъ, бесѣдка
Любезнѣе тебя; твои палаты — клѣтка.

ЛЕВЪ И ЕГО ЛЮБИМЕЦЪ.

—

Собачку левъ любилъ
И всѣ тогда ее ласкали;
Лисицы въ гости звали,
Медвѣди кланялись и тигры уважали;
Спѣсивый даже слонъ собачкѣ другомъ былъ,
И хоботомъ своимъ огромнымъ

То на спину сажалъ, то гладилъ онъ ее.
Надѣяться нельзя на счастіе свое!
Врагамъ угодно было злобнымъ,
Чтобъ царь звѣрей сослалъ любимца своего.
Любимецъ изгнанный не стоитъ ничего!
Всѣ стали клеветать на счетъ собачки бѣдной,
Что умъ она имѣетъ вредной:
Лисица голосъ подала,
Что будто такъ собака зла,
Что гнусную на льва сатиру сочинила;
Медвѣдь всѣхъ увѣрялъ,
Что двѣ сатиры онъ читалъ,
И что всю истину лисица говорила;
А заяцъ побѣжалъ
(Въ томъ зайцевъ вся и сила),
Не выслушавъ конца, разсказывать вездѣ,
Что было, какъ и гдѣ? —

И мы какъ звѣри поступаемъ:
Нерѣдко зло ко злу нарочно прилагаемъ.

СУРОКЪ И ЩЕГЛЕНОКЪ.

—

Сурку щегленокъ говорилъ:
«Какъ! вѣчно спать? Какая скука!
И вѣчно быть въ норѣ? Такъ жить конечно мука!
Сонъ таже смерть. Чтобъ я, лишенный силъ,

Въ гнѣздѣ своемъ лежалъ, какъ ты, сурокъ не-
счастной?
Нѣтъ, я хочу летать по рощамъ, по лугамъ,
По селамъ, городамъ,
Все слышать, видѣть все. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей.
О бѣдненькой сурокъ, объ участи твоей
Я истинно жалѣю:
Ты знаешь, я любить умѣю!»
— Чтожъ новаго? скажи скорѣй,
Спросилъ сурокъ разскащика щегленка. —
«Отъ старика и до ребенка
Всѣ заняты умы въ столичныхъ городахъ:
Тотъ проживается, тотъ копитъ, богатится,
И въ страшныхъ откупахъ;
Другой надъ картами трудится;
Заботы, происки о лентахъ, о чинахъ;
Никто не думаетъ о ближнихъ, о друзьяхъ;
Жена предъ мужемъ лицемѣритъ,
А мужъ передъ женой — и до того дошло,
Что брату братъ не вѣритъ.»
— Какой развратъ, какое зло!
Вскричалъ сурокъ съ презрѣньемъ;
Не говори съ такимъ, пожалуй, сожалѣньемъ!
Чтобъ ужасовъ такихъ не слышать и не знать,
По моему, не лучше ль спать?

МЕДВѢДЬ И ЕГО ГОСТИ.

—

Медвѣдю вздумалось звѣрямъ дать угощенье;
Толпою всѣ бѣгутъ на зовъ:
И пиръ конечно былъ таковъ,
Что онъ гостей привелъ въ восторгъ и удивленье!
Вельможа не жалѣлъ кармана своего;
Все было славно и богато.
Безъ спору, можно жить медвѣдямъ таровато!
Лишь только на пиру веселья одного,
Не знаю, какъ то не случилось.
Въ тотъ вечеръ, можетъ быть,
Оно въ сердечную бесѣду удалилось.
Мартышка рѣзвая охотница шутить,
Прожора не большая,
Зѣвала, морщилась, плечами пожимая,
И наконецъ, отдавъ хозяину поклонъ,
Сказала барсуку: веселье — мой законъ;
У пышныхъ богачей, я вижу — все прекрасно;
Но что то говорить и трудно и опасно!
Ты оставайся здѣсь, а я бѣгу туда,
Гдѣ разсмѣяться не бѣда.

ГОЛУБКА И БАБОЧКА.

—

Однажды бабочка голубкѣ говорила:
«Ахъ, какъ ты счастлива! Твой голубокъ съ тобой.
Какой онъ ласковой! Какъ онъ хорошъ собой!
А мнѣ судьба опредѣлила
Совсѣмъ иначе жить: невѣрный мотылёкъ
Все по лугамъ летаетъ;
То незабудочку, то розу выбираетъ;
А я одна сижу.» — Послушай, мой дружокъ!
Голубка отвѣчала,
Напрасно, можетъ быть, пѣняешь ты ему:
Не ты ль причиною тому,
Что счастья не сыскала?
Я правду говорю: любимой нѣжно быть
Здѣсь средство лишь одно — умѣй сама любить!

Элиза милая, примѣръ передъ тобою:
Люби... и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!
Супругъ твой добръ и милъ. Онъ сердца твоего
Конечно цѣну знаетъ;
Люби и почитай его!
Тамъ счастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

ОЩИПАННЫЙ ПѢТУХЪ.

—

Лисица пѣтуха поймала —
И, по обычаю лисицъ,
Ему всѣ перья ощипала.
Лисицы страшныя охотницы до птицъ,
И въ этомъ сходны съ нами:
Не тотъ лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ
рожденъ съ когтями!
Плутовка за обѣдъ уже садилась свой,
Какъ вдругъ косматый песъ, съ широкой головой
Домовый стражъ, Полканъ залаялъ и пустился
Лисицу жадную ловить.
Пѣтухъ остался живъ, въ курятникъ возвратился:
Безъ перьевъ? — Какъ же быть!
«Не думалъ никогда увидѣться я съ вами —
Бѣдняжка курицамъ сказалъ —
Чортъ на меня бѣду ужасную послалъ;
И если бъ не Полканъ съ зубами,
Конечно бъ не былъ я въ живыхъ!»
— Какое дѣло намъ до шалостей твоихъ?
Всѣ куры въ голосъ закричали:
Безъ перьевъ, голякамъ, не можемъ мы помочь;
Бѣги отселѣ прочь,
Пока не заклевали! —
Ощипанный пѣтухъ, собравъ остатокъ силъ,
Отъ курицъ лыжи навострилъ.

Гонимые судьбой, не тратьте словъ напрасныхъ!
Вездѣ пріемъ таковъ бываетъ для несчастныхъ.

МИРЗА И СОЛОВЕЙ.

—

Мирза, любимый сынъ великаго Могола,
Однажды въ рощицѣ съ наставникомъ гулялъ;
От скуки дѣлать что, незналъ —
А скука, говорятъ, живетъ и у престола;
Вельможи и Князья зѣваютъ чаще насъ,
И вѣкомъ кажется иной вельможамъ часъ.
Но дѣло не о томъ. Мирза гулялъ въ лѣсочкѣ;
Тамъ, сидя на кусточкѣ,
Лѣсныхъ пѣвцовъ Моголъ пѣлъ громко и свисталъ,
И пѣніемъ своимъ дивилъ и восхищалъ.
Мирза, какъ царской сынъ, и въ клѣточку скорѣе
Пернатаго пѣвца желалъ бы посадить.
Въ чертогахъ, думалъ онъ, жить птичкѣ веселѣе —
И ну ее ловить.
Но только лишь Мирза пошевелился,
Пѣвецъ въ дубравѣ скрылся.
Сынокъ Могола осердился.
—Какъ можно, онъ сказалъ, что здѣсь въ лѣсу густомъ
Такъ свищутъ соловьи и пѣньемъ восхищаютъ,
А у меня передъ дворцомъ
Одни грачи и воробьи летаютъ? —
Дивиться этому не должно никогда,
Ему наставникъ отвѣчаетъ:

Глупцовъ встрѣчаемъ мы и видимъ ихъ всегда,
Но мудрый кроется и пышность презираетъ.
Блаженъ тотъ Государь, кто мудрыхъ обрѣ-
таетъ!

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

—

Волкъ хищный занемогъ. Раскаянье съ недугомъ
Приходитъ часто и къ звѣрямъ.
Нѣтъ, такъ онъ разсуждалъ съ кумой своей и
другомъ,
Нѣтъ, полно рыскать мнѣ по рощамъ и лугамъ!
Довольно подушилъ овечекъ я невинныхъ;
Не лучше ль смирно жить, питаться мнѣ травой?
Мы, кумушка, съ тобой,
Забудемъ о дѣлахъ безчинныхъ!
Ты грѣшнику повѣрь: въ прожорствѣ нѣтъ
добра!
И намъ опомниться пора!
Совѣтую тебѣ оставить куръ въ покоѣ;
Смиренье дѣло золотое.
Увидишь, я во всемъ съ ягненкомъ буду схожъ —
И если не лицомъ, обычаемъ хорошъ.
Лисица удивилась;
Волкъ, думала она, недаромъ слезы льетъ,
И злость свою клянетъ;
Онъ вѣрно завтра же умретъ. —

Съ почтеньемъ, молча, поклонилась.
Но къ счастью, у волковъ
Не знаютъ докторовъ:
Больной оправился. Курятница-лисица
Въ политикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, мастерица,
Пустилась волка проздравлять.
Нехудо иногда зубастымъ угождать!
И такъ угодница является въ пещеру
Къ нравоучителю, иль лучше лицемѣру.
Что жъ видитъ тамъ она? Покойно волкъ сидитъ
И кушаетъ барана;
Овца несчастная полмертвая лежитъ,
Такой же участи ждетъ скоро отъ тирана.
— Прекрасно, куманекъ! Лисица говоритъ:
Ты каялся въ грѣхахъ и плакалъ, какъ ребенокъ,
Но видно, что въ тебѣ гласъ совѣсти умолкъ! —
Такъ чтожъ? вскричалъ злодѣй! Въ болѣзни я ягненокъ;
Когда здоровъ, я волкъ.

ПОПУГАЙ.

—

Случайно вылетѣвъ изъ клѣтки золотой,
Зеленый попугай въ дубравѣ поселился,

И тамъ, возвысивъ голосъ свой,
Съ надмѣнностью пустился,
Всѣхъ птицъ пересужать
И мнимымъ знатокамъ въ сужденьяхъ подражать.
По мнѣнью новаго Зоила,
Для опытныхъ судей,
Весны любимецъ соловей
Пѣлъ слишкомъ громко; вѣдь не сила
А нѣжность въ музыкѣ плѣняетъ болѣ слухъ:
Малиновка, надежный другъ
Соловушки-Орфея,
Пріятнымъ голоскомъ владѣя,
Изъ тона въ тонъ переходить,
Къ несчастью, не умѣла,
А пѣночка уныло, томно пѣла.
О прочихъ не хотѣлъ знатокъ и говорить;
Они не стоили вниманья;
Щегленокъ, чижъ, въ пѣвцы попали невзначай—
И словомъ, были всѣ предметомъ порицанья.
Лишь птички запоютъ—засвищетъ попугай.
Пѣвцы терпѣнье потеряли:
«За что ты насъ бранишь? Они ему сказали:
«Мы видимъ, что тебѣ не можемъ угодить;
«А пѣсенокъ твоихъ еще мы не слыхали.
«Изволь насъ поучить,
«Запой, и удиви гармоніей своею!
«Что прибыли свистать?—»
Зоилъ повѣся носъ, имъ принужденъ сказать:
Свищу я хорошо, а пѣть я не умѣю.

СТАРАЯ ЯБЛОНЬ И САДОВНИКЪ.

—

Стояла яблоня въ саду
И на свою, несчастная, бѣду
Она отъ старости плодовъ не приносила:
Сатурнова рука чего не истребила?
Хозяинъ яблони хотѣлъ ее срубить,
Занесъ топоръ! — «Постой, бѣдняжка умоляла:
«За что меня губить?
«Итакъ мнѣ суждено на свѣтѣ мало жить!
«Ты вспомни, я твой вкусъ нерѣдко услаждала,
«И ты хвалился мной!—»
Я съ горемъ разстаюсь съ тобой,
Садовникъ говорилъ: и за твои услуги
Благодарить тебя готовъ;
Но времена теперь, признаться, стали туги,
А для теплицъ моихъ мнѣ нужно много дровъ!
—Сказалъ—и въ дерево ударилъ!
Пернатые пѣвцы, качаясь на сучкахъ,
Просили, чтобъ его въ покоѣ онъ оставилъ:
«Будь жалостливъ—они въ слезахъ
Жестокому твердили:
«Подъ тѣнью яблони, мы здѣсь привыкли жить,
«И пѣснями тебя согласны веселить;
«Избавь, избавь ее отъ гибели ужасной!»
Все тщетно: злыхъ людей молить есть трудъ напрасной;
Садовникъ птичекъ разогналъ;
Махнулъ еще въ дупло—сосѣдній сукъ упалъ,

И куча пчелъ явилась.
«Глупецъ, жужжатъ онѣ: рука твоя стремилась
«На гибель нашу и свою;
«Насъ много—всю твою семью
«Мы подчивать готовы;
«Къ тому жъ прекрасный медъ ты можешь продавать
«И деньги доставать;
«На милость обрати поступокъ свой суровый
«И яблони позволь пожить!»
—Что дѣлать? такъ и быть;
Я васъ послушаюсь, садовникъ отвѣчаетъ:
Душой я, право, добръ! Пусть яблоня живетъ,
И въ старости своей судьбу благословляетъ.
Когдъ жъ подъ тѣнь ея жена моя придетъ,
Подсяду къ ней съ дѣтьми, и всѣмъ намъ будетъ любо!
Напрасно поступалъ я грубо:
Впередъ не буду я таковъ;
Для васъ же, добрыхъ пчелъ, усѣю я цвѣтами
Весь мой зеленый садъ! Увидите вы сами!—

Начто тутъ много словъ?
Съ садовникомъ и мы признаемся сердечно:
Гдѣ только прибыль есть, мы благодарны вѣчно.

ВОЛКЪ И ЕГО ТОВАРИЩЪ.

—

Въ ночь темную, овецъ губитель,
Волкъ хищный, пастуховъ и стадъ ихъ разори-
тель,
Къ злодѣйству, къ алчности, всегда имѣя страсть,
Добычу доставать пустился,
И наконецъ бѣды ужаснѣйшей добился:
Въ колодезь удалось проказнику упасть —
И что же? прямо головою!
Онъ плаваетъ въ водѣ, и борется съ судьбою;
Все тщетно: силъ не достаетъ —
Не можетъ вылезть вонъ, и смерти ожидаетъ.
Но утро наступаетъ.
Услышавъ страшный вой, къ колодезю идетъ
Волкъ сѣрый, другъ его, товарищъ неизмѣнный;
И погибающій, надеждой ободренный,
Кричитъ: на помощь, братъ! ко мнѣ, ко мнѣ
скорѣй!
Освободи меня отъ гибели ужасной!
— Ахъ, это ты, несчастной!
Товарищъ говоритъ: конечно, врагъ звѣрей,
Пастухъ тебя сюда отправилъ;
Я мститель твой: повѣрь, достанется ему!
У многихъ пастуховъ я спѣси поубавилъ,
И не спускаю никому! —
Любезный, не хочу я мщенья;
Въ покоѣ ихъ оставь;
Дай лапу, и меня отъ лютаго мученья

И смерти горестной избавь!
Слуга тебѣ я буду вѣчный! —
Мнѣ недосужно, другъ сердечный!
Прислалъ за мною левъ, и я къ нему спѣшу;
Ты подожди меня; товарища прошу
Быть твердымъ въ случаѣ опасномъ:
Что прибыли, скажи, въ роптаніи напрасномъ?
А если умереть тебѣ и суждено —
Сегодня ль, завтра, все равно;
Мы все умремъ. Чего бояться?
Глупцы лишь не хотятъ съ сей жизнью разставаться.
Философъ будь, прости! — И въ тотъ же часъ
Нашъ моралистъ изчезъ изъ глазъ.
Бѣдняжка волкъ, такимъ поступкомъ изумленный,
Собравъ всѣ силы, закричалъ:
Умремъ съ покорностью смиренной!
Я наконецъ на опытѣ узналъ,
Что выгоды свои всѣ исполнять умѣютъ;
Несчастные жъ друзей въ семъ мірѣ не имѣютъ.

ЩЕГЛЕНОКЪ И ВОРОБЕЙ.

—

На берегу рѣки, въ прекраснѣйшей бесѣдкѣ,
Сидѣлъ щегленокъ въ клѣткѣ,

И цѣлый день онъ пѣсни пѣлъ.
Въ бесѣдку воробей нечаянно взлетѣлъ
И узнику дивится,
Что можетъ въ заперти онъ пѣть и веселиться.
— Что дѣлать, мой дружокъ,
Бѣдняжка нашъ сказалъ, вздыхая:
Хозяйкѣ нравится мой нѣжный голосокъ;
Я для нея пою — и, скуку прогоняя,
По крайней мѣрѣ, сытъ
Въ моей несчастной долѣ! —
Ты жалокъ, воробей щегленку говоритъ:
Не пой, и скоро въ поле
За мною полетишь:
Отъ пѣсенокъ твоихъ и въ клѣткѣ ты сидишь.

Глупцамъ вездѣ просторъ. Они досадъ не знаютъ;
Таланты не всегда намъ счастье доставляютъ.

САПОЖНИКЪ И ЕГО СВАТЪ.

—

Желая возвратить сонъ сладкій и покой,
Сапожникъ богачу отнесъ мѣшокъ съ рублями
(Извѣстный Лафонтенъ намъ въ басенкѣ одной
О немъ разсказывалъ прекрасными стихами):
Отнесъ — и съ радостнымъ онъ сердцемъ шелъ домой.

Встрѣчаетъ у воротъ сватъ Климъ его съ слезами.
«Товарищъ, говоритъ, я съ просьбою къ тебѣ
«Пришелъ; не откажи и будь мнѣ благодѣтель!
«Я бѣденъ. Богъ тому свидѣтель!
«А бѣднаго теперь судьбѣ
«Угодно хлопоты умножить:
«Хозяйка родила сегодня двухъ дѣтей;
«Нѣтъ гроша въ хижинѣ моей,
«И нужда крайняя велитъ тебя тревожить.
«Я слышалъ, что въ твоемъ дому
«Шкатулка съ деньгами хранится:
«Ты счастливъ истинно, что могъ обогатиться!
— Нѣтъ, другъ, поздравь меня — отвѣтствуетъ ему
Сапожникъ весельчакъ: богатство улетѣло!
Я отдалъ все назадъ;
Веселость денегъ мнѣ дороже во сто кратъ
И не мое корпѣть надъ сундуками дѣло.
Вотъ два рублевика; они мои — я радъ
Помочь товарищу и другу;
Вчера я былъ богатъ
И, можетъ быть, не такъ согласенъ на услугу!

При деньгахъ мы на все сказать готовы *нѣтъ*,
И сердцу доброму избытокъ часто вредъ.

СТАРУШКА и БОГИНЯ ИСТИНА.

—

Средь хижинъ мирныхъ и смиренныхъ
Старушка добрая жила;
Несчастныхъ, огорченныхъ
Она помощницей была,
И ихъ дарила, чѣмъ могла —
Простою пищею, совѣтомъ, иль слезою.
Вечернею порою
Богиня Истина пришла однажды къ ней;
Стучится у дверей,
И проситъ помощи, почти совсѣмъ нагая:
Отъ бури и дождя несчастной дай покровъ!
Она кричитъ, изнемогая.
Чувствительнымъ сердцамъ не нужно много словъ;
Старушка съ радостью богиню принимаетъ;
У комелька ея одежду осушаетъ,
И тотчасъ ужинъ ей готовъ.
«Трапезой бѣдною моей не погнушайся.
Старушка говоритъ: «вотъ крынка молока,
Хлѣбъ, яицы. Садись — ты шла издалека —
И силы возвратить старайся!
Но кто ты такова, и какъ тебя зовутъ?»
— Я Истина. Меня и хвалятъ и поютъ;
Пристанища нигдѣ однакожъ не имѣю.
Ласкать я не умѣю
И правду говорю — вотъ вся моя вина;
За то и въ рубищѣ бродить осуждена.

Мнѣ плохо жить на свѣтѣ! —
«Переночуй ты въ хижинѣ моей;
Старушка отвѣчаетъ ей;
«А завтра на разсвѣтѣ
Увидимъ, чѣмъ могу несчатной я помочь.
Проходитъ ночь
И солнце келью освѣщаетъ.
Богиня примѣчаетъ,
Что добрая ея хозяюшка крива,
Съ горбомъ, и что у ней трясется голова.
— Какой уродъ — вскочивъ, не медля, восклицаетъ.
— Куда дѣвался глазъ другой? —
«Не смѣйся надо мной!
Старушка ей сказала;
«Когда гонимую судьбой
Отъ бури я спасала,
Въ награду отъ нея насмѣшекъ не ждала.»
— Пожалуй, не сердись! Я вижу: ты мила,
Умна; но ты горбата,
Крива, дурна лицемъ; я въ томъ не виновата! —
«Поди жъ, оставь меня! Мнѣ кажется, съ тобой
И съ доброю душой
Ужиться никому не можно.
Ты правду говори, да только осторожно!»
Богиня съ посохомъ и въ рубищѣ своемъ,
Вздохнувъ, пошла путемъ,
Не говоря ни слова.

Проказницѣ такой,
Я слышалъ, вѣчно бы шататься здѣсь нагой
Безъ Дмитрева и безъ Крылова.

ЛЕВЪ БОЛЬНОЙ И ЛИСИЦА.

Однажды левъ былъ болѣнъ
И подданнымъ своимъ послалъ такой указъ,
Что будетъ царь звѣрей отмѣнно тѣмъ доволенъ,
Кто посѣтитъ его болѣзни въ лютой часъ.
Животныя повиновались;
Нейдетъ лисица лишь одна.
Лисица, знаютъ всѣ, догадлива, умна —
И, видя, что ея друзья не возвращались:
«Пещера львиная, сказала, сущій адъ;
Никто нейдетъ назадъ.»

Намъ Лафонтенъ твердитъ неложно:
Тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осто-
рожно!

ДВѢ СТАРЫЯ КОШКИ.

Двѣ кошки старыя смиренно разсуждали
О прежнихъ радостяхъ своихъ,

Какъ встарину онѣ живали,
Какъ всѣ любили ихъ! —
«Настали времяна, обычаи дурные,
Одна вполголоса твердила такъ другой;
Въ котахъ учтивости не видно никакой;
Всѣ стали сорванцы прямые.
Повѣришь ли? сижу по суткамъ я одна;
Никто не примѣчаетъ,
Никто не приласкаетъ,
Какъ будто я чумой заражена. —
Ахъ, какъ, сестрица, ты мурлычишь справедливо!
Сѣдая кошка ей въ отвѣтъ:
Совсѣмъ перемѣнился свѣтъ!
Учтивость, постоянство — диво!
Бывало, я взгляну, и нѣсколько котовъ
Вертятся вкругъ меня, прыжками забавляютъ;
Клянусь, что всякой былъ мнѣ угождать готовъ.
А нынче всѣ пересмѣхаютъ.
Неблагодарные, какъ я любила ихъ!
Они измѣной заплатили,
Забудемъ мы съ тобой обманщиковъ такихъ,
Забудемъ какъ они забыли!
«Голобушки мои, прервалъ усастый котъ:
Все чередомъ своимъ идетъ;
Вы были молоды, и васъ тогда любили!
Взгляните на себя: вы сѣды, безъ зубовъ;
Какой же ожидать вамъ ласки отъ котовъ?

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ЦАРЬ.

—

На смерть невольникъ осужденный,
Лишась надежды всей, Монарха поносилъ:
Что говоритъ несчастный? вопросилъ
Чиновниками Царь своими окруженный. —
Онъ о тебѣ къ Творцу, любимецъ отвѣчалъ,
Моленья возсылаетъ,
И съ сокрушеніемъ, съ слезами умоляетъ,
Чтобъ жизнь ему ты даровалъ! —
«Свободенъ онъ! Прощать для сердца утѣшенье!»
Напрасно, Государь, даруешь ты прощенье,
Завистливый одинъ придворный закричалъ:
«Неистовый злодѣй, въ ужасномъ исступленьѣ,
Тебя, я слышалъ проклиналъ.»
Нѣтъ нужды: на него я милость обращаю.
Къ добру меня влечетъ любимецъ вѣрный мой;
Въ жестокой правдѣ нѣтъ отрады никакой —
И благотворну ложь я ей предпочитаю.

СЫЧИ.

—

Сіяніе златаго Феба
Не можетъ нравится сычамъ.
Когда по тонкимъ облакамъ,
Средь свѣтлоголубаго неба,

Онъ гордо шествуя даритъ отраду намъ;
Враги его въ дуплахъ скрываются, стонаютъ
И Феба проклинаютъ. —
Межъ солнца и земли луна
Однажды проходила
И въ полдень темнотой вселенную покрыла:
Лунѣ такая власть дана —
И мы знакомые съ небеснымъ симъ явленьемъ,
Зовемъ его затмѣньемъ;
И такъ затмился солнца свѣтъ....
Въ восторгѣ сычь кричитъ: «друзья, злодѣя нѣтъ!
Свѣтильникъ пагубный не существуетъ болѣ;
Нѣтъ, полно жить въ неволѣ!
Глядѣть во всѣ глаза намъ велѣно судьбой;
Тьма благотворная навѣки воцарилась;
Летите въ слѣдъ за мной!»
Безумцевъ стая возгордилась,
И тучею они стремятся къ небесамъ.
Но вѣчно ль ликовать сычамъ? —
Затмѣнье кончилось и солнце возсіяло;
Въ величіи свой путь небесный воспріяло;
Возвеселился міръ; все оживилось вновь:
Долины, горы, рощи;
Воспѣли соловьи блаженство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,
Прослыть орлами возмечтавъ,
Валятся на землю стремглавъ.

Какъ солнца свѣтлаго лучи,

Сіяютъ даръ, ученье:
Невѣжество — умовъ затмѣнье;
Невѣжды-авторы сычи.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

—

«Въ умѣ ли ты несчастной?
Богатый бѣдняку однажды говорилъ:
«Ты въ лотерею рубль послѣдній положилъ,
А самъ безъ обуви и въ нищитѣ ужасной!
Не лучше ли беречь денжонки на обѣдъ,
А не бросать въ огонь! — » Бѣднякъ ему въ отвѣтъ:
Винить меня ты воленъ;
Надежду я купилъ, и тѣмъ пока доволенъ.

ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

—

Волкъ вздумалъ добрымъ, смирнымъ быть.
Злодѣямъ мудрено любить —
Не спорю, но прошу послушать
Съ терпѣньемъ мой разсказъ.
Какимъ то случаемъ, въ какой то добрый часъ,

Привыкшій волкъ овецъ, ягнятъ невинныхъ ку-
шать.
Задумался и говоритъ:
«Кому не сдѣлалъ я обидъ?
Я общій врагъ; меня за дѣло проклинаютъ;
Всѣ гибели моей желаютъ:
Псари, собаки, пастухи.
Давно за тяжкіе грѣхи
Изгнали насъ изъ Альбіона.
Жизнь волчья сущій адъ. Не лучше ль наконецъ
Муравку мнѣ щипать и не душить овецъ?
Утѣшно ль быть виной несчастія и стона?
— Сказалъ смиренникъ нашъ, и видитъ пасту-
ховъ,
Сидящихъ вкругъ огня подъ взрослыми дубами.
Волкъ тихими шагами
Подходитъ. — Ужинъ былъ готовъ.
Барашекъ жареный, растерзанный на части,
Пріятной пищею хозяевамъ служилъ. —
«И у людей такія жъ страсти!
Прожора закричалъ: «напрасно я грустилъ,
Напрасно въ постники хотѣлъ я записаться.
Стадъ караульщики изволятъ забавляться
Не хуже насъ волковъ.
Къ чему мнѣ быть смирнѣй и лучше пастуховъ?
Овечки милыя, я съ вами раставаться
Теперь, повѣрьте мнѣ, не буду никогда:
Прошу пожаловать сюда!» —

Волкъ правъ, и не смотря на всѣ людскіе толки,
Мы точно тѣ же волки.

Японецъ.

—

Одинъ Японецъ молодой
Былъ глухъ и слѣпъ, къ тому жъ нѣмой,
Но участью своей доволенъ:
Имѣлъ все нужное, покоенъ былъ и воленъ.
«Благодарю боговъ, нерѣдко мыслилъ онъ,
«Что я въ Японіи живу благословенной!
Японцы такъ добры, чтутъ правду и законъ.
И я, всѣхъ чувствъ, почти лишенной,
Еще блаженствую и ими не забытъ:
Одѣтъ, обутъ и сытъ.» —
Какой то славный врачь, въ Японіи извѣстный,
(Не худо бы и намъ такихъ врачей имѣть!)
Далъ бѣдному бальзамъ чудесный:
Онъ началъ говорить и слышать и глядѣть.
Какое счастіе — вы скажете конечно.
Но чтожъ Японецъ нашъ узналъ?
Товарищи его не стоили похвалъ:
Другъ друга грабили они безчеловѣчно;
Вездѣ безсильный былъ попранъ;
Въ судахъ коварство обитало,
На торжищахъ обманъ,
И словомъ — зло торжествовало.

«О ужасъ! юноша вскричалъ
Съ прискорбіемъ души, съ сердечными слезами,
Такихъ ли гнусныхъ дѣлъ отъ васъ я ожидалъ?
Что сдѣлалось, Японцы, съ вами?
Куда не оглянусь: въ странѣ несчастной сей
Или безумецъ, иль злодѣй!»
Слова его судьямъ пересказали,
И тотчасъ отданъ былъ приказъ,
Чтобъ изъ отечества навѣкъ его изгнали. —
«Японцы, онъ сказалъ, теперь я знаю васъ,
И съ вами счастіе найти безъ спору можно,
Но быть уродомъ должно
Безъ языка, ушей и глазъ.»—

ЗАВИСТНИКИ СОЛОВЬЯ.

Весною пѣлъ лѣсовъ Орфей,
И всѣ ему внимали.
Въ восторгѣ древеса, казалось, трепетали,
Игривый не шумѣлъ ручей,
И пастухи свои оставили свирѣли.
Угрюмые сычи, нахмуряся, сидѣли,
Иль лучше прятались въ дуплахъ.
Но филинъ, завистью свой побѣждая страхъ,
Кричитъ прислужникамъ: «друзья, вы оробѣли;
Стыдитесь: я за васъ, чего страшиться намъ?
Летите кучею къ болотистымъ водамъ.

Лягушка, другъ намъ неизмѣнный,
Заквакаетъ — и соловей,
Оставленный, презрѣнный,
Не будетъ восхищать гармоніей своей!» —
Приказъ провозглашенъ — и вкуса врагъ из-
вѣстный,
Лягушка дерзкая заквакала въ водахъ.
И филинъ и сычи, отъ радости въ слезахъ,
Воскликнули: «о даръ чудесный!
Какой съ лягушкою равняется пѣвецъ?»
Малиновка трусиха,
Виляя хвостикомъ твердила изподтиха:
Лягушкѣ слава и вѣнецъ! —
Тебѣ ли, говоритъ ей зябликъ съ сожалѣньемъ,
Плѣняться кваканьемъ лягушки водяной?
Малиновка, что сдѣлалось съ тобой?
Одумайся! Сама ты восхищалась пѣньемъ
Весны любимца, соловья...
Не уже ли сычи малиновкѣ друзья?
Межъ нами ты слыла вострушкой;
Но долголь до бѣды? заквакаешь лягушкой.

Нелѣпое сужденіе вралей
Нимало не обидно;
Но въ шайкѣ быть сычей
Малиновкѣ грѣшно и стыдно.

ОВСЯНКА И ПѢНОЧКА.

—

«Помилуй, кумушка, какъ ты упряма стала!
Овсянка съ пѣночкой однажды разсуждала:
Ворону хвалятъ всѣ, а ты ее бранишь;
Скажи, что въ ней худова?
Осаниста, бойка, всегда кричать готова;
Напрасно, милая, ты къ ней не полетишь,
И не сведешь знакомства съ нею.» —
Я лгать, ты знаешь, не умѣю,
Сказала пѣночка: мнѣ сердце раздѣлить,
Повѣрь, никакъ не можно;
Признаніе мое, хотя неосторожно —
Что дѣлать? такъ и быть:
Любя соловушку, какъ мнѣ воронъ любить?

МЕРКУРІЙ И УМЕРШІЕ.

—

Къ Плутону грозному, въ жилище страшныхъ Фурій,
Умершихъ провожалъ Меркурій;
Ихъ было четверо: красавица, герой,
Старикъ и стиходѣй. Они тотчасъ дорогой
Вступили въ рѣчи межъ собой.
— Ударъ судьбы несносный, строгой!
Сказала дѣвушка: какъ въ юности такой

Оставить бѣлый свѣтъ, съ весельями проститься?
Любовникъ нѣжный мой
Навѣки осужденъ крушиться:
Онъ счастіе во мнѣ лишь находилъ одной.
Съ такою пылкою душой
Онъ безъ меня и жить не будетъ:
А если будетъ живъ, то вѣрно не забудетъ.
— Что дѣлать? говорилъ старикъ;
Повѣрь, красавица, и мой уронъ великъ:
Разстался я съ женою,
Съ любезными дѣтьми; надъ гробовой доскою,
Я знаю, что они теперь льютъ рѣки слезъ...
Пошли отраду имъ Зевесъ! —
Что вы передо мною?
Съ презрѣніемъ герой вскричалъ:
Я имянемъ моимъ вселенну наполнялъ,
И ужасъ былъ враговъ. Въ исторіи конечно
Великаго вождя жить будетъ имя вѣчно.
Скажите, кто со мной равняется изъ васъ?
— Не обижайте насъ!
Отвѣтствовалъ Піитъ: вы служите примѣромъ
Всѣмъ полководцамъ...можетъ быть!
Но въ памяти людей я долѣ буду жить.
Что Ахиллесъ передъ Омеромъ?
Всѣ будутъ наизусть стихи мои твердить,
И прославляя Оды громки,
Восплачутъ обо мнѣ, любимцѣ Музъ, потомки...
— Вы ошибаетесь, крылатый богъ сказалъ:
Любовникъ твой теперь другую увѣряетъ,
Что ей онъ сердце посвящаетъ,

И что прямой любви доселѣ онъ не зналъ.
Въ твоемъ старикъ огромномъ домѣ
Идетъ ужасная война:
Въ судъ просьба на дѣтей женою подана;
Она бъ хотѣла ихъ всѣхъ видѣть на соломѣ;
Мѣшки разложены, и дѣтки — въ кладовой;
Не слезы льются, дождь златой.
О подвигахъ твоихъ, непобѣдимый воинъ,
Никто не говоритъ;
Лишь имя твоего преемника гремитъ:
Онъ болѣе тебя всѣхъ почестей достоинъ;
Онъ истинный герой, такъ носится молва.
А ты, набитая стихами голова,
Великій риѳмоткачь, слывешь пѣвцомъ нескладнымъ,
И журналистамъ въ снѣдь остался непощаднымъ.

Меркурій точно правъ. Мы люди таковы:
Ближайшихъ къ сердцу забываемъ,
И съ ними навсегда — увы! —
Любовь и горесть погребаемъ.

КОТЪ и МОСЬКА.

—

Котъ вздумалъ съ моською играть.
Собаки всѣ добры. Курносая храпѣла,
Въ восторгѣ хвостикомъ вертѣла,

И всячески кота старалась забавлять.
Но дружба не прочна съ коварными сердцами!
Котъ въ моську когти запустилъ,
И даже сталъ кусать зубами! —
«Что такъ ты морщишься? — бѣдняжку онъ спросилъ:
Съ тобой я пошутилъ;
А я люблю шутить съ друзьями.
Сердиться на меня не только что смѣшно,
Но, право, кажется, грѣшно.»
Пожалуй, смѣйся надо мною;
— Сказала моська — но съ тобою
Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
А шуточекъ твоихъ боюсь,
И вредное навѣкъ знакомство разрываю:
Ошиблась — такъ и быть — опомнится пора!

Извѣстныхъ я враговъ всегда предпочитаю
Друзьямъ, которые царапать мастера.

ЛИСТОЧИКЪ.

—

Куда, листочикъ, ты летишь
Изсохшій, пожелтѣлый? —
Не знаю, говоришь:
Сломила буря дубъ дебелый,
Который вѣрною подпорой мнѣ служилъ

И рощи красотою былъ.
Носимый нынѣ Аквилономъ,
Или Зефиромъ, я лечу
Куда предписано мнѣ строгимъ ихъ закономъ,
А не туда, куда хочу,
Съ холма на лугъ, съ горы въ долину,
Безъ страха, ропота на грозную судьбину.
Всему конецъ! Я помню сей урокъ,
Для всѣхъ равно суровый;
Несусь, куда летитъ и гордый листъ лавровый,
И розы нѣжныя листокъ.

ПАВЛИНЪ, ЗЯБЛИКЪ и СОРОКА.

Сорока сплетница и зябликъ молчаливый
Къ павлину залетѣли въ садъ;
Онъ былъ гостямъ сердечно радъ,
И сдѣлалъ имъ пріемъ привѣтливый, учтивый.
Сорока начала болтать,
Бранить того, другова:
Лѣсовъ Орфея осуждать,
Смѣяться надъ орломъ, кукушку величать.
Всѣ слушали ее, не говоря ни слова.
Бесѣда кончилась — и, возвратясь домой,
Сорока своему товарищу сказала:
«Не кстати нашъ павлинъ любуется собой;
Такихъ ногъ скаредныхъ еще я не видала:

Какъ онъ нескладенъ и хохлатъ!
Ужасный голосъ, дикой!
Къ тому жъ, мнѣ кажется, онъ и гордецъ великой:
Все хочетъ умничать, и вѣчно невпопадъ.
— «Не соглашусь, кума, съ тобою,
Ей зябликъ отвѣчалъ: павлина красотою
Я только восхищаться могъ. —
Какія перья, хвостъ, осанка, обхожденье!
Вотъ, что я видѣлъ въ немъ — я не примѣтилъ ногъ.

Такъ точно. Злыхъ людей въ томъ состоитъ уменье,
Чтобъ недостатки находить;
А добрый счастливъ тѣмъ, что можетъ онъ хвалить.

МОЛОДАЯ ВДОВА.

Мужъ умеръ; какъ о немъ не плакать, не жалѣть?
Но горесть скоро улетаетъ;
Крылатый намъ Сатурнъ веселья возвращаетъ.
Какая разница: шесть мѣсяцевъ вдовѣть,
Иль нѣсколько часовъ несчастной быть вдовою?
Вчерашняя вдова пугаетъ всѣхъ собою;

Притворная иль нѣтъ тоска въ ея глазахъ,
И рѣчи все однѣ твердитъ она въ слезахъ.
Вдова, напротивъ, годовая
О мужѣ тужитъ, но слегка,
Пріятна, весела, ловка,
И домъ ея назвать жилищемъ можно рая.
Супругъ красавицы одной
Спѣшилъ отправиться къ Харону;
Жена въ отчаяньи кричала: «Боже мой!
Должна я твоему послушна быть закону;
Но, ахъ, возьми меня — и жизнь ему отдай!
За друга умереть я рада и готова!»
Не говоря ни слова,
Пустился мужъ одинъ въ печальный, дальній
край.
Вдова отца имѣла;
Старикъ догадливъ былъ, уменъ и зналъ лю-
дей;
Онъ милой дочери своей
Лить слезы не мѣшалъ. Красавица жалѣла,
Какъ хотѣла;
Проходитъ мѣсяцъ, два. Послушай, говоритъ
Старикъ вдовѣ несчастной:
Крушиться трудъ напрасной;
Мой другъ, умершаго твой плачь не воскреситъ!
Живыхъ довольно въ здѣшнемъ свѣтѣ;
Есть у меня женихъ прекрасный на примѣтѣ,
Но я теперь еще молчу,
И дочь любезную тревожить не хочу;
Я знаю, что печаль не можетъ вѣкъ продлиться!

«Нѣтъ, нѣтъ! Я въ монастырь желаю удалить-
ся —
Вздыхая, отвѣчаетъ дочь:
Я буду тамъ стенать, молиться день и ночь;
Вотъ мой удѣлъ — вотъ все мое желанье!
Несчастью моему лишь можетъ смерть помочь!»
Старикъ молчитъ въ пріятномъ ожиданьи.
Чрезъ мѣсяцъ, горькая вдова
Уже заботится о модномъ одѣваньи:
Въ корсетѣ стянута, и въ кудряхъ голова,
И новыя у ней и мебели и шали. —
Еще два мѣсяца, и слезы и печали —
Изчезло все какъ сонъ! — Амуры къ ней тол-
пой
Летятъ: прелестница блистаетъ красотой,
И келью для себя не думаетъ готовить. —
Скажите, говоритъ, отца обнявъ рукой,
Гдѣ тотъ женихъ прекрасный, молодой,
Съ которымъ вы меня хотѣли познакомить?

ПРЕИМУЩЕСТВО ДАРОВАНІЙ.

Сосѣдъ однажды за обѣдомъ
Довольно чудный споръ завелъ съ своимъ сосѣ-
домъ.
Одинъ — убогій былъ пѣвецъ,

Другой — богачь, невѣжда и глупецъ:
Конечно, догататься можно,
Что откупщикъ во всемъ хотѣлъ поверхность взять,
И въ гордости мечталъ, что непремѣнно должно
Гнуть спину передъ нимъ и, слушая, молчать.
Я, признаюсь, другаго мнѣнья:
Богатство безъ ума не стоитъ уваженья.
«Послушай, говорилъ богачь:
Я знаю, ты ученъ, философъ и риѳмачь;
Но что твои стихи и умъ передъ рублями?
Читаешь много ты, но прибыли въ томъ нѣтъ;
Ты можешь ли, какъ я, дать лакомый обѣдъ
И подчивать гостей шампанскимъ, стерлядями?
Я бариномъ живу, а ты на чердакѣ;
Смотри; вездѣ фарфоръ и бронзы и картины!
Курильницы во всякомъ уголкѣ,
И на диванахъ левантины.
Не хвастайся своей ученой головой;
Я вижу, плохо быть Поэтомъ!
Ты въ Декабрѣ одѣтъ такъ точно какъ я лѣтомъ,
И тѣнь твоя бѣжитъ слугою за тобой!
Мы счастье раздаемъ. Художники, портные,
Газетчики и авторы дурные,
Торговки модныхъ шляпъ, и тѣ, кто носятъ ихъ,
Всѣ нами кормятся, а въ сказочкахъ твоихъ,
Повѣрь, пріятель, мнѣ, нѣтъ проку никакова.» —
Бѣднякъ не отвѣчалъ ни слова;
Война отмстила за него.
Домъ богача сожженъ и все его имѣнье.

Поэтъ не потерялъ войною ничего:
Талантъ его, воображенье
И благородный духъ, безцѣнный даръ Небесъ,
Въ странѣ другой нашли награду и почтенье.
На чей же сторонѣ, скажите, перевѣсъ?

СМОКОВНИЦА.

—

На берегу пруда смоковница стояла
И берегъ украшала.
Пернатые пѣвцы слетались къ ней подъ тѣнь;
Такъ цѣлый Майскій день
Они любовь свою и счастье воспѣвали;
Но прочнаго блаженства нѣтъ!
Нерѣдко радость есть предвѣстникомъ печали
И будущихъ залогомъ бѣдъ.
Ужасная гроза внезапно наступаетъ.
Хоръ птичекъ, скрывшись, умолкаетъ;
Пылаетъ сводъ небесъ, несется пыль столбомъ,
И страшный, сильный громъ
Смоковницу разитъ и бѣдную лишаетъ
И листьевъ и плодовъ.
Но солнце тучи прогоняетъ.
Слетаются пѣвцы подъ свой любимый кровъ,
И что жъ представилось ихъ взору?—Разрушенье.
О ужасъ, чижъ вскричалъ: лечу отселѣ прочь!

Я не могу ничѣмъ смоковницѣ помочь,
А видѣть мнѣ ее — несносное мученье.
Летите всѣ за мной!
Здѣсь дѣлать нечего. — И я, и я съ тобой,
Примолвили скворецъ, щегленокъ и овсянка,
Вся здѣшняя страна раззорена кругомъ,
И болѣе теперь для пѣсень не приманка;
Веселіе насъ ждетъ въ убѣжищѣ другомъ.
Я здѣсь любовь узнала,
Сказала горлица: и здѣсь я буду жить;
Смоковница меня счастливою видала,
И съ нею я хочу несчастіе дѣлить. —
И я любить умѣю,
Воскликнулъ соловей;
Хочу сюда гармоніей своею
Со всѣхъ сторонъ привлечь людей;
Хотя смоковница не та ужъ стала нынѣ,
Но все любезна мнѣ и въ горестной судьбинѣ.

Въ несчастьи познаемъ мы истинныхъ друзей.

ГНѢВЪ ЗЕВЕСА.

—

Разгнѣванный Зевесъ въ Идаліи прекрасной
Туманомъ небо обложилъ;
Сокрылось солнце — и ужасной

Борей завылъ въ странѣ, гдѣ все животворилъ
Зефиръ дыханьемъ благодатнымъ.
Унынье царствуетъ въ дубравахъ, на холмахъ,
Увяли розы на кустахъ
И воздухомъ луга не дышатъ ароматнымъ.
Вездѣ печаль и стонъ — и въ капищахъ своихъ,
Колѣна преклонивъ передъ Творцемъ природы,
Всѣ молятъ жители, да отвратитъ отъ нихъ
Онъ бури и невзгоды!
Моленье чистое доходитъ до Небесъ!
Умилосердился Зевесъ
И гнѣвъ на благость обращаетъ;
Онъ солнцу грѣть повелѣваетъ:
Все оживляется прекрасною весной.

Смиряться должно предъ судьбой!
Отецъ и Судія вселенной управляетъ:
Онъ наказуетъ — и прощаетъ.
Давно ль Москва, краса градовъ,
Подъ игомъ бѣдствія стенала,
И посреди ярящихся враговъ
Въ развалинахъ пылала?
Туманы пронеслись: гордыни сломленъ рогъ! —
Изъ пепла своего Москва возстала краше;
О Ты, который все трудами превозмогъ,
Сіяй надъ нами, Солнце наше!

ПРОХОЖІЙ и РѢКА.

—

Хочу исправиться и нравъ перемѣнить —
Одинъ пріятель мой мнѣ вздумалъ говорить:
Хочу души своей я прекратить мученье
И перестать измѣнницу любить!
Я карточной игрой разстроивалъ имѣнье;
Но съ страстью гибельной прощаюсь навсегда!
Мнѣ свѣтъ оставить не бѣда.
Въ деревнѣ поселюсь я даже и зимою;
Друзья пустынника пріѣдутъ посѣщать;
Науками свой умъ я буду просвѣщатъ,
И ты доволенъ будешь мною! —
Я слышалъ много разъ, ему я отвѣчалъ,
Что ты обычай свой перемѣнить желаешь
Но что жъ не начинаешь? —
Черезъ недѣлю, онъ сказалъ,
Черезъ недѣлю я всѣ связи разрываю:
Приличности я сохраняю;
Придраться должно мнѣ къ красавицѣ моей:
Но невзначай пріѣхать къ ней
И объявить, что я ея слуга покорный —
Такой поступокъ вздорный
Меня предъ всѣми очернитъ. —
Такъ говорилъ мой другъ дорогою со мною.
Подходимъ мы къ рѣкѣ — на берегу сидитъ
Прохожій со ношей и съ сумою.
Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ я бѣдняка,
Въ глазахъ котораго я видѣлъ нетерпѣнье.

Мнѣ нужда есть пройти въ ближайшее селенье,
Вздохнувъ, онъ отвѣчалъ: досада велика!
Здѣсь нѣтъ мостовъ! — авось либо рѣка,
Ко счастью, прекратитъ теченье:
Я этаго и жду, чтобъ очутиться тамъ.
Мой другъ, вотъ образъ твой! И ты по пустякамъ
Намѣренье благое отлагаешь;
Рѣка все будетъ течь — и если ты желаешь
На берегу другомъ пожить,
Совѣтъ мой: броситься и плыть.

КУЗНЕЧИКЪ.

Кузнечикъ, въ муравѣ густой
Скрываясь, мотылькомъ прельщался,
Который съ одного цвѣточка на другой
Порхалъ, рѣзвился, любовался
И Майскимъ утромъ и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльяхъ мотылька, и взоры привлекали.
«Какъ не завидовать судьбинѣ мнѣ его?
Кузнечикъ разсуждалъ: «Природа для него
«Даровъ своихъ не пощадила;
«Счастливца красотой, проворствомъ наградила,
«А я забытъ — и ничего

«Въ удѣлъ отъ мачихи-Природы не имѣю;
«Кому извѣстенъ я? Собою не красивъ;
«Прельщать и нравиться ничѣмъ я не умѣю!
«Ахъ, жить на что тому, кто въ жизни несчаст-
ливъ?
Межъ тѣмъ, какъ, тяжко воздыхая,
Кузнечикъ горевалъ объ участи своей,
Толпа веселая дѣтей,
На лугъ зеленый прибѣгая,
Пустилась въ слѣдъ за мотылькомъ.
На воздухъ и платки и шляпы полетѣли!
Мальчишки рѣзвые красавцемъ овладѣли,
И онъ пойманъ подъ платкомъ.
Одинъ ему крыло, другой теребитъ ногу,
А третій и совсѣмъ бѣдняжку раздавилъ.
«Какую видѣлъ я тревогу!
Кузнечикъ, притаясь, себѣ проговорилъ:
Я, право, мотыльку завидовалъ напрасно,
И вижу, что блистать на свѣтѣ семъ опасно!»

Всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,
Скрывать свой уголокъ, и неизвѣстнымъ быть.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

—

ГЛАВА II. *

Читатель, можетъ быть, дивится,
Что я такъ свѣдущъ и учёнъ;
Но я всегда любилъ учиться
И мой полковникъ, графъ Вальтронъ,
Саксонецъ, Гёте обожатель,
Былъ мой наставникъ и пріятель;
Онъ колдуновъ, чертей любилъ
И признаюсь, ему въ угоду,
Я принялъ новую методу;
Расина трагика бранилъ,
Не смѣлъ Вольтера звать поэтомъ,
А восхищался я Гамлетомъ,
И Фауста переводилъ.
Мнѣ нужно было отступленье;
Читателю я доказалъ,
Что службы долгъ мнѣ не мѣшалъ
Любить и книги и ученье.

* Въ первой главѣ Капитанъ Храбровъ разсказываетъ, какъ онъ, на пути въ деревню, попался было къ разбойникамъ и выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ; какъ встрѣтился съ другомъ своимъ Валентиномъ, который извѣстилъ его, что разбойники переловлены; какъ на конецъ, пріѣхавъ къ матери своей, увидѣлъ тамъ воспитанницу ея Наташу и влюбился въ нее.

Теперь къ Наташѣ я своей
Въ восторгѣ сердца обращаюсь;
Вотъ мѣсяцъ, какъ въ деревнѣ съ ней
Живу и жизнью наслаждаюсь.
Хоть снѣгъ порхаетъ по полямъ,
Мы съ нею рѣзвимся, гуляемъ,
При матушкѣ, по вечерамъ
Романы, повѣсти читаемъ;
Старушка дремлетъ, и для насъ
Тѣмъ лучше, тысячу я разъ
У милой руку поцѣлую;
Она въ невинности своей
Твердитъ, что я любезенъ ей;
Я веселъ, счастливъ, торжествую!
Ахъ! безъ любви пустыня свѣтъ!
Однажды утромъ, мнѣ пакетъ
Приносятъ съ почты; я читаю:
«Мой другъ! тебя увѣдомляю,
«Что старика ты не убилъ:
«Ему ты руку раздробилъ;
«Онъ раненъ, но въ живыхъ остался.
«Во многомъ, къ счастію, признался,
«И я въ Саратовъ буду съ нимъ.
«Съ тобой, товарищемъ моимъ,
«Увижусь къ радости сердечной
«Твой другъ не лицемѣрной, вѣчной.

Валентинъ».

Я доброй матери моей
Прочелъ пріятеля посланье; —
«Исполни Богъ мое желанье!»

Она сказала: «можетъ ей
«Онъ и женихъ. Не правдаль, милой?
«Стараться будемъ всею силой,
«Чтобъ онъ Наташу полюбилъ!
«Онъ не богатъ, я это знаю,
«Но честенъ, говорятъ, и милъ;
«А честность я предпочитаю
«Богатству и чинамъ большимъ.» —
Я былъ въ смущеньи, недвижимъ,
И не сказалъ въ отвѣтъ ни слова;
А милая была готова
Заплакать отъ такихъ рѣчей.
Но къ счастью, капитанъ-исправникъ
Великій краснобай, забавникъ
На дворъ катитъ съ женой своей,
Большой охотницей до чтенья,
Питомицей Мадамъ Жарни. —
«Скорѣе чаю и варенья,»
Кричитъ старушка, «вотъ они: —
«А! Петръ Ѳомичъ, прошу садиться,
«Аксинья Павловна, ко мнѣ!
«Поближе, только нечиниться.
«Давно мы въ здѣшней сторонѣ
«Гостей любезныхъ не видали.
«Прошу Парфена полюбить,
«Надѣюсь, вы о немъ слыхали:
«Онъ отпущенъ со мной пожить;
«Господь старуху утѣшаетъ!»
И Петръ Ѳомичъ меня тотчасъ
Съ восторгомъ къ сердцу прижимаетъ;

Жена учтиво присѣдаетъ;
«Monsieur Храбровъ! мы ждали васъ
«Съ большимъ, повѣрьте, нетерпѣньемъ;
«Я слышала, что вы поэтъ:
«Скажите, правда или нѣтъ?
«Я очень занимаюсь чтеньемъ,
«И романтизмъ меня плѣнилъ!
«Не давно Ларина Татьяна
«Мнѣ подарила Калибана;
«Ахъ! какъ онъ интересенъ, милъ!
«Заиры, Федры, Андромахи,
«Не въ модѣ болѣе у насъ;
«О нихъ и наши Альманахи
«Съ презрѣньемъ говорятъ подъ часъ.»

— «Что, каково,» Ѳомичъ вскричалъ,
«Умомъ хозяйка щеголяетъ?
«Недѣлю каждую журналъ
«Она не даромъ получаетъ
«Языкъ французскій ей знакомъ,
«И розовый ея Альбомъ
«Наполненъ разными стихами
«Рисунками и вензелями.»
Но вотъ Наташа за столомъ
Чай ароматный разливаетъ,
Франтиха съ головы снимаетъ
Московскій щегольской *беретъ*;
«Подобнаго въ уѣздѣ нѣтъ,»
Она съ улыбкою сказала:
«Мадамъ Ле-Буръ шлетъ всякой годъ

«Мнѣ кучу иностранныхъ модъ,
«Но дорога несносно стала;
«А съ ней разстаться не могу
«Въ большомъ я живучи кругу.»
Чай отпили, и ночевать
Остались гости дорогіе,
Ихъ должно было удержать;
Проѣзды осенью дурные.
И Петръ Ѳомичъ, исправникъ нашъ,
Хоть должностью давненько правилъ,
Мостовъ же вовсе не исправилъ,
Свой наблюдая *авантажъ*
Иль прибыль, говоря по-русски;
Чтобъ мнѣ отъ рифмы не отстать,
Одно словечко написать
Осмѣлился я по-французски.
Ты смѣлость не почти виной,
Читатель благосклонный мой.

СКАЗКИ.

СКАЗКИ.

КАБУДЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

—

На берегахъ Эвфрата
Жилъ пахарь, имянемъ Гассанъ,
Смиренный, добрый Мусульманъ,
Который не имѣлъ ни серебра, ни злата;
Имѣлъ осла; любилъ его какъ брата;
Лелѣялъ, чистилъ и кормилъ,
И качества его онъ всѣмъ превозносилъ.
На утренней зарѣ, и солнца на закатѣ,
На немъ нашъ пахарь разъѣзжалъ,
И повода изъ рукъ, задумавшись, бросалъ,
Увѣренъ будучи въ своемъ ослѣ и братѣ,
Что вѣрно привезетъ Гассана онъ домой.
И подлинно — признаться должно
Оселъ былъ умница прямой;
Красавецъ; выступалъ онъ гордо, осторожно;
Ушами длинными пріятно шевелилъ
И взоромъ ласковымъ Гассана веселилъ.
Но впрочемъ, красота наружная плѣняетъ,
А счастья никому она не доставляетъ.
Умъ надобенъ; оселъ съ разсудкомъ точно былъ;
Подъ ношею своей не спотыкался,
По сторонамъ не озирался
И по утесамъ онъ чиннехонько ходилъ,

Какъ ходятъ богачи по гладкому паркету.
Извѣстный Сади говоритъ,
Что истинный разсудокъ состоитъ
Единственно лишь въ томъ, чтобъ, слѣдуя совѣту
Великихъ мудрецовъ, подъ ношей не кряхтѣть,
Умѣть ее носить — и, въ случаѣ, терпѣть.
Однажды нашъ Гассанъ рысцою
Поѣхалъ на ослѣ въ ближайшій городокъ;
И вотъ съ нимъ встрѣтился сѣдой Дервишь съ клюкою.
Гассанъ ему поклонъ. «Здорово, мой дружокъ,
Сказалъ Дервишъ: «великій нашъ Пророкъ
«Да низпошлетъ тебѣ свое благословенье!
«Какой же у тебя прекраснѣйшій оселъ!
—Честный отецъ! онъ мнѣ товарищъ, утѣшенье,
И красоту свою понятьемъ превзошелъ;
Послушенъ, добръ, дорогу всюду знаетъ,
Я брошу повода. . . а онъ идетъ, идетъ
Все далѣе впередъ.
Не я его, меня дружище сберегаетъ.
За десять томановъ осла я не продамъ. —
«Я сотню дамъ
—Святоша возразилъ—«и съ радостью большою.«
Гассанъ любилъ осла и сердцемъ и душою;
Но столько денегъ получить,
Разбогатѣть!... Что дѣлать? такъ и быть!
Хотѣлъ махнуть рукою —
Какъ вдругъ Дервишь вскричалъ:
«Напрасно продавать осла я убѣждалъ;
«Онъ долженъ быть тебѣ любезенъ;

«Жалѣешь ты о немъ — я вижу по глазамъ;
«Послушй, другъ! Обоимъ вамъ
«Я быть могу полезенъ.
«Умѣетъ ли, скажи, оселъ твой говорить?»
— Нѣтъ, кажется, ни слова.
«Читать, писать, судить
«О мірѣ, что въ немъ есть и добраго и злова?»
— Не думаю, — «Онъ, можетъ быть,
«Къ иному приложилъ охоту, попеченье—
«И вѣрно Географъ, Историкъ, Философъ?»...
Нашъ пахарь въ изумленьѣ,
— Святый Пророкъ! сказалъ: не только всѣхъ ословъ,
Тогда бы и меня онъ превзошелъ въ ученьѣ!
Оселъ и Философъ!—«Диковинки въ томъ нѣтъ!
«Такія ль чудеса случались подъ луною?
«Обманъ не сроденъ мнѣ; я дамъ тебѣ совѣтъ:
«Возьми мой кошелекъ, иль отпусти со мною
«Ты въ Мекку друга своего;
«Навремя можно разлучиться —
«И путешествіе полезно для него.
«Въ отчизну онъ свою ученымъ возвратится:
«Онъ будетъ говорить на многихъ языкахъ,
«Читать и Алкоранъ, и воспѣвать въ стихахъ
«Движеніе міровъ и красоту природы;
«Узнаетъ, какъ живутъ всѣ прочіе народы;
«Годъ протечетъ... оселъ увидится съ тобой!
«Я смѣло увѣряю,
«Что будешь скоро ты съ несмѣтною казной.
«Рѣшись: сто томановъ, иль въ Мекку?»

— Отпускаю!
Воскликнулъ нашъ Гассанъ:—ударимъ по рукамъ!
Вотъ мой оселъ! По пустякамъ
Златаго времяни я тратить не желаю.
Какая слава мнѣ, какая будетъ честь,
Когда на мудреца верхомъ изволю сѣсть;
Когда меня смиреннаго Гассана,
Подниметъ на хребетъ учитель Алкорана!
Счастливый путь, отецъ святой!...—
И дѣло сдѣлано. — Съ осла Гассанъ слѣзаетъ,
Цѣлуетъ съ нѣжностью, съ слезами провожаетъ:
—Прости, Кабудъ, мой другъ! Прости, Пророкъ съ тобой!
Для счастья твоего, красавецъ дорогой,
Идешь ты странствовать по свѣту:
Послушенъ будь; молись почаще Магомету,
И возвратись скорѣй Философомъ домой!—
На добраго осла вскарабкался святоша,
Поѣхалъ; вслѣдъ кричитъ нашъ пахарь:—«черезъ годъ,
«Смотри, я жду тебя!» — А самъ...пѣшкомъ идетъ,
И спину бѣднаго согнула крюкомъ ноша.
Доплелся кое-какъ
Въ деревню нашъ бѣднякъ
И говоритъ: «оселъ поѣхалъ мой учиться;
«Великимъ мудрецомъ конечно возвратится,
«И ровно черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ жить.
«Увидите друзья!—Теперь ни слова болѣ!
«Пусть странствуетъ Кабудъ по волѣ!
«Хотя и тяжело подъ часъ пѣшкомъ ходить!...

Горюетъ нашъ Гассанъ, а дни текутъ за днями.
Дервишъ съ товарищемъ объѣхалъ много странъ:
Всю Анатолію, обильную плодами,
Обширный Діарбекъ, торгующій слонами
И надѣляющій шелками Персіянъ.
Проходятъ и Алепъ, богатый жемчугами,
Касарію, Моссулъ, Эдессу и Гарамъ,
Гдѣ, по преданіямъ, родился Авраамъ.
«Вотъ здѣсь—нашъ богомолъ почтенный
«Кабуду говорилъ —
«Несчастныхъ Персіанъ Филиппов сынъ разбилъ;
«А тамъ, Царемъ Понтійскимъ раздраженный,
«Іулій, славой озаренный,
«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»
Кабудъ не отвѣчалъ ни слова;
Но отъ вниманія большова
Ушами хлопалъ и зѣвалъ,
А между тѣмъ его святоша погонялъ...
Вотъ наши странники пристали къ каравану,
Который съ грузомъ въ Мекку шелъ.
Описывать не стану,
Какое множество нашелъ
Кабудъ тутъ мудрецовъ, врачей и астрологовъ,
Историковъ и филологовъ,
Художниковъ и риѳмачей,
И разныхъ языковъ искусныхъ толмачей.
Какой же случай для ученья!...
Одинъ читалъ свои о мірѣ разсужденья;
Другой отыскивалъ источникъ всѣмъ словамъ.
И—будучи Башкиръ—рѣчь длинную готовилъ,

Въ которой увѣрялъ, что праотецъ Адамъ
Башкирскимъ языкомъ бесѣдовать изволилъ
Съ прекрасной Эввою своей.
На правой сторонѣ брюхастый стиходѣй
Достойнѣйшихъ писателей злословилъ,
И пасквили писалъ на сочиненья ихъ,
А помнилъ самъ въ душѣ одинъ извѣстный стихъ,
Которымъ онъ воспѣтъ въ поэмѣ былъ шутливой.
Въ сосѣдствѣ отъ него подъ зонтикомъ лежалъ
Истолкователь сновъ, надутый, горделивой;
Въ рукахъ сонникъ онъ съ важностью держалъ
И въ будущемъ читалъ,
А настоящаго и знать не добивался.
Кабудъ все слушалъ, примѣчалъ
И, молча, просвѣщался.
Приближился къ концу несчастный, скучный годъ;
Гассанъ Кабуда ждетъ, да ждетъ,
И въ горести глубокой
Онъ, сидя вечеромъ у хижины своей,
Вздыхая говоритъ: «скажи, Дервишъ жестокой,
«Что прибыли въ умѣ и святости твоей?
«Кабуда ты меня лишаешь,
«Работаю вседневно я одинъ,
«А ты на немъ, какъ знатной господинъ,
«Покойно разъѣзжаешь.
«Какъ прежде весело я жилъ!

«Въ трудахъ моихъ оселъ помощникъ вѣрный
былъ;
«Я въ одиночествѣ изнемогаю нынѣ,
«И будетъ ли конецъ
«Гассановой кручинѣ?»
Сказалъ...и что жъ? Честной отецъ
Тащится на ослѣ въ долинѣ. —
Вотъ онъ, вотъ онъ! Гассанъ въ восторгѣ закричалъ,
Дервишъ къ избушкѣ подъѣзжаетъ.
«Гдѣ милый мой Кабудъ? нашъ пахарь вопрошаетъ.
— Не уже ль своего ты друга не узналъ?
Вотъ онъ!» О Магометъ! Товарищъ мой хромаетъ
«И спотыкается!» — Не спорю; но душой
Онъ не споткнется вѣчно. —
«Да гдѣ же глазъ другой?
«Онъ кривъ; уродъ.» — Конечно!
Но развѣ мудрецомъ не можетъ быть кривой?
И въ книгѣ сказано Пророкомъ:
Однимъ, но прозорливымъ окомъ,
Намъ должно проницать въ сердца.—
«Какой онъ прежде былъ дородной, величавой;
«А нынѣ вижу въ немъ срамца.»
— Дородность ничего не значитъ передъ славой,
Передъ ученьемъ мудреца. —
«И такъ Кабудъ ученъ?» — Онъ Филосовъ великій,
И знаетъ хорошо восточные языки;

Не запинаясь, говоритъ;
И вѣрь, что здѣсь онъ всѣхъ въ селеньи удивитъ.
Прости! мнѣ недосугъ, и квити мы съ тобою! —
Прости, святый отецъ!
А ты, Кабудъ, любезнѣйшій мудрецъ,
На мѣсто прежнее прошу итти за мною!
Уже далеко нашъ Дервишъ.
Гассанъ товарища ласкаетъ,
И съ умиленьемъ вопрошаетъ:
«Что ты, мой другъ, не говоришь?
«Усталъ конечно отъ дороги;
«Поди и отдохни; твои трясутся ноги,
«А у меня все есть: солома и овесъ.
«Я вижу, что труда ты много перенесъ;
«Ты завтра все разскажешь,
«И философію, и разумъ свой докажешь.
«Спи, мой сердечный... будь здоровъ!»
Проходитъ ночь; Гассанъ сосѣдамъ объявляетъ.
Что у него въ хлѣвѣ ученый Философъ,
Хоть родомъ изъ ословъ —
И всѣхъ на смотръ сзываетъ.
Толпою жители бѣгутъ.
Гассанъ кричитъ: «вотъ мой Кабудъ!
«Онъ говоритъ стихами по Башкирски,
«И прозою по Сирски.
«Ученья своего не будетъ онъ таить;
«Прошу пожаловать и съ нимъ поговорить.»
Старикъ, съ плѣшивой головою,
И длинною до чреслъ висящей бородою,

Выходитъ изъ толпы и, низко поклонясь,
Къ ученому ослу съ учтивостью взываетъ:
«Имѣетъ ли земля съ небесной твердью связь
«И для чего луна рогатая бываетъ?
«Надѣюсь—говоритъ—ты не вмѣнишь въ вину,
Мудрецъ четвероногой,
«Что школы сельскія учитель я убогой
«Испытывать хочу ученья глубину.»
Кабудъ въ отвѣтъ ни слова:
И шайка остряковъ была уже готова
Надъ бѣднымъ пахаремъ шутить.
«Помедлите, друзья!» сказалъ Гассанъ смиренный:
«Молчанія виной стыдливость можетъ быть;
«Кабудъ Философъ несравненный,
«Я смѣло увѣряю васъ.»
— Постойте — возгласилъ сапожникъ толсто-
брюхой,
Забавникъ, балагуръ, охотникъ до проказъ:
Вы дайте волю мнѣ. — Философъ вислоухой,
Скажи скорѣй, который часъ?—
Кабудъ, зашевелилъ ушами,
Собранье осмотрѣлъ,
Разширилъ ноздри, и—ногами
Затопавъ, онъ махнулъ хвостомъ... и заревѣлъ.
— Прекрасно говоритъ Философъ новый съ
нами —
Сапожникъ съ смѣхомъ закричалъ.
Гассанъ, въ отчаяньи, дубину въ руки взялъ
И ею потчивалъ Кабуда.

«Напрасно бьешь осла — сапожникъ продол
жалъ —
«Скажи, сосѣдъ, откуда
«Такія въ голову нелѣпости ты взялъ,
«Что можетъ твой оселъ насъ удивить ученьемъ.
«И говорить какъ Философъ?
«Гдѣ видѣлъ ты ословъ,
«Съ умомъ и просвѣщеньемъ?
«Дервишъ смѣялся надъ тобой;
«Ему пѣшкомъ итти казалось очень трудно;
А ты, съ пустою головой,
«Святошу наградилъ Кабудомъ безразсудно.
«Живутъ здѣсь разнымъ ремесломъ,
«И этому, сосѣдъ, не долженъ ты дивиться:
«А кто поѣхалъ въ путь осломъ.
«Осломъ и возвратится.

ЛЮДМИЛА и УСЛАДЪ.

ПОСВЯЩЕНА К. Н. БАТЮШКОВУ.

—

Аполлономъ вдохновенный,
Другъ любезный и поэтъ!
Ты, прощаясь, далъ совѣтъ,
Чтобъ, на скуку осужденный,
Коротилъ я длинный часъ —
И свободными стихами

Я бесѣдовалъ съ друзьями.
Но, ахъ милые, безъ васъ
Какъ стихами заниматься?
Какъ веселымъ мнѣ казаться?
Такъ и быть. Вотъ мой разсказъ.

Солнце за лѣсъ заходило;
Съ черноокою Людмилой
Витязь ѣхалъ на конѣ
Въ полудневной сторонѣ,
Гдѣ Днѣпръ быстрый протекаетъ
И волнами омываетъ
Древній, славный Кіевъ градъ.
Имя Витязю Усладъ.
Онъ красавицу рукою
Къ бѣлой груди прижималъ,
И конемъ своимъ другою
Храбрый витязь управлялъ.
Впереди служитель вѣрный,
Другъ Услада неизмѣнный,
Добрый песъ его бѣжалъ.
Вотъ и замокъ съ теремами,
Гдѣ подъ часъ Усладъ съ друзьями
Веселился, пировалъ,
Показался за долами! —
«Скоро, скоро, онъ сказалъ
Юной спутницѣ, прекрасной,
«Твой любовникъ нѣжный, страстный
«Въ свой чертогъ тебя введетъ:
«Счастье прочное насъ ждетъ!» —

Что же? Въ броню облеченный,
Страшный ростомъ, Печенѣгъ
Вдругъ явился. — «Дерзновенный!
«Тщетенъ съ милою побѣгъ!
Съ гнѣвомъ онъ кричитъ Усладу:
«Ты красавицу отдай!
«Иль найдешь путь скорый къ аду;
«Что ты хочешь? Выбирай!» —
— Не страшусь твоей я силы,
Храбрый Витязь говоритъ:
Взоръ прекрасныя Людмилы
Мнѣ въ сраженьи будетъ щитъ.
И съ коня Усладъ слѣзаетъ
Въ гнѣвѣ яростномъ долой;
За любовь и честь вступаетъ
Съ Печенѣгомъ въ бой ручной.
Крикъ въ дубравѣ раздается
Нашихъ двухъ богатырей;
Кровь изъ нихъ ручьями льется;
Но борьбѣ, Людмила, сей
Не дивится, ожидаетъ,
Скоро ль будетъ ей конецъ?
Конь дрожитъ, песъ страшно лаетъ.
«Полно! полно! восклицаетъ
Неожиданный пришлецъ.
«Силой равны мы съ тобою!
«Ночь ужъ кроетъ темнотою
«Лѣсъ густой и злачный долъ;
«Пусть Людмила выбираетъ
«Съ кѣмъ итти она желаетъ.

«Ей дадимъ на произволъ! —
И, подавъ Людмила руку
Печенѣгу, въ тотъ же часъ
Удаляется отъ глазъ!
Опишу ль Услада муку? —
Окровавленну главу,
Изумясь, онъ преклоняетъ,
Что съ нимъ сдѣлалось? Не знаетъ,
Иль во снѣ, иль наяву!
Смотритъ вдаль — и похититель
Возвращается назадъ. —
«Песъ, твой вѣрный охранитель,
«Нуженъ намъ, о другъ Усладъ!
«Черноокая Людмила
«Взять его мнѣ поручила. —
— За тобой итти во слѣдъ?
Если песъ мой пожелаетъ —
Съ вздохомъ тяжкимъ отвѣчаетъ
Храбрый Витязь — спору нѣтъ!
Я отдать его согласенъ!
Обольститель пса зоветъ
И ласкаетъ; трудъ напрасенъ!
Лаетъ песъ и прочь нейдетъ!
Онъ къ ногамъ прилегъ Услада.
«Въ горѣ вотъ моя отрада!
Витязь громко закричалъ;
«Кто любовь мнѣ доказалъ?
«Песъ, мой другъ нелицемѣрный!
«Я съ нимъ вѣчно буду жить.

«И красавицѣ невѣрной
«Онъ урокомъ долженъ быть.

Обожаемый сердцами,
Полъ прекрасный! Не сердись;
Я невиненъ. Улыбнись!
Вѣдь не грѣхъ шутить стихами!
Лжецъ и сказочникъ, все тожъ.
Знаютъ всѣ, что сказка ложь.

БЫЛЬ.

—

На Лизѣ молодой богачь старикъ женился,
И участью своей онъ недоволенъ былъ.
Что ты задумалась? женѣ онъ говорилъ;
Я право пищи всей лишился
Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ меня съ тобой соединилъ!
Все ты сидишь въ углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вѣчно *вы* да *вы*.
Дружочикъ, любушка! скажи мнѣ нѣжно: *ты* —
И шаль Турецкая готова.
При словѣ *шаль* жена перемѣнила тонъ.
«Какъ *ты* догадливъ сталъ! Поди жь скорѣе вонъ!»

КРАСАВИЦА ВЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

—

Шестидесяти лѣтъ Пулхерія старушка,
Которая въ свой вѣкъ была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще плѣнять она могла,
И что Амуры вкругъ прелестницы рѣзвились:
Но въ зеркалѣ себя увидѣвъ невзначай,
Сказала, прослезясь: «веселіе, прощай!
«Какъ зеркала перемѣнились!»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА.

—

Мужъ умирающій такъ говорилъ женѣ —
«Скажи чистосердечно мнѣ;
«Вотъ слишкомъ десять лѣтъ, какъ я живу съ тобою,
«Была ль ты мнѣ вѣрна? Я отъ тебя не скрою:
«Казалось мнѣ, сосѣдъ Ѳома
«Любилъ тебя, дружечикъ, безъ ума.
«Скажи всю истину; чего тебѣ бояться?
«Я черезъ часъ умру, въ просакъ не попадешь!» —
— Нѣтъ, муженекъ, не смѣю я признаться:
Ну, какъ обманишь — не умрешь!

СМѢСЬ.

СМѢСЬ.

ВЕЧЕРЪ.

Нѣтъ болѣ силъ терпѣть! Куда ни сунься: споры,
И сплетни, и обманъ, и глупость и раздоры!
Вчера, не знаю какъ, попалъ въ одинъ я домъ;
Я проклялъ жизнь мою. Какой вралей содомъ!
Хозяинъ объ одной лишь музыкѣ толкуетъ;
Хозяйка хвалится, что славно дочь танцуетъ;
А дочка, поясокъ подъ шею подвязавъ,
Кричитъ, что прискакалъ въ коляскѣ модной —
Графъ.
Графъ входитъ. Всѣ его съ восторгомъ прини-
маютъ.
Какъ милъ онъ, какъ богатъ, какъ знатенъ —
повторяютъ.
Хозяйка на ушко мнѣ шепчетъ въ тотъ же часъ:
«Онъ въ *Грушеньку* влюбленъ: онъ всякой день
у насъ.
Но *Графъ*, о *Грушенькѣ* никакъ не помышляя,
Вѣтранѣ говоритъ, ей руку пожимая:
«Какая скука здѣсь! Какой несносный домъ!
«Я съ этими людьми, божусь, для васъ знакомъ;
Я съ вами быть хочу, я видѣть васъ желаю.
Для васъ я все терплю, и глупостямъ прощаю.»
Вѣтрана счастлива, что *Графъ* покоренъ ей.
Вдругъ растворяютъ дверь и входитъ *Стукодѣй*.
Несносный говорунъ, о всемъ уже онъ знаетъ:

Тотъ женится, другой супругу оставляетъ:
Тотъ проигрался весь, тотъ поуши въ долгахъ.
Потомъ судить онъ сталъ, къ несчастью, о стихахъ.
По мнѣнію его, *Надутовъ* всѣхъ плѣняетъ,
А Дмитревъ... Карамзинъ бездѣлки сочиняеть;
Державинъ, на примѣръ, изрядно бы писалъ,
Но также, кромѣ одъ, не стоитъ онъ похвалъ.
Пропали Трагики, изчезла Россовъ слава!
И началъ наконецъ твердить намъ роль Синава;
Коверкался, кричалъ — всѣ восхищались имъ!
Одинъ лишь старичокъ, смѣясь со мной надъ нимъ:
«Невѣжду, мнѣ сказалъ, я вѣчно извиняю;
«Молчу, и слушаю; а въ споръ съ нимъ не вступаю:
«Напротивъ, кажется забавенъ часто онъ;
«Совретъ, и думаетъ, что вздоръ его — законъ.
«Что нашъ питаетъ умъ, что сердце восхищаетъ,
«Бездѣлкою пустой невѣжда называетъ.
«Нѣтъ нужды! Вѣрьте мнѣ: нелѣпая хула
«Писателю вѣнецъ, Поэту похвала.» —
Я отдохнулъ. Увы, недолго быть въ покоѣ!
Хозяйка подошла. «Теперь насъ только трое;
«Не можете ли вы четвертымъ съ нами быть,
«И сѣсть играть въ бостонъ? Безъ картъ не можно жить.
«Кто ими въ обществѣ себя не занимаетъ,
«Воспитанъ дурно тотъ, и скученъ всѣмъ бываетъ.» —

И такъ мы за бостонъ. — А тамъ оркестръ шумитъ.
Тутъ *Графъ* жеманится, и *Стукодѣй* кричитъ.
Змѣяда всѣхъ бранитъ, ругаетъ за игрою;
Играю, и дрожу, и жду бѣды съ собою.
Хозяйка милая не помнитъ ничего.
«Гдѣ *Грушенька?* Гдѣ *Грфъ?* Не вижу я его!»
Бостонъ нашъ кончился — а въ залѣ ужъ танцуютъ.
Какъ *Грушенька*, какъ *Графъ* прекрасно вальсируютъ!
Хозяйка съ радости всѣхъ обнимаетъ насъ.
Змѣяда ей твердитъ: «ну, матка, въ доброй часъ!
«*Графъ* право молодецъ: къ концу скорѣе дѣло!
«На Бога положись, и по рукамъ бей смѣло;
«Онъ знатенъ и хорошъ, и съ лучшими знакомъ;
«Твой муженекъ съ тобой согласенъ будетъ въ томъ.»
Вѣтрана слышитъ то, смѣется и вертится.
Къ бѣдѣ моей, тогда идетъ ко мнѣ, садится
Бѣлиза толстая, разскащица, *швея.* *
«Ей Богу, говоритъ, вотъ чудная семья!
«Хозяинъ съ флейтою все время провождаетъ,
«Жена преглупая и всѣмъ надоѣдаетъ,
«А въ *Грушенькѣ*, повѣрь, пути не будетъ ввѣкъ.
«Но дѣло не о томъ: ты умный человѣкъ;
«У *Скопидомова* ты всякой день бываешь;
«Проказы всѣ его и все о немъ ты знаешь:

* Сплетница, Commère.

«Не правда ль, что въ женѣ находитъ онъ врага,
И что она ему поставила рога?
«*Нахаловъ* часто съ ней въ театрѣ и воксалѣ;
«Вчера онъ танцовалъ два польскихъ съ ней на балѣ,
«А послѣ онъ ее въ карету посадилъ,
«Несчастный *Скопидомъ* бѣду себѣ купилъ;
«Богъ наградилъ его прекрасною женою!
«Да, полно, самъ дуракъ всѣмъ шалостямъ виною.
«Не онъ одинъ таковъ: въ Москвѣ имъ счета нѣтъ!
«*Буяновъ* и не глупъ, но вздумалъ въ сорокъ лѣтъ
«Жениться и франтить, и тѣмъ себя прославить,
«Чтобъ жонушку свою тотчасъ другимъ оставить;
«И подлинно успѣлъ въ томъ модный господинъ:
«Съ Французомъ барыня уѣхала въ Берлинъ.»
— Я слушалъ и молчалъ. Текли слова рѣкою;
Я могъ ей отвѣчать лишь только головою.
Хотѣлъ уйти — ушелъ. Чтожъ вышло изъ того?
Дивлюся силѣ я терпѣнья моего.
Попалъ въ бесѣду я, достойную почтенья:
Тутъ былъ великій шумъ, различны были мнѣнья;
Однако изъ всего понять я скоро могъ,
Что то произвели котлеты и пирогъ:
И кончилось все тѣмъ, что у одной *Лизеты*
И вафли лучшія, и лучшія котлеты.
— Но кстати, столъ готовъ; всѣ кинулись туда;
Покойно думалъ ѣсть — и тутъ со мной бѣда!

Несчастнаго меня съ *Вралевымъ* посадили,
И милымъ, подлинно, сосѣдомъ наградили!
Не медля, началъ онъ вопросы мнѣ творить:
Кто я таковъ? Что я? Гдѣ я изволю жить?
Потомъ, о молодыхъ и старыхъ разсуждая:
«Нѣтъ, нынче жизнь плоха, твердилъ онъ, воз-
дыхая:
«Все стало мудрено, нѣтъ добраго ни въ чемъ;
«Вотъ я таки скажу и о сынкѣ моемъ:
«Ужъ малой въ двадцать лѣтъ, а книги лишь
читаетъ,
«Не ищетъ ни чиновъ, ни счастья не желаетъ;
«Я дочь *Рубинова* посваталъ за него;
«Любезный мой сынокъ не хочетъ и того.
«На деньгахъ, батюшка, никакъ де не женюся,
«А я жену возьму, когда въ нее влюблюся.
«Какъ быть, не знаю, съ нимъ—и чувствую я то,
«Что будетъ онъ бѣднякъ, а болѣе ничто.
«Вотъ, что произвели проклятыя науки!
«Не нужно золото — давай Жанъ-Жака въ руки!
«Да полно старые не лучше молодыхъ;
«Не много разницы найдешь ты нынѣ въ нихъ.
«Нерѣдко и старикъ, что дѣлаетъ, не знаетъ;
«Онъ хулитъ молодыхъ, и имъ же потакаетъ.
«Князь *Миловъ* въ пятьдесять и слишкомъ уже
лѣтъ
«Спроказилъ такъ теперь, что весь дивится свѣтъ
«Онъ, будучи, богатъ, и дочь одну имѣя,
«Воспитывать ее, какъ должно, не жалѣя,
«Рѣшился наконецъ бѣдняжку погубить:

«Маіора одного изволь на ней женить!
«И чтожъ онъ говоритъ себѣ во оправданье —
«Ты со смѣху умрешь — вотъ все его желанье:
«Мой зять любезенъ мнѣ, и скроменъ, и уменъ;
«Онъ свѣта пустотой никакъ не ослѣпленъ;
«Совѣтовъ де моихъ онъ вѣчно не забудетъ;
«Въ глубокой старости меня покоить будетъ.
«Не знатенъ, бѣденъ онъ — я для него богатъ;
«А честность знатности дороже мнѣ стократъ!
«—Вотъ, другъ сердечный мой, какъ нынче раз
суждаютъ!
«И умниками ихъ иные называютъ!» —
Сосѣдъ мой тутъ умолкъ — въ отраду я ему
Сказалъ, что рѣдкіе послѣдуютъ тому;
Что *Миловыхъ* Князей у насъ конечно мало;
Что золото копить желанье не пропало;
Что любимъ мы чины и ленты получать,
Не любимъ только ихъ заслугой доставать;
Что также здѣсь не всѣ охотники до чтенья;
Что рѣдкіе у насъ желаютъ просвѣщенья;
Не всякой знаніямъ честь должну воздаетъ,
И часто враль, глупецъ разумникомъ слыветъ;
Достоинствъ лаврами у насъ не украшаютъ;
Здѣсь любятъ плясуновъ—ученыхъ презираютъ.
Тутъ ужинъ кончился — и я домой тотчасъ.

О хижина моя, пріятнѣй ты сто разъ
Всѣхъ модныхъ ужиновъ, концертовъ всѣхъ и
баловъ,
Гдѣ часто видимъ мы безумцевъ и нахаловъ!

Въ тебѣ насмѣшекъ злыхъ; въ тебѣ злословья нѣтъ:
Въ тебѣ спокойствіе и тишина живетъ.
Въ тебѣ и разумъ мой и духъ всегда свободенъ,
Утѣхи мнѣ дарить свѣтъ модный не способенъ.
И для того теперь навѣкъ прощаюсь съ нимъ:
Фортуны не найду я съ сердцемъ въ немъ моимъ!

СУЙДА.*

Jo mi son'un che, quando
Amore spira, noto, ed in quel modo
Ch'ei detta dentro, vo significando.

DANTE.

Души чувствительной отрада, утѣшенье,**
Прелестна тишина, покой, уединенье,
Желаній всѣхъ моихъ единственный предметъ!
Недолго вами я, къ несчастью, наслаждался;
Природы красотой недолго любовался;
Опять я въ городѣ, опять среди суетъ,
И сердцу радостей, глазамъ пріятства нѣтъ!
И все вокругъ меня мнѣ кажется уныло!

* Село, принадлежащее И. А. Ганибалову въ 60 верстахъ отъ С. Петербурга.

** Сіи стихи были писаны въ цвѣтущей молодости моей. Я тогда еще мечталъ о счастіи!

Съ какимъ весельемъ я взиралъ,
Какъ ты, о солнце, восходило,
Въ восторгъ всѣ чувства приводило!
Тамъ запахъ ландышей весь воздухъ наполнялъ,
Тамъ пѣли соловьи, тамъ ручеекъ журчалъ;
И Хлоя тутъ была; чего жъ не доставало?
Что въ мірѣ я любилъ, что мысль обворожало,
Кѣмъ сердце нѣжное дышало,
Все было тамъ со мной!
Потомъ, какъ тишина съ вечернею росой
На землю опускалась,
Со мною милая на лодочкѣ каталась,
И Финскимъ языкомъ твердила мнѣ: *люблю!*
Палаты въ воздухѣ обыкновенно строя,
Я Хлоѣ говорилъ: «послушай, для покоя
Такое же село, какъ Суйда, я куплю,
И буду жить съ тобой тамъ въ домикѣ прекрас
номъ.
Насъ милые друзья пріѣдутъ посѣщать,
А мы, подъ небомъ яснымъ,
Съ сердцами чистыми ихъ станемъ угощать.
Тутъ въ Англійскомъ саду, подъ липою густою,
Готовъ намъ будетъ чай — и Хлоѣ разливать;
А тамъ насъ пѣснями и пляской забавлять
Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ толпою.
Оттуда мы пойдемъ рѣзвиться на лужокъ,
Гдѣ для друзей моихъ построю я качели;
Потомъ услышимъ гласъ свирѣли,
И стадо тучное погонитъ пастушокъ.
Когда же солнышко за горы закатится,

И небо розовой одѣнется зарей,
Тогда на берегу въ бесѣдкѣ столъ явится.
Ты будешь ужина душой!
Со вкусомъ будетъ все, пріятно и не пышно;
А лучше что всего, чему смѣется свѣтъ,
У насъ рѣчей другому въ вредъ,
Ни острыхъ колкихъ словъ, никакъ не будетъ слышно.
По утру жъ время съ кѣмъ я буду провождать?
Съ Гирмфельдомъ и Руссо, съ Боннетомъ и Томсономъ;
Ихъ долгъ къ полезному мой разумъ поощрять,
И наставленья ихъ я буду чтить закономъ.
И вы, любезные, Юнгъ, Геснеръ, Циммерманъ,
Собой украсите мое уединенье.
Кому любить добро даръ милый небомъ данъ,
Тотъ въ васъ найдетъ всегда для сердца утѣшенье!
Вотъ, какъ я, нѣжный другъ, желаю жить съ тобой!
Не злата множество — посредственность, покой,
Любовь моихъ друзей — ты, Хлоя — и доволенъ!
И нѣтъ счастливѣе меня!
Кто правъ своей душой, кто въ совѣсти спокоенъ,
Тобою кто любимъ, имѣетъ кто тебя,
Кто бѣдному помочь въ несчастьи не жалѣетъ,
Чего желать тому? — Онъ все уже имѣетъ.

НА СЛУЧАЙ ШУТКИ А. М. ПУШКИНА,

КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЛЪ, ЧТО Я УМЕРЪ.

—

Однофамилецъ мой, я слышу, утверждаетъ,
Что я оставилъ бѣлый свѣтъ,
Что думать здѣсь никто о мертвомъ не желаетъ,
И что красавицамъ во мнѣ и нужды нѣтъ.
Не спорю — и, вздохнувъ, скажу чистосердечно:
Обманывать людей, я знаю, тяжкій грѣхъ,
Что умеръ я давно для шума и утѣхъ,
И что Амуръ ко мнѣ не милостивъ конечно.
Я умеръ для бесѣдъ, гдѣ карточной игрой
Здоровье, разговоръ и время убиваютъ;
Я умеръ и для тѣхъ, гдѣ ближнихъ въ часъ иной
Поносятъ и ругаютъ.
Но я живу еще для искреннихъ друзей,
Душѣ и сердцу милыхъ;
Живу еще для Музъ, и въ хижинѣ моей
Не знаю скуки я, не вижу дней унылыхъ.
Съ спокойной совѣстью быть можно одному!
Молчу по суткамъ — и мечтаю,
Я счастья всякому желаю,
А зла, Богъ видитъ, никому.
Къ чему мнѣ пышные обѣды,
Гдѣ въ винахъ дорогихъ купаютъ стерлядей?
Живу для мирныя, пріятныя бесѣды
И добрыхъ ласковыхъ людей.
Однофамилецъ мой, какъ хочетъ, разсуждаетъ;

Но, вопреки словамъ его,
Въ душѣ своей онъ точно знаетъ,
Что жить еще хочу, и живъ я для него.

ЗАВѢЩАНІЕ КИПРИДЫ.

ПОДРАЖАНІЕ.

—

Кипридѣ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрыться въ монастырь, и все свое имѣнье
Отдать мнѣ съ Хлоей въ награжденье.
Не знаю, кто ей далъ совѣтъ
Въ душеприкащики пожаловать Амура,
Мальчишку-бѣдокура:
Онъ Хлоею прельстясь, ее обогатилъ,
Ей отдалъ радости, забавы, утѣшенье;
А я въ наслѣдство получилъ
Однѣ лишь слезы и мученье!

СКРОМНОСТЬ.

Подражаніе Парни.

—

Сокроемся, мой другъ, отъ солнечныхъ лучей,
Отъ шума свѣтскаго, отъ зависти людей,

Чтобъ не могли коварны очи
Восторговъ нашихъ отравить!
Не скажемъ дню мы тайны ночи ·
Счастливую любовь не мудрено открыть...
О милая Элеонора!
Я строгой матери твоей страшуся взора,
Страшуся Аргуса съ свирѣпою душой,
Который, златомъ обольщенный,
Мнѣ позволяетъ быть съ тобой.
Увы, настанетъ день — я не любовникъ твой!
Забудь ты ночи часъ блаженный,
Всѣ сладости любви, утѣхи всѣ забудь!
Въ присутствіи моемъ ты равнодушна будь:
Чтобъ розы на щекахъ прелестныхъ не играли,
Когда нечаянно ты встрѣтишься со мной;
Чтобъ красота твоя, чтобъ нѣжный голосъ твой
Меня ни мало не смущали!
Сокрой любовь свою ты въ пламенной груди,
И даже на меня съ суровостью гляди!
Совѣтъ полезный, но ужасный:
Безцѣнный, милый другъ, раскаяваюсь въ немъ!
Чтобъ видѣлъ я несчастный
Холодность на лицѣ твоемъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Ты не должна такъ много притворяться!
Скажу себѣ: *обманъ*, но буду все бояться.

СЕЛЬСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

Подражаніе.

—

Ols, knew he but his happiness, of men
The happiest he! who far from public rage,
Deep in the vale, with a choise Few retir'd
Drink the pure pleasures of the Rural life!

Кто въ мірѣ счастія прямаго цѣну знаетъ,
И сельской жизни всѣ пріятности вкушаетъ
Въ кругу своихъ друзей, отъ шума удаленъ;
Тотъ истинно въ душѣ покоенъ и блаженъ.
Нѣтъ нужды въ томъ ему, что мотъ, богачь надмѣнный,
Въ чертогахъ золотыхъ льстецами окруженный,
Обманывая ихъ, обманутъ всякій часъ.
Нѣтъ нужды, что на немъ алмазы не сіяютъ:
Они лишь тяжестью своей обременяютъ;
Въ одеждѣ онъ простой свободнѣй во сто разъ.
Онъ блескомъ праздниковъ роскошныхъ не гордится,
И въ дальнія моря за златомъ не стремится;
Въ бокалахъ у него не свѣтится Токай,
Онъ веселъ, сытъ, здоровъ и не боится скуки.
Утѣхи мнимыя намъ обѣщаютъ рай,
А за собой несутъ раскаянье и муки.
Мудрецъ обманчивой надеждой не прельщенъ;
Онъ и душой своей, и всѣмъ обогащенъ:
Обогащенъ весны пріятными дарами,
И лѣтней жатвою, и сочными плодами;

И осень для него готовитъ виноградъ,
Растущій на холмахъ вкругъ масличной оливы.
Когда жъ Борей валитъ пушистый снѣгъ на ни-
вы,
Средь бурь и непогодъ, онъ будущимъ богатъ.
Судьба труды его успѣхомъ награждаетъ:
Здѣсь кравы тучныя млеко ему даютъ;
Тамъ стадо пестрое пригорокъ украшаетъ,
Источники шумятъ, и соловьи поютъ,
И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ
пьютъ;
Онъ подъ жужжаньемъ ихъ пріятно засыпаетъ.
Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ:
Обширныя поля и злачныя долины,
Лѣса тѣнистые, пещеры и стремнины,
И быстрый водопадъ съ крутыхъ ревущій горъ.
Во храминѣ его живутъ утѣхи міра,
Веселье, искренность, здоровье, красота;
Тамъ встрѣча равная для богача и сира,
И совѣсть каждаго покойна и чиста.
Во храминѣ его, любови посвященной,
Нѣтъ честолюбія, коварства злаго нѣтъ,
И нѣжный въ ней пѣвецъ, природой восхищен-
ной,
На лирѣ счастіе и радости поетъ.

ЭЛЕГІЯ.

—

Летятъ какъ вихрь веселій годы.
Прелестной юности ничто не замѣнитъ.
Законъ могущія Природы
Все рушитъ, и страдать намъ въ старости велитъ.

Давно ль подъ тѣнью липъ вѣтвистыхъ
Любовь на лирѣ я бряцалъ?
Давно ль вѣнки изъ розъ душистыхъ
И я красавицамъ сплеталъ?

Любилъ...и жизнью наслаждался —
Любилъ — и, можетъ быть, я нравиться умѣлъ:
Къ устамъ, трепещущій, устами прикасался,
Желалъ, надѣялся, пылалъ и леденѣлъ.

Гдѣ вы, дни радости, восторговъ, упоенья?
Сокрылись...и мечты вы унесли съ собой,
Въ блестящихъ обществахъ, въ тиши уединенья,
Ничто не дѣйствуетъ надъ мрачною душой.

Поэзія, и ты забыта мною нынѣ!
Кого мнѣ пѣть? Предъ кѣмъ мнѣ чувства изливать?
Живу я безъ надеждъ — и, въ горестной судьбинѣ,
Любить еще могу, но долженъ я молчать.

О Дружба, будь моимъ щитомъ и наслажденьемъ!
Ты счастіе даришь, и не сулишь оковъ.
Безцѣнный даръ небесъ, ты служишь утѣшеньемъ,
Когда отъ насъ летитъ крылатая любовь!

УЧЕНИКЪ-УЧИТЕЛЬ.

БІОНОВА ИДИЛЛІЯ.

—

Тихимъ сномъ я наслаждаясь,
Предъ собой Киприду зрѣлъ.
Сынъ богини, улыбаясь,
Безъ колчана и безъ стрѣлъ
По слѣдамъ ея летѣлъ.
Будь, сказала мнѣ Киприда,
Будь учитель ты его! —
Я запѣлъ — хвалу Алкида,
И Зевеса самаго
Величалъ на громкой лирѣ.
Онъ съ презрѣніемъ внималъ,
И запѣлъ хвалу Темирѣ:
Изумленъ, я замолчалъ;
Мнѣ Амуръ учитель сталъ.

КЪ ЛЕЗБІИ.

ПОДРАЖАНІЕ.

—

Ахъ, вспомни тѣ счастливы дни,
Въ которые клялась ты вѣчно быть моею —
Какъ скоро протекли они!
Ты говорила мнѣ: «горячностью твоею
«Гордиться Лезбія должна;
«Она мнѣ болѣе и воздуха нужна:
«Дышу и украшаюсь ею!
«Съ тобой меня и Зевсъ не можетъ разлучить:
«Моя отрада въ томъ, чтобъ милаго любить!»
Притворныя слова безумца обольщали;
Казалось, боги имъ внимали.
Прелестница, я былъ обвороженъ тобой!
Теперь изчезло все! Злосчастною судьбой
Я радостей лишенъ — твою невѣрность знаю,
И не любовь мою, но счастіе теряю.

КЪ ЛЮБИМЦАМЪ МУЗЪ.*

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Бѣлѣютъ отъ снѣговъ угрюмыхъ горъ верши-
ны;
Вездѣ туманъ и мракъ — покрыты рѣки льдомъ;

* Сія піеса была читана въ приватномъ обществѣ любителей словесности, въ домѣ покойнаго Михаила Матвѣевича Хераскова.

Унылы рощи и долины;
Гдѣ кубокъ золотой? — Мы сядемъ предъ огнёмъ!

Какъ хочетъ, пусть Зевесъ вселенной управляетъ!
Онъ рекъ и сотворилъ. Подвластно все ему;
Онъ громомъ, молніей играетъ;
Послушны бури, вихрь Зевесу одному!

Любимецъ Музъ счастливъ во всѣ премѣны года:
Онъ пользуется тѣмъ, что видитъ предъ собой.
Друзья, для насъ Природа
И въ ужасахъ своихъ блистаетъ красотой!

Гдѣ лиры? Станемъ пѣть. Насъ Фебъ соединяетъ:
Виргилій Россихъ странъ присутствіемъ своимъ
Къ наукамъ жаръ раждаетъ.
Кто съ Музами живетъ, утѣхи вѣчно съ нимъ!

Васъ Граціи давно украсили вѣнками,
Вамъ должно пѣть, друзья! И Дмитревъ, Карамзинъ
Прекрасными стихами
Плѣняютъ, учатъ насъ, а я молчу одинъ!

Нѣтъ, нѣтъ! И я хочу, какъ вы, гремѣть на лирѣ:

Лечу ко славѣ я; вашъ духъ во мнѣ горитъ.
И я извѣстенъ буду въ мірѣ!
О радость, о восторгъ—и я... и я Піитъ!

КЪ * *

НА СМЕРТЬ ПОДРУГИ ЕГО.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Какъ не скорбѣть о томъ, что сердцу было ми-
ло?
Скончалась... нѣтъ ея... какъ горькихъ слезъ не
лить?
Вы были созданы другъ друга ввѣкъ любить —
И небо горизонтъ твой свѣтлый помрачило!

Съ душой прелестною она умомъ плѣняла;
И въ кротости, любви, кто былъ подобенъ ей?
Ты ею жилъ одной, она тобой дышала:
Кто можетъ болѣе воспоминать о ней?

Но тщетно слезы льешь, но тщетно вопрошаешь,
Гдѣ милая твоя? Съ тобою милой нѣтъ!
Лишь хладну тѣнь ея въ мечтаньи обнимаешь.
Увы, какъ счастія мгновенно вянетъ цвѣтъ!

Хотя бы ты имѣлъ Орфеевъ даръ, искуство,
И все одушевлялъ гармоніей своей;
Умершей возвратить не могъ бы жизнь и чув-
ство:
Смерть алчная сильна—все здѣсь покорно ей!

Кто утѣшаетъ насъ? Одно терпѣнье, время;
Душою съ нею ты соединенъ навѣкъ.
Пить чашу горестей, сносить несчастіи бремя —
Таковъ твой въ мірѣ путь, о бѣдный человѣкъ!

КЪ Е. Ѳ. САЛМАНОВОЙ.

Когда, отъ лютаго врага
Судьбою занесенный
На Волжскіе брега,
Элизу я узналъ; тогда, о дерзновенный,
На лирѣ я хотѣлъ, давно забытой мной,
Воспѣть и власть любви и сердца восхищенье:
Но Фебъ, еще ко мнѣ имѣя сожалѣнье,
Молчи—тебѣ ль, сказалъ, плѣняться красотой?
Пусть юные пѣвцы Элизу воспѣваютъ:
Будь твердъ и береги себя!
Счастливцевъ розами прелестницы вѣнчаютъ;
Удѣлъ ихъ нравиться—а твой, молчать любя.

РОМАНСЪ.

—

Тамъ, далеко за горами,
Нина съ Лизой молодой,
Въ алыхъ лентахъ, и съ цвѣтами,
Шли путёмъ, рука съ рукой.
Старецъ съ длинной бородою,
Въ слѣдъ кричитъ: счастливый путь! —
Добрый старецъ, Богъ съ тобою!
Насъ въ молитвахъ не забудь!

Сердце часто предвѣщаетъ
Иль бѣды, иль счастье намъ.
Солнце скрылось. Наступаетъ
Темна ночь. Ахъ, горе намъ!
Воздохнувъ, сказала Нина;
Слезка капнула на грудь:
Умерсть, моя судьбина;
Ты подруги не забудь!

Вдругъ несутся черны тучи;
Дубъ столѣтній затрещалъ;
Воетъ страшно лѣсъ дремучій;
Сводъ небесный запылалъ.
Горе! Нина повторяетъ:
Горе мнѣ — часъ смерти бьетъ! —
Съ головы цвѣтокъ срываетъ,
И подругѣ отдаетъ.

Будь, цвѣточикъ мой, залогомъ
Нѣжной, искренней любви!
Я предстану передъ Богомъ;
Лиза счастливо живи! —
Громъ ударилъ надъ горою:
Нина пала на утесъ,
И кипящею волною
Водопадъ ее унесъ.

Вѣтеръ буйный утихаетъ,
И печальная луна
Лѣсъ и горы освѣщаетъ.
Лиза, въ трепетѣ, одна,
Смотритъ на нее уныло,
Надъ цвѣточкомъ слезы льетъ —
И съ тѣхъ поръ цвѣточикъ милой
Незабудочкой слыветъ.

КЪ ПИРРѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Quis multa gracilis te puer in rosa, etc.

Въ украшенной пещерѣ
Душистыми цвѣтами,
Кто юноша румяный,

Съ кудрявою главой,
О Пирра, принимаетъ
Въ объятія тебя?
По груди снѣжной, бѣлой,
Какъ будто ненарочно,
Власы ты распуская,
Взираешь на него.
О юноша прекрасный,
Восплачешь скоро ты:
Недолго въ сердцѣ будешь
Прелестной Пирры жить!
Увы, наступитъ буря —
Неопытный пловецъ,
Оставленный судьбою,
Въ пучинѣ кончитъ вѣкъ!
И я, безумный, вѣрилъ,
Какъ ты, ея словамъ;
Въ прекрасномъ, думалъ, тѣлѣ
Прекрасная душа:
Но Пирра измѣнила;
Пріятный сонъ изчезъ!
Отъ гибели спасенный,
Богамъ коварныхъ волнъ
Я ризу омоченну
Въ восторгѣ посвятилъ.

КЪ ЛИЛЛѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Vitas hinnuleo me similis Chloë, etc.

О Лилла, ты бѣжишь! Такъ серна на горахъ
За робкой матерью стремится:
Порхнетъ ли соловей въ кустахъ?
Дрожитъ — и ручейка журчанія боится;
Нечаянно ль Зефиръ явится на лугахъ?
Колѣна серна преклоняетъ:
На что неопытный свой взоръ ни обращаетъ,
Все ей наводитъ страхъ!
О Лилла, я не тигръ, воспитанный въ лѣсахъ,
Не Африканскій левъ съ ужасными кохтями:
Въ примѣръ возьми подругъ — онѣ въ твоихъ лѣтахъ
Не все бесѣдуютъ съ одиѣми матерями.
Не утушай огня, волнующаго кровь!
Пора узнать любовь!

ПѢСНЯ.

—

Не пѣняй мнѣ, что съ тобою
Я задумчивъ и унылъ;
Я давно, любя душою,
Страсть свою въ душѣ таилъ.

Въ юныхъ лѣтахъ я смѣлѣе
Могъ признаться и любить;
Я теперь люблю нѣжнѣе,
Но могу-ль счастливымъ быть?

Вечеръ жизни наступаетъ;
Сердце тоже — я не тотъ:
Солнце въ осень хоть сіяетъ,
Лугъ зеленый не цвѣтетъ.

Ты мила .. о томъ ни слова:
Все покорствуетъ тебѣ;
Но полюбишь ты другова
И не вспомнишь обо мнѣ!

Юность рѣзвая, златая,
Прелесть жизни и любви!
Ахъ, за чѣмъ ты, изчезая,
Оставляешь огнь въ крови?

Грустно тщетнымъ ожиданьемъ
Душу страстную томить,
Жить однимъ воспоминаньемъ
И въ безмолвіи любить!

ПОДРАЖАНІЕ МАРОТУ.

—

Въ пустыню дикую сокроюсь я несчастный!
Ждать отъ тебя любви и ласки — трудъ на-
прасный!
Оковы тяжкія довольно я носилъ:
Послужитъ пусть другой, какъ я тебѣ служилъ!
Прости, любовь! Прости, станъ гибкій и пре-
лестный,
Подобный розамъ цвѣтъ, взоръ ангельскій, не-
бесный!
Немного я отъ васъ отрады получилъ;
Рожденный съ нѣжною, чувствительной душою,
Любви подвластенъ сталъ и жизнь влачилъ сте-
ня:
Увы, кто менѣе плѣняется тобою
Тотъ будетъ, можетъ быть, счастливѣе меня!

ДОГОВОРЪ СЪ ПИСОЮ.

—

Безъ околичностей и безъ приказныхъ словъ
Съ тобою договоръ я подписать готовъ.
Амура въ маклеры теперь же выбираю.
Однако я вовсемъ порядокъ наблюдаю;

Подай перо — пишу: *хочу на свѣтѣ жить,*
Чтобъ Нису мнѣ любить.
А ты къ тому прибавь: *хочу его любить,*
Чтобъ могъ онъ жить.

КЪ ДЕЛІЮ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Aequam memento rebus in arduis serva e mentem, etc.

Въ несчастіи будь твердъ, и въ счастьи не гор-
дись!
О Делій, смертные судьбины лютой жертвы:
Сегодня живы, завтра мертвы;
Мы чада смерти всѣ. Не бойся, веселись!

Въ убѣжищѣ твоемъ, гдѣ тополъ гордеGливый,
Сплетаясь съ ивою, несется къ облакамъ,
Гдѣ съ горъ утесистыхъ бѣжитъ ручей игривый
По зеленѣющимъ долинамъ и лугамъ —

Тамъ, въ розовомъ вѣнкѣ, друзьями окруженный,
Фалернское вино лей въ кубокъ золотой!
Подруги нѣжныя плѣняясь красотой,
Бряцай на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный!

Ударитъ грозный часъ—и садъ прекрасный твой,
Волнами Тибра орошенный,
Великолѣпный домъ, и лѣсъ уединенный,
Сокровища твои, изчезнутъ предъ тобой!

Сынъ бѣднаго отца, согбенный надъ сохою,
Рожденный въ горести, воспитанный въ трудахъ —
И правнукъ Кесаря, роскошствуя въ пирахъ,
Къ Плутону всѣ пойдутъ плачевною стезёю.

Такъ, въ урнѣ роковой назначенъ жребій намъ!
Падетъ! Не будемъ зрѣть тебя, о міръ прелестный!
И рано ль, поздно ль, въ край для смертныхъ неизвѣстный
Съ Харономъ пустимся къ таинственнымъ брегамъ!

РАЗГОВОРЪ
ГОРАЦІЯ СЪ ЛИДІЕЙ.
ПОДРАЖАНІЕ.

—

Donec gratus eram tibi, etc.

ГОРАЦІЙ.

Когда я былъ любимъ тобою,
Когда увѣренъ былъ я въ нѣжности твоей,

Кто равенъ былъ со мною?
Я былъ довольнѣе вельможей и царей!

Лидія.

Когда душой и сердцемъ я владѣла,
Когда плѣнялся ты моею красотой,
Когда соперницей я Хлою не имѣла,
Я Иліи была счастливѣе судьбой!

ГОРАЦІЙ.

Пріятнымъ голосомъ обворожаетъ Хлоя,
Мнѣ весело ее любить!
Безъ Хлои для меня нѣтъ счастья, ни покоя;
Я умереть готовъ, чтобъ дни ея продлить.

ЛИДІЯ.

Калаисъ юный ждетъ отрады,
Утѣхъ и счастія отъ взора моего;
За вѣрность и любовь достоинъ онъ награды:
Я жизнь свою отдать согласна за него.

ГОРАЦІЙ.

Но если бъ, съ сердцемъ воздыхая,
Тобою, Лидія, я восхищался вновь,
И связь постыдную навѣки разрывая,
Тебѣ я возвратилъ всю прежнюю любовь!

ЛИДІЯ.

Хотя Калансъ занятъ мною
И страстью нѣжною клянется ввѣкъ горѣть!
Хотя невѣренъ ты!... Но я хочу съ тобою
И жить и умереть!

КЪ ЖИТЕЛЯМЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

—

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Примите насъ, мы всѣ родные!
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счатья дни златые,
Какъ быстрый вихрь промчались вы!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Чадъ, братій нашихъ кровь дымится
И стонетъ съ ужасомъ земля!
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Святые храмы осквернились,
Сокровища расхищены!
Жилища въ пепелъ обратилась!
Скитаться мы принуждены!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Давно ли славою блистала?
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать насъ всѣхъ питала!
Москва, что сдѣлалось съ тобой?

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Тебѣ ль платить позорны дани?
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ Богъ сильный брани!
Не дай ему торжествовать!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна;

Погибнетъ онъ! Богъ Русскихъ грянетъ!
Россія будетъ спасена.

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

1812 года.
Сентября 20 дня.
Нижній Новгородъ

КЪ ХЛОѢ.

—

Какъ все съ тобою восхищаетъ!
И лугъ прекраснѣе цвѣтетъ;
Быстрѣе рѣчка протекаетъ;
Нѣжнѣе пѣночка поетъ:
Какъ все съ тобою восхищаетъ!

Все въ жизни разцвѣло моей,
Когда тобою я плѣнился!
Когда не зналъ я страсти сей!
Природой такъ ли веселился?
Все въ жизни разцвѣло моей!

Какъ сильно бьется сердце страстно!
О Хлоя, весело любить!

Твердить я то хочу всечасно;
Нѣтъ нужды болѣе таить:
Какъ сильно бьется сердце страстно!

Ты любишь! — Ты навѣкъ моя!
Со мною можетъ кто равняться?
Душа открыта мнѣ твоя:
Нѣтъ ты не можешь притворяться!
Ты любишь! — Ты навѣкъ моя!

ЭЛЕГІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Возможно ль въ городѣ жить съ нѣжною душою?
Амуры всѣ въ поляхъ. Они живутъ со мною.
На небесахъ теперь самой Юноны нѣтъ —
И тщетно помощи отъ нихъ гонимый ждетъ!
Амуръ сталъ пастушокъ, и съ посохомъ Венера.
Куда ни оглянусь — все Пафосъ и Цитера.
Всѣ радости опять летятъ съ весною къ намъ!
Я ей хвалу пою — пою хвалу богамъ!
Природа все живитъ своей улыбкой милой;
Но тамъ еще въ горахъ я слышу вѣтръ унылой!
Подъ миртовымъ кустомъ Амуръ еще дрожитъ,
Ясминъ боится цвѣсть, и соловей молчитъ;
Они ждутъ Цинтіи: явись и все блаженно!

Чѣмъ сердце въ городѣ твое теперь плѣненно,
Что нравится твоимъ, прекрасная, очамъ?
Здоровье ль слабое удерживаетъ тамъ?
Повѣрь, любовь всегда здоровье возвращаетъ;
Любовникъ твой тебя съ восторгомъ ожидаетъ!
Какой я чувствую огонь въ моей крови!
Какое сильное мечтаніе любви!
Всечасно, Цинтія, всечасно ты со мною!
Чѣмъ далѣ я живу, тѣмъ болѣе съ тобою!
Я слышу голосъ твой—улыбку зрю, черты;
Съ тобой и Граціи теряютъ красоты.
Кто Цинтію въ лѣсу не назоветъ Дріядой?
Явись ты на водахъ—и всѣ почтутъ Наядой!
Тебѣ лишь суждено сестрой Амуровъ быть.
И рѣзвой Нимфою въ лугахъ зеленыхъ слыть!
Притворства нѣтъ въ тебѣ; все въ Цинтіи плѣ-
няетъ:
На что уборы ей? Природа украшаетъ.
Проснется ли она?... Аврора предъ тобой,
Иль Флора нѣжная съ стыдливой красотой.
Лилеи съ розами тогда предстанутъ съ нею:
Нѣтъ, нѣтъ, не съ Флорой ты — съ владычи-
цей моею!
Ты видишь Цинтію, соперницу Харитъ;
Прелестный взоръ ея всѣмъ счастіе даритъ.
Ты ароматами желаешь насладиться:
Пусть Цинтія вздохнетъ... и ароматъ родится!
Она бѣжитъ—смотри... за ней Зефиры въ слѣдъ!
Послушай: говоритъ — сердецъ свободныхъ нѣтъ!
Но можно ль описать мнѣ Цинтію какъ должно?

Апеллу самому то было бъ не возможно.
Пусть Фебъ ее поетъ, и свѣтъ дивится ей!
А я, любя ее, пусть вѣчно буду съ ней!
Любовь—блаженство, жизнь: мы съ нею все забудемъ;
Любовью нѣжною дышать съ тобою будемъ —
И наконецъ, когда смерть злобная придетъ,
Пусть лишь одна любовь дни наши пресѣчетъ.

КЪ АПОЛЛОНУ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

—

Quid dedicatum poscit Appollinem Vates? etc.

Какаго счастія желаетъ,
О Аполлонъ, питомецъ твой,
Когда онъ въ честь твою изъ чаши изливаетъ
Вино усердною рукой?
Не проситъ камней онъ Индійскихъ драгоцѣнныхъ,
Ни жатвъ Сициліи роскошныхъ береговъ;
Не проситъ сочныхъ онъ плодовъ
Странъ, тихою волной Мериса орошенныхъ.
Въ чаны дубовые сбирая виноградъ
Пусть хвалится судьбой владѣющій садами!
Богатство получивъ за дальними морями,
Пусть счастливый пловецъ, среди нѣги и прохладъ,

Съ друзьями время провождаетъ
И кубокъ золотой
Съ виномъ Фалернскимъ осушаетъ!
Да будетъ онъ хранимъ судьбой!
Да корабли его, несомые волнами,
Безъ опасенья бурь чрезъ океанъ текутъ
И перлы въ дань ему и яхонты несутъ!
А я, подъ тѣнь древесъ, Минервѣ посвященныхъ,
Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ!
Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ!
Да буду въ старости, по благости боговъ,
Покрытый сѣдинами,
Тебя, Латоны сынъ, на лирѣ воспѣвать,
И нѣжно-звучными стихами
Мой ясный вечеръ услаждать!

ЭПИГРАММЫ.

—

1.

Прославился хозяйствомъ Титъ;
Убытку въ домѣ онъ не терпитъ никакаго:
И ѣстъ, и пьетъ, и говоритъ
Всегда на счетъ другаго.

2.

Змѣя ужалила Маркела.
Онъ умеръ?—Нѣтъ, змѣя, напротивъ, околѣла.

3.

Амура называютъ богомъ:
Никакъ я не согласенъ въ томъ,
И съ Лизой сдѣлавшись знакомъ,
Я спорю, что похожъ на́ чорта онъ во многомъ.

4.

Панкратій, откупщикъ богатый,
Не спорю, любитъ барыши;
За то, какъ онъ живетъ! — Огромныя палаты,
Французы повара̀, Турецкіе халаты,
Домъ чаша полная! — Нѣтъ одного — души.

5.

Какой учтивецъ сталъ Дамонъ!
Что за диковинка? — Теперь въ отставкѣ онъ.

6.

Возможно ли, скажи, чтобъ нѣжная Людмила
Невинность сохранила?
Какъ ей избавиться отъ козней Сатаны?
Противъ нея любовь, и деньги, и чины.

7.

Пріятель нашъ Ликастъ
Надъ сочиненьями трудится и потѣетъ;
Но онъ писать стиховъ, къ несчастью, не умѣетъ,
А прозой — не гораздъ.

8.

Завистливость раждаетъ
Ужасныя бѣды; такъ говорилъ *Даметъ*.

А я ему въ отвѣтъ:
Пустое, отъ нея завистникъ умираетъ.

9.

На что мнѣ жизнь? — Лишился я друзей,
Которые меня любить всегда хотѣли.
Что жъ, умерли они къ злой горести твоей?
— Нѣтъ: живы, но разбогатѣли.

10.

Прозаикъ *Сухословъ* въ журналѣ увѣряетъ,
Что плоскіе стихи *Безтолковъ* сочиняетъ;
Риѳмачь божиться радъ,
Что журналистъ своей насъ прозой усыпляетъ
И критикуетъ невпопадъ.
Риѳмачь въ сужденьяхъ правъ, и тотъ не виноватъ.

11.

Какой то Стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ *розо-желтой* облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
«И оды громкія давно ли сочиняетъ?
— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ:
«Пятнадцать только лѣтъ?» — Не болѣе того! —
«Такъ розгами его!»

12.

Гордецъ Клеонъ тебя ласкаетъ;
Съ табою говоритъ, на балы приглашаетъ;
Признаться, я дивлюсь тому! —
Въ займы я денегъ далъ ему.

13.

О какъ болтаньемъ докучаетъ
Глупецъ ученый Клитъ!
Онъ говоритъ все то, что знаетъ,
Не зная самъ, что говоритъ.

МАДРИГАЛЫ.

—

1.

Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться.
Другъ другу говоримъ: *люблю, люблю тебя!*
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться.

2.

Злословитъ кто любовь, зоветъ ее бѣдой,
О Хлоя, пусть хоть разъ увидится съ тобой!

3.

«Мущины счастливы, а женщины насчастны,
Селеста милая твердитъ:

Судьба прелестною свободой ихъ даритъ,
«А мы всегда подвластны!» —
— Такъ чтожъ? Поспорю въ томъ, прекрасная,
съ тобой —
Я вольность не всегда блаженствомъ почитаю;
Скажи: *ты сердцу милъ* — свободу и покой
Тотчасъ на цѣпи промѣняю.

ЖЕЛАНІЕ ПОДРУГИ.

—

О боги, я хочу, чтобъ милый счастливъ былъ!
Исполните мое моленіе сердечно!
Для счастія его, хочу, чтобъ онъ любилъ!
Для счастья моего, чтобъ онъ любилъ—и вѣчно!

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМЪ.

О.+++ Д.+++ А.+++

—

Альбомъ есть памятникъ души:
Но скромность многаго сказать не дозволяетъ.
Пусть прозорливый умъ всю тайну отгадаетъ —
И, что я чувствую, сама ты напиши.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЖИЗНИ, СМЕРТИ И ЛЮБВИ.

СТИХИ НА ЗАДАННЫЯ РИѲМЫ.

—

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что — *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ риѳма — *барабанъ;*
Извѣстно вамъ, друзья, что галка на — *фазанъ,*
И что въ Поэтахъ я козакъ, а не — *гетманъ;*
Но васъ душой люблю и это не — *обманъ:*
Разсмѣйтесь, я счастливъ. Послушайте — *Арманъ*
Былъ добрый человѣкъ. Что наша жизнь? — *Романъ,*
Онъ часто говорилъ. Что наша смерть? — *туманъ.*
А лучше что всего? Биф-штексъ и — *лабарданъ.*
И если жъ я умру; пусть трупъ мой хищный — *вранъ,*
Какъ хочетъ, такъ и ѣстъ; смерть, грозный — *великанъ,*
Уноситъ все съ собой. И дубъ и — *маяранъ*
И червь и человѣкъ въ рукахъ ея — *воланъ.*
Поймаетъ вмигъ она, и спрячетъ въ свой — *карманъ;*
Оттуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ — *Миланъ.*
— Арманъ мой справедливъ: смерть лютый звѣрь-*кабанъ,*
Геенна, Леопардъ; могила не — *диванъ:*
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ — *чемоданъ,*
Что тамъ исчезнетъ все и голова и — *станъ,*
Поморщусь и вздрогну. Я въ — *Музулипатанъ*

Согласенъ хоть сей часъ; пройду — *меридіанъ;*
Но пусть я буду живъ! Пусть жизни — *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ ввѣкъ. Французъ и — *Молда-*
ванъ
Твердятъ, что смерти путь и труденъ и — *пещанъ;*
А въ жизни мило все, крапива и — *тюльпанъ.*
Живу, люблю, горю; Амуровъ мнѣ — *капканъ*
Не страшенъ никогда; уродливый — *Вулканъ*
И Марсъ, и Аполлонъ, Добрыня и — *Полканъ*
Амура чтили всѣ; стамедъ и — *тарлатанъ*
Прекрасно все на той, которой онъ — *колчанъ*
И стрѣлы далъ свои. Амуръ — *Левіаѳанъ* —
Въ романахъ говоритъ извѣстный — де-*Трессанъ.*
Амуръ богъ радостей, гласитъ намъ — *Унцель-*
*манъ:**
Прекрасной вѣрю я. И Грекъ и — *Музульманъ*
Готовы въ ротѣ быть, Эротъ гдѣ — *Капитанъ;*
Захочетъ сильный богъ, красавецъ и — *губанъ* —
Пойду съ Темирой я въ огонь и въ — *Океанъ.*

СОНЪ ЛЮДМИЛА.

—

Зима суровая настала;
Я шла домой: погода бушевала

* Актриса въ Германіи.

И хижину, гдѣ жилъ Людьмилъ
Съ трудомъ взоръ мрачный находилъ.

И долъ и лѣсъ покрылись пеленою;
Мой съ лаемъ стражъ бѣжалъ передо мною.
Вѣтръ бурный рощамъ говорилъ:
«Гдѣ твой Людьмилъ? гдѣ твой Людьмилъ?»

Изъ облаковъ Луна сверкала;
Я съ страхомъ на нее взирала;
Мнѣ слабый лучь ея твердилъ:
«Какъ я, погаснетъ твой Людьмилъ!»

Я грустью, бурей утомленна,
Въ сонъ крѣпкій пала погруженна.
Пустынный колоколъ завылъ!
Проснулась я..... но спалъ Людьмилъ.

Сестра его въ слезахъ стояла;
Ея рука въ моей дрожала.
«Онъ счастливъ! — (кто то мнѣ шепнулъ) —
«Сномъ вѣчнымъ твой Людьмилъ заснулъ.»

КЪ НЕЙ.

—

Гдѣ ты, мой другъ, моя родная,
Въ какой теперь живешь странѣ?
Блаженство райское вкушая
Несешься ль мыслію ко мнѣ?
Ты слышишь ли мои рыданья?
Ты знаешь ли, что въ жизни сей
Мнѣ безъ тебя нѣтъ ясныхъ дней
И нѣтъ на щастье упованья?
Кто будетъ заниматься мной?
И чья душа съ моей душой
Нѣжнѣйшей дружбой съединится?
Гдѣ ты, о Ангелъ добротой?
Дай мнѣ туда переселиться!
Тамъ плача и вздыханій нѣтъ,
Тамъ тихій, невечерній свѣтъ
Для добродѣтельныхъ сіяетъ!
Взгляни съ небесной высоты:
Твой братъ и другъ къ тебѣ взываетъ!
Да будетъ горней красоты
Съ тобой онъ созерцатель вѣчный!
Прости на время, другъ сердечный.

ЭКСПРОМТЪ.

НА ПРОЩАНІЕ СЪ ДРУЗЬЯМИ А. И. и С. И. Т.

—

Прощайте Милые друзья!
Подагрикъ растается съ вами,
Но съ вами сердцемъ буду я —
Пока еще хранимъ богами.
Часъ близокъ; можетъ быть, увы,
Меня не будетъ — Будьте вы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОСЛАНІЯ.

БАСНИ.

Стран.

СКАЗКИ.

СМѢСЬ.

Стран.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

ВЕНЕВИТИНОВА.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ что бы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 Мая 1855 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Цѣна за соч. Веневитинова и Пушкина В. Л. одинъ рубль.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ

ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ СТИХОТВОРЕНІЙ

ВЕНЕВИТИНОВА.

Издавая сочиненія Дмитрія Веневитинова, столь рано похищеннаго смертію, мы думаемъ исполнить священный долгъ, которымъ обязаны его памяти и нашимъ Соотечественникамъ, знавшимъ талантъ сего юнаго поэта изъ немногихъ напечатанныхъ его произведеній. Въ семъ собраніи предлагаемъ публикѣ все, что онъ по себѣ оставилъ. Она конечно пожалѣетъ, что подававшій столь блестящія надежды не успѣлъ ихъ исполнить; и скорбь истинныхъ друзей его о преждевременной его

кончинѣ, вѣрно найдетъ неложное участіе и во всѣхъ друзьяхъ отечественной словесности.

Дмитрій Веневитиновъ не достигнулъ тѣхъ лѣтъ, когда человѣкъ можетъ равно дѣйствовать всѣми своими способностями; но онъ уже успѣлъ выразить свои отличительныя качества. Читатели найдутъ въ его сочиненіяхъ отпечатокъ прекрасной, высокой души. Вѣрный признакъ истиннаго таланта есть та искренность, то непритворство, съ которымъ онъ предается своимъ внушеніямъ и высказываетъ оныя. Эта искренность не подлежитъ сомнѣнію въ произведеніяхъ Веневитинова: вездѣ видны изліяніе свободнаго чувства, оригинальность дарованія, и по нимъ отчасти можно разгадать его характеръ; ибо самая жизнь его, еще не успѣвъ раскрыться въ сферѣ обыкновенной дѣятельности, была ничто иное, какъ сцѣпленіе піитическихъ чувствъ и впечатлѣній. Все, что способно возбудить чувство высокое, занять сердце пылкое, но пламенѣющее для одного изящнаго, все то проходило не вскользь по душѣ его; другія страсти были ему неизвѣстны, и слѣды прежнихъ, даже младенческихъ порывовъ остались

въ немъ неизгладимы. Отъ того сохранилъ онъ до конца невинную простоту характера: друзьямъ его было знакомо доброе безкорыстіе его сердца; имъ простодушно ввѣрялъ онъ всѣ его тайны, имъ открывался весь какимъ зналъ себя.

Д. Веневитиновъ родился въ Москвѣ, 14 сентября 1805 года, и большую часть краткой своей жизни провелъ въ семъ городѣ. Онъ обучался дома. Рано обнаружились въ немъ необыкновенныя способности къ живописи и музыкѣ; но занятія важнѣйшія не позволили ему предаться имъ совершенно. Прилѣжно изучивъ многіе древніе и новѣйшіе языки, онъ съ жадностію перечитывалъ творенія классиковъ, и въ часы свободные переводилъ въ стихахъ отрывки, особенно его поражавшіе. Жаль, что онъ не сохранилъ сихъ первыхъ опытовъ своей юности, въ которыхъ уже видно было дарованіе. Чтеніе критическихъ книгъ было также съ раннихъ лѣтъ однимъ изъ любимыхъ его занятій. Почувствовавъ со временемъ всю бѣдность сужденій основанныхъ на однѣхъ частныхъ наблюденіяхъ, онъ ревностно сталъ изучать критиковъ

Нѣмецкихъ и съ жаромъ принялся за ту науку, которой цѣль есть познаніе насъ самихъ и которая, стремясь все привести къ единству, имѣетъ нынѣ видимое вліяніе на всѣ отрасли знаній. Съ тѣхъ поръ предметомъ его размышленій было его собственное, внутреннее чувство. Повѣрять, распознавать его, было главнымъ занятіемъ его разсудка. Отъ того, не смотря на веселость, даже на самозабвеніе, съ которымъ онъ часто предавался минутному расположенію духа, характеръ его былъ совершенно *меланхолическій;* отъ того и въ произведеніяхъ его господствуетъ болѣе чувство, нежели фантазія. Но чувство сіе было глубокое: всѣ мгновенные порывы души старался онъ удержать на вѣки въ самомъ себѣ, и въ себѣ единственно искалъ отвѣта на всѣ загадки жизни. Онъ самъ выразилъ это въ слѣдующихъ стихахъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай.

Желаніе служить отечеству не только словомъ, но и дѣломъ, отторгло его отъ семей-

ства, въ кругу котораго дотолѣ находилъ онъ истинное счастіе. Въ концѣ 1826 года, онъ переселился въ Петербургъ и ревностно сталъ заниматься службою по Министерству Иностранныхъ дѣлъ. — Но здоровье его было уже разстроено. Нѣтъ сомнѣнія, что причиною преждевременной его смерти были частыя, сильныя потрясенія пылкой, дѣятельной души его. Онѣ разстроили его внутренній организмъ, и наконецъ сильная нервическая горячка пресѣкла въ 8 дней юную жизнь его, не богатую случаями, но богатую чувствованіями. Онъ скончался 15 Марта 1827 года, на 22 году отъ рожденія. Скорбь друзей есть лучшая похвала его душевнымъ качествамъ. Они вѣчно будутъ хранить въ памяти отличительныя черты его благороднаго сердца. Предоставляемъ публикѣ по симъ немногимъ произведеніямъ, большею частію отрывочнымъ, судить объ его возраставшемъ талантѣ.

1827 года.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

—

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть богатства страсть терзаетъ
Алчущихъ рабовъ своихъ!
Пусть ихъ златомъ осыпаетъ,
Пусть они изъ странъ чужихъ
Съ нагруженными судами
Волны ярыя дробятъ: —
Я безъ золота богатъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть веселій рой шумящій
За собой толпы влечетъ!
Пусть на ихъ олтарь блестящій
Каждый жертву понесетъ!
Не стремлюсь за ихъ толпами —
Я безъ шумныхъ ихъ страстей
Веселъ участью своей
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

ЗНАМЕНІЯ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ ЦЕЗАРЯ.

(Отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ.)

—

О Фебъ! тебя-ль дерзнемъ обманчивымъ назвать?
Не твой-ли быстрый взоръ умѣетъ проникать
До глубины сердецъ, гдѣ возникаютъ мщенья
И злобы бурныя но тайныя волненья?
По смерти Цезаря ты съ Римомъ скорбь дѣлилъ.
Кровавымъ облакомъ чело твое покрылъ;
Ты отвратилъ отъ насъ разгнѣванныя очи,
И міръ, преступный міръ, страшился вѣчной ночи.
Но все грозило намъ—и ревъ морскихъ валовъ,
И врановъ томный кликъ, и лай ужасный псовъ.

Колькраты зрѣли мы, какъ Этны горнъ кремни-
стой
Расплавлены скалы вращалъ рѣкой огнистой,
И пламя клубами на поле изрыгалъ.
Германецъ трепетный на небеса взиралъ;
Со трескомъ облака сражались съ облаками,
И Альпы двигались подъ вѣчными снѣгами.
Священный лѣсъ стеналъ; — во мглѣ густой но-
чей
Скитался блѣдный сонмъ мелькающихъ тѣней.
Мѣдь пòтомъ залилась, (чудесный знакъ печали!)
На мраморахъ боговъ мы слезы примѣчали.
Земля отверзлася, Тибръ устремился вспять,
И звѣри къ ужасу могли слова вѣщать;
Разлитый Эриданъ кипящими волнами
Увлекъ дремучій лѣсъ и пастырей съ стадами.
Во внутренности жертвъ священный взоръ жре-
цовъ
Читалъ лишь бѣдствія и грозный гнѣвъ боговъ;
Въ кровавыя струи потоки обращались;
Волки ревущіе средь стонгъ во мглѣ скитались;
Мы зрѣли въ ясный день и молнію, и громъ,
И страшную звѣзду съ пылающимъ хвостомъ.
И такъ вторицею орлы дрались съ орлами.
Въ поляхъ Филипповыхъ подъ тѣмижь знамена-
ми
Родные межь собой сражались вновь полки,
И въ битвѣ падалъ братъ отъ братниной руки,
Двукраты рокъ велѣлъ, чтобъ Римскія дружины
Питали кровію Ѳракійскія долины.

Быть можетъ, нѣкогда въ обширныхъ сихъ поляхъ,
Гдѣ нашихъ воиновъ лежитъ бездушный прахъ,
Спокойный селянинъ тяжелой бороною
Ударитъ въ шлемъ пустой — и трепетной рукою
Подниметъ ржавый щитъ, затупленный булатъ,—
И кости подъ его стопами загремятъ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

—

Друзья! насталъ и *новый годъ!*
Забудьте старыя печали,
И скорби дни, и дни заботъ,
И все, чѣмъ радость убивали; —
Но не забудьте ясныхъ дней,
Забавъ, веселій легкокрылыхъ,
Златыхъ часовъ для сердца милыхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Живите новымъ въ новый годъ,
Покиньте старыя мечтанья,
И все, что̀ счастья не дастъ,
А лишь однѣ родитъ желанья!

По прежнему въ годъ новый сей
Любите Музъ и пѣсень сладость,
Любите шутки, игры, радость,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Друзья! встрѣчайте новый годъ
Въ кругу родныхъ, среди свободы:
Пусть онъ для васъ, друзья, течётъ,
Какъ дѣтства счастливые годы.
Но средь Петропольскихъ затѣй
Не забывайте звуковъ лирныхъ,
Занятій сладостныхъ и мирныхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

ВѢТОЧКА.

—

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой, —
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривой
Младую вѣточку сорвётъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она віется, упадая

На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена,
То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ — все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края:
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣй вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь! — такъ къ вѣрной цѣли
Необоримою волной
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

—

Шуми Осетръ! твой брегъ украшенъ
Дѣлами славной старины;
Ты роешь камни мшистыхъ башень
И древней, твердыя стѣны.
Обросшей давнею травою.
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?
Иль для грядущихъ поколѣній
Какъ памятникъ стоятъ онѣ
Воинскихъ, громкихъ приключеній?
Такъ, — брань пылала въ сей странѣ;
Но бранныхъ нѣтъ уже: могила
Могучихъ съ слабыми сравнила.
На полѣ битвъ — глубокій сонъ.
Прошло побѣды ликованье,
Умолкнулъ побѣжденныхъ стонъ;
Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.

Взгляни какъ новое свѣтило,
Грозя пылающимъ хвостомъ,
Поля Рязански озарило
Зловѣщимъ пурпурнымъ лучёмъ.

Небесный сводъ отъ метеора
Багровымъ заревомъ горитъ.
Толпа средь Княжескаго двора
Растетъ, тѣснится и шумитъ;
Младые старцевъ окружаютъ
И жадно ловятъ ихъ слова:
Несется разная молва.
Изъ нихъ иные предвѣщаютъ
Войну кровавую иль гладъ;
Другіе даже говорятъ,
Что скоро, къ ужасу вселенной,
Раздастся звукъ трубы священной
И съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ,
Промчится Ангелъ истребленья.
На лицахъ суевѣрный страхъ,
И съ хладнымъ трепетомъ смятенья
Власы поднялись на челахъ.

ВТОРЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕКОНЧЕНОЙ ПОЭМЫ.

Средь терема, въ покоѣ тёмномъ,
Подъ сводомъ мрачнымъ и огромнымъ,
Гдѣ тускло, межь столбовъ, мелькалъ
Свѣтильникъ блѣдный, одинокій,
И слабымъ свѣтомъ озарялъ
И лики стѣнъ, и сводъ высокій

Съ изображеньями Святыхъ, —
Князь Ѳедоръ окруженъ толпою
Бояръ и братьевъ молодыхъ.
Но нѣтъ веселія межь нихъ:
Въ борьбѣ съ тревогою нѣмою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный Князь,
И на челѣ его прекрасномъ
Блуждали мысли, какъ весной
Блуждаютъ тучи въ небѣ ясномъ.
За часомъ длился часъ другой;
Князья, Бояре всѣ молчали —
Лишь чаши звонкія стучали,
И въ нихъ шипѣлъ кипящій мёдъ.
Но медъ, сердецъ Славянскихъ радость,
Душа пировъ и врагъ заботъ,
Для Князя потерялъ всю сладость,
И Ѳедоръ безъ отрады пьётъ.
Въ немъ сердце къ радости остыло:

. . . .

Ты улетѣлъ, восторгъ счастливый,
И вы, прелестныя мечты,
Весенней жизни красоты,
Ахъ! вы увяли, какъ средь нивы
На мигъ блеснувшіе цвѣты!
За чѣмъ, за чѣмъ тоскѣ унылой
Младое сердце онъ отдалъ?
Давно ли онъ съ супругой милой
Одну лишь радость въ жизни зналъ?
Бывало, братья удалые

Сбирались шумною толпой:
Межъ нихъ младая Евпраксія
Была веселости душой,
И часъ вечерняго досуга,
Въ бесѣдѣ дружескаго круга,
Какъ чистый, быстрый мигъ летѣлъ.

ПѢСНЬ КОЛЬМЫ.

—

Ужасна ночь, а я одна
Здѣсь на вершинѣ одинокой.
Вокругъ меня стихій война.
Въ ущеліяхъ горы высокой
Я слышу вѣтровъ свистъ глухой.
Здѣсь по скаламъ съ горы крутой
Стремится внизъ потокъ ревучій,
Ужасно надъ моей главой
Гремитъ перунъ, несутся тучи.
Куда бѣжать? гдѣ милый мой?
Увы, подъ бурею ночною
Я безъ убѣжища, одна!
Блесни на высотѣ, луна,
Возстань, явися надъ горою!
Быть можетъ, благодатный свѣтъ
Меня въ Сальгару приведетъ.

Онъ вѣрно ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
Въ дубравѣ иль въ степи глухой,
Сложивши съ плечъ свой лукъ могучій
Съ опущенною тетивой,
И презирая громъ и тучи,
Ему знакомый бури вой,
Лежитъ на муравѣ сырой.
Иль ждетъ онъ на горѣ пустынной,
Доколѣ не наступитъ день
И не разсѣетъ ночи длинной.
Ужаснѣй громъ; ужаснѣй тѣнь;
Сильнѣе вѣтровъ завыванье;
Сильнѣе волнъ сѣдыхъ плесканье!
И гласа не слыхать!
О вѣрный другъ! Сальгаръ мой милый!
Гдѣ ты? ахъ, долголь мнѣ унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вотъ дубъ, потокъ, о брегъ дробимый,
Гдѣ ты клялся до ночи быть!
И для тебя мой кровъ родимый
И братъ любезный мной забытъ.
Семейства наши знаютъ мщенье,
Онѣ враги между собой:
Мы не враги, Сальгаръ, съ тобой.
Умолкни, вѣтръ, хоть на мгновенье!
Остановись, потокъ сѣдой!
ыть можетъ, что любовникъ мой
Услышитъ голосъ, имъ любимый!
Сальгаръ! здѣсь Кольма ждетъ;

Здѣсь дубъ, потокъ, о брегъ дробимый;
Здѣсь все: лишь милаго здѣсь нѣтъ.

КЪ С. . . . .

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕМУ ВОДЕВИЛЯ.

—

Не плодъ высокихъ вдохновеній
Пѣвецъ и другъ тебѣ приноситъ въ даръ;
Не Піэридъ небесный жаръ,
Не пламенный восторгъ, не геній
Моей душою обладалъ:
Нестройной пѣснію моя звучала лира,
И я въ безумьи промѣнялъ
Улыбку музъ на смѣхъ Сатира.
Но ты простишь мнѣ грѣхъ безвинный мой;
Ты самъ, прекраснаго искатель,
Искусствъ счастливый обожатель,
Не рѣдко для проказъ забывъ восторгъ живой,
Кидая кисть — орудье дарованья,
Предъ музами грѣшилъ наединѣ
И смѣлымъ углемъ на стѣнѣ
Чертилъ Фантазіи игривыя созданья.
Воображенье безъ оковъ,
Оно какъ бабочка игриво:
То любитъ надъ блестящей нивой

Порхать въ кругу земныхъ цвѣтовъ,
То къ радугѣ, къ цвѣтамъ небеснымъ
мчится.
Не думай, чтобъ во мнѣ погасъ
Къ высокимъ пѣснямъ жаръ! Нѣтъ, онъ въ душѣ таится,
Его пробудитъ вновь Поэта мощный гласъ,
И смѣлый ученикъ Байрона,
Я устремлюсь на крыліяхъ мечты
Къ волшебной сторонѣ, гдѣ лебедь Альбіона
Срывалъ забытые цвѣты.
Пусть это сонъ! меня онъ утѣшаетъ,
И я не буду унывать,
Пока судьба мнѣ позволяетъ
Восторгъ съ друзьями раздѣлять.
О другъ! мы разными стезями
Пройдемъ опредѣленный путь:
Ты избралъ поприще покрытое трудами,
Я захотѣлъ заранѣй отдохнуть;
Подъ мирной сѣнію оливы
Я избралъ свой пріютъ; но жребій мой счастливый
Не долженъ славою мелькнуть:
У скромной тишины на лонѣ
Прокрадется безвѣстно жизнь моя,
Какъ тихая вода пустыннаго ручья.
Ты бодрый духъ обрекъ Беллонѣ,
И доблесть сильныхъ возлюбя,
Обрекъ свой мечь кумиру громкой славы. —
Иди!—Но стана шумъ, воинскія забавы,

Все будетъ чуждо для тебя,
Какъ сна нежданыя видѣнья,
Какъ мира новаго явленья.
Быть можетъ, на брегу Днѣпра,
Когда въ тѣни подвижнаго шатра
Твои товарищи, драгуны удалые,
Кипя отвагой боевой,
Сберутся вкругъ тебя шумящею толпой,
И громко зазвучатъ бокалы круговые,—
Жалѣя мыслію о прежней тишинѣ,
Ты вспомнишь о друзьяхъ, ты вспомнишь обо мнѣ;
Чуждаясь новыхъ сихъ веселій,
О спискѣ вспомнишь ты моемъ,
Иль взоръ нечаянно остановивъ на немъ,
Промолвишь про себя: мы нѣкогда умѣли
Шалить съ пристойностью, проказничать съ умомъ.

СОНЕТЪ.

—

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И хаосъ задавилъ природу пустотой, —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

СОНЕТЪ.

—

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю лучь счастливый,
Лишь вспоминаніе отъ прежняго храня.

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ
волнъ;

Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:
Но что̀ сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти
полнъ,
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благославляетъ.

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО ПРОЛОГА:

СМЕРТЬ БАЙРОНА.*

—

I.

БАЙРОНЪ.

Къ тебѣ стремился я, страна очарованій!
Ты въ блескѣ снилась мнѣ, и ясный образъ твой,
Въ волшебные часы мечтаній,
На крыльяхъ радужныхъ леталъ передо мной.
Ты обѣщала мнѣ отдать восторгъ цѣлебной,
Насытить жадный духъ добычею вѣковъ, —
И стройный хоръ твоихъ пѣвцовъ,
Гремя гармоніей волшебной,
Мнѣ издали манилъ съ полуденныхъ бреговъ.
Здѣсь думалъ я поднять таинственный покровъ
Съ чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытыя черты,
И въ Океанѣ красоты
Забыть обманъ любви, забыть обманъ свободы.

* Планъ сего пролога неизвѣстенъ.

II.

ВОЖДЬ ГРЕКОВЪ.

Сынъ Сѣвера! Взгляни на волны:
Ихъ вражіи покрыли корабли,
Но часъ пройдетъ, — и наши челны
Имъ смерть на встрѣчу понесли!
Они еще сокрыты за скалою,
Но скоро вылѣтятъ на произволъ валовъ.
Сынъ Сѣвера! готовься къ бою.

БАЙРОНЪ.

Я умереть всегда готовъ.

ВОЖДЬ.

Да! Смерть сладка, когда цвѣтъ жизни
Приносишь въ дань своей отчизнѣ.
Я самъ не разъ ее встрѣчалъ
Средь нашей доблестной дружины,
И зыбкости морской пучины
Надежду, жизнь и все ввѣрялъ.
Я помню славный берегъ Хіо—
Онъ въ памяти и у враговъ.
Средь вѣрной пристани ночуя,
Спокойные Магометане
Не думали о шумѣ браней.
Покой лелѣялъ ихъ безпечность.
Но мы, мы Греки, не боимся
Тревожить сонъ своихъ враговъ:
Летимъ на десяти ладьяхъ;

Взвилися молньи роковыя,
И вмигъ зажглись валы морскіе.
Громады кораблей взлетѣли, —
И все затихло въ безднѣ водъ.
Чтожь озарилъ лучь ясный утра? —
Лишь опустѣлый Океанъ,
Гдѣ изрѣдка обломокъ судна
Къ зеленымъ несся берегамъ,
Иль трупъ холодный, и съ чалмою,
Качался тихо надъ волною.

III.

ХОРЪ.

—

Валы Архипелага
Кипятъ подъ злой ватагой;
Друзья! на корабляхъ
Вдали чалмы мелькаютъ,
И мѣсяцы сверкаютъ
На бѣлыхъ парусахъ.

Плывутъ рабы Султана,
Но заповѣдь Корана
Имъ не залогъ побѣдъ.
Пусть ихъ несетъ отвага!
Сыны Архипелага
Имъ смерть пошлютъ во слѣдъ.

IV.

ХОРЪ.

—

Орелъ! Какой перунъ враждебной
Полетъ твой смѣлый прекратилъ?
Чей голосъ силою волшебной
Тебя созвалъ во тьму могилъ?
О Эвръ! вѣй вѣстію печальной!
Реви уныло, бурный валъ!
Пусть Альбіона берегъ дальной
Трепеща слышитъ, что онъ палъ.

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побѣдъ!
Пусть вмѣсто лавровъ и награды
Надъ гробомъ грянетъ нашъ обѣдъ:
Сражаться съ пламенной душою
За счастье Греціи, за месть,
И въ жертву падшему Герою
Луну поблекшую принесть!

ПѢСНЬ ГРЕКА.

—

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.

Но Турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья. . .
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая,
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечь вамъ отомститъ.

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
Сестра рыдала, — покрываломъ
Печальный взоръ полузакрытъ;
Но слыша тихое моленье,
Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечь вамъ отомститъ.

Плывемъ, и при лунѣ сребристой
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху какъ тѣнь на башнѣ мшистой
Шагалъ Турецкой часовой;
Чалма склонилася къ пищали —
Внезапно волны засверкали,
И вотъ — въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая.
Я обнялъ тѣло, повторяя:
За все мой мечь вамъ отомститъ.

Востокъ румянился зарею.
Пристала къ берегу ладья,

И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,
Нѣтъ, подъ скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной:
Я начерталъ обѣдъ священной:
За все мой мечь вамъ отомститъ.

Съ тѣхъ поръ меня Магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,
Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣдъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасной;
И всякій разъ, какъ мечь блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечь вамъ отомститъ:

ЛЮБИМЫЙ ЦВѢТЪ.

(ПОСВЯЩЕНО С. В. В.)

—

На небѣ все цвѣты прекрасны,
Всѣ мило свѣтятъ надъ землёй,

Всѣ дышатъ горней красотой.
Люблю я цвѣтъ лазури ясный:
Онъ часто томностью плѣнялъ
Мои задумчивыя вѣжды
И въ сердце робкое вливалъ
Отрадный лучь благой надежды;
Люблю, люблю я цвѣтъ луны,
Когда она въ поляхъ эѳира,
Съ дарами сладостнаго мира,
Плыветъ какъ Ангелъ тишины;
Люблю цвѣтъ радуги прозрачной, —
Но изъ цвѣтовъ любимый мой
Есть цвѣтъ денницы молодой:
Въ семъ цвѣтѣ, какъ въ одеждѣ брачной,
Сіяетъ утромъ небосклонъ;
Онъ цвѣтъ невинности счастливой;
Онъ чистъ, какъ дѣвы взоръ стыдливой;
И ясенъ, какъ младенца сонъ.

Когда и страхъ и рой веселій,
Все было чуждо для тебя
Въ предѣлахъ тѣсной колыбели:
Посланникъ неба, возлюбя
Младенца милую безпечность,
Тебя лелѣялъ въ тишинѣ;
Ты почивала, но во снѣ,
Душой разгадывая вѣчность,
Встрѣчала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной. . . .
Что̀ сорвало улыбку ту,

Что̀ зрѣла ты—мнѣ неизвѣстно;
Но твой хранитель-гость небесной
Взмахнулъ таинственнымъ крыломъ, —
И тѣнь ночная пробѣжала,
На небосклонѣ заиграла
Денница пурпурнымъ огнёмъ,
И лучь румянаго разсвѣта
Твои ланиты озарилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ вдвое сталъ мнѣ милъ,
Сей лучь румянаго расвѣта.
Храни его . . . не даромъ онъ
На дѣвственныхъ щекахъ возжёнъ;
Не отблескъ красоты напрасной,
Нѣтъ! онъ печать минуты ясной,
Залогъ онъ тайный, не земной.
На небѣ всѣ цвѣты прекрасны,
Всѣ дышатъ горней красотой;
Но межъ цвѣтовъ есть цвѣтъ святой,
То цвѣтъ денницы молодой.

К. И. ГЕРКЕ.

(ПРИ ПОСЛАНІИ ТРАГЕДІИ ВЕРНЕРА).

—

Въ вечерній часъ уединенья,
Когда свободный отъ трудовъ

Ты сердцемъ жаждешь вдохновенья,
Гармоньи сладостной стиховъ.

*

Читай — мечтай — пусть предъ тобою
Завѣса времени падетъ,
И ясной, длинной чередою
Промчится рядъ минувшихъ лѣтъ!

*

Взгляни! — уже могучій Геній
Расторгнулъ хладный мракъ могилъ;
Уже собравъ Героевъ тѣни,
Тебя ихъ сонмомъ окружилъ —

*

Узнай печать небесной силы
На поблѣднѣвшихъ ихъ челахъ.
Ея не сгладилъ прахъ могилы,
И тотъ же пламень въ ихъ очахъ. . . . .

Но ты во храмѣ—вкругъ гробницы,
Гдѣ милое дитя лежитъ,
Поютъ печальныя дѣвицы —
И къ небу стройный плачь летитъ.

*

«За чѣмъ она, какъ Майскій цвѣтъ,
«На мигъ блеснувшій красотою,
«Оставила такъ рано свѣтъ
«И радость унесла съ собою»!

*

Ты слушаешь — и слезы пали
На листъ съ пылающихъ ланитъ,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелитъ. —

*

Блаженъ, блаженъ, кто въ полдень жизни
И на закатѣ ясныхъ лѣтъ,
Какъ въ нѣдрахъ радостной отчизны,
Еще въ фантазіи живетъ.

*

Кому небесное — родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И разумъ съ пламенной душой.

*

Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пустова не найдетъ,
И всклликнетъ, въ чувствахъ упоенья:
«*Прекрасному предѣловъ нѣтъ!*»

ПОСЛАНІЕ КЪ Р—ну.

—

Я молодъ, другъ мой, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Но я извѣдалъ жизни море,
И для меня ужъ тайны нѣтъ
Ни въ пылкой радости, ни въ горѣ.
Я долго тѣшился мечтой,
Звѣздамъ небеснымъ слѣпо вѣрилъ,
И океанъ безбрежный мѣрилъ
Своею утлою ладьёй.
Съ надменной радостью бывало
Глядѣлъ я, какъ мой смѣлый чолнъ
Печаталъ слѣдъ свой въ безднѣ волнъ.
Меня пучина не пугала:
»Чего страшиться?» думалъ я,
«Бываль ль зеркало такъ ясно
Какъ зыбь морей?» Такъ думалъ я,
И гордо плылъ, забывъ края.
И чтожь скрывалось подъ волною?
О камень грянулъ я ладьёю,
И въ дребезги моя ладья!
Обманутъ небомъ и мечтою,
Я проклялъ жребій и мечты...
Но издали манилъ мнѣ ты,
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ,
И съ хладной жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

ПОЭТЪ.

—

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ Музъ и вдохновья?
Узналъ ли бъ межь земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?—
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучь высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость, —
Безумный крикъ, холодный смѣхъ
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня — простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.
Когдажъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь, —

Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будтобъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близь него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ Музъ и вдохновенья!

НОВГОРОДЪ.

(Посвящено К. А. И. Т.)

—

Валяй, ямщикъ, да говори:
Далеколь Новградъ?
«Не далеко,
«Версты четыре или три.
«Вотъ видишь чтó-то тамъ высоко,
«Какъ черный лѣсъ изъ далека. . .»

— Ну, вижу это: облака. —
«Нѣтъ, это Новградскія кровли.»

Тыль предо мной, о древній градъ
Довольства, славы и торговли!
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!
Не смолкли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ.
«Ну тройка, духомъ донесла!»
— Потише. Гдѣ Соборъ Софійской?
«Соборъ отсюда, баринъ, близко.
«Вотъ улица, да въ лѣво двѣ,
«А тамъ найдешь хоть самъ собою
«И крестъ на голубой главѣ
«Ужъ будетъ прямо предъ тобой.»

— Вездѣ былаго свѣжій слѣдъ.
Вѣка прошли; . . . но ихъ полетъ
Промчался здѣсь не разрушая.
— Ямщикъ, гдѣ площадь вѣчевая?
«Прозванья этого здѣсь нѣтъ . .»
— Какъ нѣтъ?
«А площадь не далеко
«За этой улицей широкой. . .
«Вотъ площадь. Видишь шесть столбовъ;
«По сказкамъ нашихъ стариковъ,
«На сихъ столбахъ висѣлъ когда-то

«Огромный колоколъ: но онъ
«Давно отсюда увезенъ.»

Гдѣ Волховъ?
«Онъ передъ тобой
«Течетъ подъ этою горой.»
— Все также онъ волною шумной
Играя, весело бѣжитъ.
Онъ о минувшемъ не груститъ.
Такъ все здѣсь близко, какъ и прежде.
Теперь ты самъ отвѣтствуй мнѣ,
О Новградъ! въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной, какъ въ сѣдинѣ
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласитъ какъ бдящій вѣстникъ
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы,
Когда твой голосъ, бичь Князей,
Звуча здѣсь мѣдью въ бурномъ вѣчѣ,
Къ суду или кровавой сѣчѣ
Сзывалъ послушныхъ сыновей;
Когда твой мечь, гроза сосѣда,
Каралъ Ливонію и Шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой.
Скажи: гдѣ эти времена? —
Онѣ далеко, ахъ, далеко!

Моя молитва.

—

Души невидимый хранитель!
Услышь моленіе мое:
Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ее,
Да черезъ мой порогъ смиренный
Не прешагнешъ, какъ тагь ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лѣнь съ убитою душой,
Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложной другъ съ коварствомъ скрытымъ.
Всегда надежною броней
Пусть будетъ грудь моя одѣта,
Да не сразитъ меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучь тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни.
Но въ душу влей покоя сладость,
Посѣй надежды сѣмена,
И отжени отъ сердца радость:—
Она — невѣрная жена.

ЖИЗНЬ.

—

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалека, —
Но въ этомъ страхѣ наслажденье;
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривой!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ — на все глядимъ лѣниво,
Потомъ — и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

ПОСЛАНІЕ КЪ Р-НУ.

—

Оставь, о другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищетъ въ чужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.

Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.
Скупая дружба ихъ даритъ
Пустыя ласки, а не счастье;
Гордись, что ими ты забытъ, —
Ихъ равнодушное безстрастье
Тебѣ да будетъ похвалой.
Зарѣ не улыбался камень;
Такъ и сердецъ небесный пламень
Толпѣ бездушной и пустой
Всегда былъ тайной непонятной.
Встрѣчай ее съ душой булатной
И не страшись отъ слабыхъ рукъ
Ни сильныхъ ранъ, ни тяжкихъ мукъ.
О еслибъ могъ ты быстрымъ взоромъ
Мой новый жребій пробѣжать,
Ты пересталъ бы искушать
Судьбу неправеднымъ укоромъ.
Когдабъ ты видѣлъ этотъ міръ,
Гдѣ взоръ и вкусъ разочарованъ,
Гдѣ чувство стынетъ, умъ окованъ
И гдѣ тщеславіе — кумиръ;
Когдабъ въ пустынѣ многолюдной
Ты не нашелъ души одной, —
Повѣрь, тыбъ на всегда, другъ мой,
Забылъ свой ропотъ безразсудной.
Какъ часто въ пламени рѣчей,
Носяся мыслью средь друзей,
Мечтѣ обманчивой послушной,
Давалъ я руку простодушно —

Никто не жалъ руки моей.
Здѣсь лаской жаркаго привѣта
Душа младая не согрѣта.
Не нахожу я здѣсь въ очахъ
Огня, возженнаго въ нихъ чувствомъ,
И слово, сжатое искусствомъ,
Невольно мретъ въ моихъ устахъ.
О еслибы могли моленья
Достигнуть до небесъ скупыхъ,
Не новой чаши наслажденья,
Я бъ прежнихъ дней просилъ у нихъ.
Отдайте мнѣ друзей моихъ;
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.
Отдайте сладостные звуки:
Они мнѣ счастія поруки, —
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни.

Но нѣтъ! не все мнѣ измѣнило:
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ,
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ.
Его бесѣды и уроки
Ловлю вниманьемъ жаднымъ я:
Они и ясны и глубоки,

Какъ будто волны бытія:
Въ его фантазіи богатой
Я полной жизнію ожилъ
И ранній опытъ не купилъ
Восторговъ раннею утратой.
Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни ткань.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань,
Какъ гордому владыкѣ міра:
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира?

ЗАВѢЩАНІЕ.

—

Вотъ гласъ послѣдняго страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна какъ голосъ прорицанья.
Внимайте: чтобъ сего кольца
Съ руки холодной не снимали; —
Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
И будутъ съ нимъ схоронены.
Друзьямъ — привѣтъ и утѣшенье!
Восторговъ лучшія мгновенья
Мной были имъ посвящены.

Внимай и ты, моя богиня!
Теперь души твоей святыня
Мнѣ и доступней и яснѣй —
Во мнѣ умолкнулъ гласъ страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раемъ ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приблизься! вотъ могилы дверь,
И все позволено теперь —
Я не боюсь сужденій свѣта.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,
Какъ съ первой радостью привѣта
Въ раю ликъ Ангеловъ святыхъ
Устами чистыми лобзали,
Когда бы мы въ восторгѣ ихъ
За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали...
Но эту рѣчь ты позабудь —
Въ ней тайный ропотъ изступленья:
За чѣмъ холодныя сомнѣнья
Я вылилъ въ пламенную грудь?
Къ тебѣ одно, одно моленье —
Не забывай... Прочь увѣренья!
Клянись... Ты вѣришь, милый другъ,
Что за могильнымъ симъ предѣломъ
Душа моя простится съ тѣломъ
И будетъ жить какъ вѣчный духъ,
Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
Однимъ нетлѣніемъ одѣта.

Сей духъ, какъ вѣчно бдящій взоръ,
Твой будетъ спутникъ неотступной,
И если памятью преступной
Ты измѣнишь... Бѣда! съ тѣхъ поръ
Я тайно облекусь въ укоръ,
Къ душѣ прилипну вѣроломной,
Въ ней пищу мщенія найду,
И будетъ сердцу грустно, томно, —
А я какъ червь не отпаду.

КЪ МОЕМУ ПЕРСТНЮ.

—

Ты былъ отрытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пыли ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вѣчной
И надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
Святой обѣтъ произнесла;
Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогомъ состраданья.
О будь мой вѣрный талисманъ!
Храни меня отъ тяжкихъ ранъ
И свѣта и толпы ничтожной,

От ѣдкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
Въ часы холоднаго сомнѣнья
Надеждой сердце оживи,
И если въ скорбяхъ заточенья,
Вдали отъ Ангела любви,
Оно замыслитъ преступленье,...
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И отъ груди моей мятежной
Свинецъ безумства отврати.
Когда же я въ часъ смерти буду
Прощаться съ тѣмъ, что здѣсь люблю:
Тогда я друга умолю,
Чтобъ онъ съ моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снималъ,
Чтобъ насъ и гробъ не разлучалъ.
И просьба будетъ не безплодна:
Онъ подтвердитъ обѣдъ мнѣ свой
Словами клятвы роковой.
Вѣка промчатся, и быть можетъ,
Что кто-нибудь мой прахъ встревожитъ
И въ немъ тебя отроетъ вновь;
И снова робкая любовь
Тебѣ прошепчетъ суевѣрно
Слова мучительныхъ страстей,
И вновь ты другомъ будешь ей,
Какъ былъ и мнѣ, мой перстень вѣрной.

ТРИ РОЗЫ.

—

Въ глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили намъ боги,
Эдема лучшіе цвѣты.
Одна подъ небомъ Кашемира
Цвѣтетъ близь свѣтлаго ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянетъ,
И если кто цвѣтокъ сорветъ,
Лишь только утра лучь проглянетъ,
Свѣжѣе роза разцвѣтетъ.

Еще прелестнѣе другая:
Она, румяною зарей
На раннемъ небѣ разцвѣтая,
Плѣняетъ яркой красотой.
Свѣжѣй отъ этой розы вѣетъ,
И веселѣй ее встрѣчать.
На мигъ одинъ она алѣетъ,
Но съ каждымъ днемъ цвѣтетъ опять.

Еще свѣжей отъ третьей вѣетъ,
Хотя она не въ небесахъ;
Ее для жаркихъ устъ лелѣетъ
Любовь на дѣвственныхъ щекахъ.

Но эта роза скоро вянетъ;
Она пуглива и нѣжна,
И тщетно утра лучь проглянетъ:
Не разцвѣтетъ опять она.

ТРИ УЧАСТИ.

—

Три участи въ мірѣ завидны, друзья!
Счастливецъ, кто вѣка судьбой управляетъ,
Въ душѣ неразгаданной думы тая.
Онъ сѣетъ для жатвы, но жатвъ не сбираетъ:
Народовъ признанья ему не хвала,
Народовъ проклятья ему не упреки.
Вѣкамъ завѣщаетъ онъ замыслъ глубокій:
По смерти безсмертнаго зрѣютъ дѣла.

*

Завиднѣй Поэта удѣлъ на земли.
Съ младенческихъ лѣтъ онъ сдружился съ природой,
И сердце Камены отъ хлада спасли,
И умъ непокорный воспитанъ свободой,
И лучь вдохновенья зажегся въ очахъ.
Весь міръ облекаетъ онъ въ стройные звуки;
Стѣснится ли сердце волненіемъ муки —
Онъ выплачетъ горе въ горючихъ стихахъ.

*

Но вѣрьте, о други! счастливѣй стократъ
Безпечный питомецъ забавы и лѣни.
Глубокія думы души не мутятъ,
Не знаетъ онъ слезъ и огня вдохновеній,
И день для него, какъ другой, пролетѣлъ,
И будущій снова онъ встрѣтитъ безпечно,
И сердце увянетъ безъ муки сердечной —
О рокъ! что ты не далъ мнѣ этотъ удѣлъ?

ДОМОВОЙ.

Что ты, Параша, такъ блѣдна?
— «Родная! домовой проклятый
Меня звалъ нынче у окна.
Весь въ черномъ, какъ медвѣдь лохматый,
Съ усами, да какой большой!
Вѣкъ не видать тебѣ такого.»
— Перекрестися, Ангелъ мой!
Тебѣ ли видѣть домоваго?

*

Ты не спала, Параша, ночь.
— «Родная! страшно; неотходитъ
Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;
Стучитъ задвижкой, дышетъ, бродитъ,
Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ: отопри!»
— Ну чтоже ты? — «Да я ни слова.»

— Э, полно, Ангелъ мой, не ври;
Тебѣ ли слышать домоваго?

*

Параша! ты не весела;
Опять всю ночь ты прострадала.
— «Нѣтъ, ничего: я ночь спала».
— Какъ ночь спала! ты тосковала,
Ходила, отпирала дверь;
Ты вѣрно испугалась снова?
— «Нѣтъ, нѣтъ, родимая, повѣрь!
Я не видала домоваго».

КЪ ПУШКИНУ.

—

Извѣстно мнѣ: доступенъ Геній
Для гласа искреннихъ сердецъ.
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній.
Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа,
И снисходительнаго слуха
Младую Музу удостой.
Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный Поэтъ,
Покинулъ міръ осиротѣлый,
Оставя славы яркій свѣтъ

И тѣнь всемірныя печали,
Хвалебнымъ громомъ прозвучали
Твои стихи ему во слѣдъ.
Ты дань принесъ увядшей силѣ,
И славѣ на его могилѣ
Другое имя завѣщалъ.
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго Галла.
Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ:
Онъ нашъ, — жилецъ того же свѣта.
Давно блеститъ его вѣнецъ;
Но славы громкаго привѣта
Звучнѣй, отраднѣй гласъ поэта.
Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній.
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы милый гласъ,
Къ знакомымъ думамъ клонятъ насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,

И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой.
И можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

КЪ ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когдабъ ты зналъ, чтò эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,

Благоговѣйной тишиной.
Тогдабъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но тыбъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Тыбъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

УТѢШЕНІЕ.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Какъ Промиѳей похитилъ онъ
Творящей лучь, небесный пламень,
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Не многіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Повѣрь, не даромъ въ ней она;

Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила:
Нѣтъ! — что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется по мнѣ.

Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не роптал;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «когда нибудь
«Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
«И слово сильное случайно
«Изъ груди вырвется твоей.
«Уронишь ты его не даромъ;
«Оно чужую грудь зажжетъ,
«Въ нее какъ искра упадетъ,
«А въ ней пробудится пожаромъ.»

———

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

—

О жизнь, коварная Сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
До въ кубкѣ счастья — лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости — все ложь.
Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ.
Тебѣ мои скупыя длани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердце поселить
Минутный огнь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость;
Но не отымешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасетъ мой добрый геній,
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
На вѣкъ Поэзіи святой

И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ УРАНІИ.

(ВЪ АЛЬБУМЪ).

—

Пять звѣздъ увѣнчали чело вдохновенной:
Поэзіи дивной звѣзда,
Звѣзда благодатная милой надежды,
Звѣзда беззакатной любви,
Звѣзда лучезарная искренней дружбы,
Что пятая будетъ звѣзда?
Да будетъ она, благотворные боги,
Душевнаго счастья здѣздой.

НА НОВЫЙ 1823 ГОДЪ.

—

Такъ снова годъ какъ тѣнь мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность
И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнивую безпечность.
О еслибъ онъ меня спросилъ:

«Гдѣ плодъ горячихъ обѣщаній?
«Чѣмъ ты меня остановилъ?»
Я не нашелъ бы оправданій
Въ мечтахъ разсѣянныхъ моихъ.
Мнѣ нечѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглецъ жестокой!
Клянусь тебѣ въ прощальный мигъ:
Ты не умчался безъ возврату;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкій долгъ свой доплачу.

КРЫЛЬЯ ЖИЗНИ.

На легкихъ крылышкахъ
Летаютъ ласточки;
Но легче крылышки
У жизни вѣтреной.
Не знаетъ въ юности
Она усталости
И радость рѣзвую
Беретъ довѣрчиво
Къ себѣ на крылія.
Летитъ, любуется

Прекрасной ношею. . .
Но скоро тягостна
Ей гостья милая,
Устали крылышки,
И радость рѣзвую
Она стрехаетъ съ нихъ.
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою,
И прихотливая
Печаль туманную
Беретъ на крылія
И вдаль пускается
Съ подругой новою.
Но крылья легкія
Все болѣ, болѣе
Подъ ношей клонятся,
И вскорѣ падаетъ
Съ нихъ гостья новая,
И жизнь усталая
Одна, безъ бремени,
Летитъ свободнѣе;
Лишь только въ крыліяхъ
Едва замѣтные
Отъ ношей брошенныхъ
Слѣды осталися —
И отпечатались
На легкихъ перышкахъ
Два цвѣта блѣдные:
Не много свѣтлаго

От̕ рѣзвой радости,
Не много темнаго
От̕ гостьи сумрачной.

ИТАЛІЯ.

Италія, отчизна вдохновенья!
Придет̕ мой час̕, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья,
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ снѣ.
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь,
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ,
Подъ яхонтомъ сверкающихъ небесъ,
Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду пѣть зарю
И поздравлять Царя свѣтилъ съ восходомъ:
Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ.
Какъ весело въ немъ утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О міръ суетъ! тогда отъ мыслей прочь!
Въ объятьяхъ нѣгъ и въ творческомъ покоѣ,
Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!

Тогда, о Тассъ, твой мирный сонъ нарушу,
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Прольетъ и жизнь и пѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и въ сѣверную душу.

ЭЛЕГІЯ.

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Какъ я любилъ твои воспоминанья,
Какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ
И какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ!
Ты упилась симъ воздухомъ чудеснымъ,
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.
Душа твоя такъ ясно разгорѣлась
И новый огнь въ груди моей зажгла.
Но этотъ огнь томительный, мятежной,
Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной, —
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.

За чѣмъ, за чѣмъ такъ сладко пѣла ты?
За чѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно,
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?

КЪ МОЕЙ БОГИНѢ.

—

Не думы гордыя вздымаютъ
Страстей исполненную грудь,
Не волны Невскія мѣшаютъ
Душѣ усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль рѣки широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой,
И взоръ блуждаетъ по брегамъ,
Языкъ невнятное лепечетъ,
И тихо плещущимъ волнамъ
Слова прерывистыя мечетъ.
Тогда отъ мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная рѣка,
И Невскій берегъ величавый;
Тогда не робкая тоска
Безсильнымъ сердцемъ обладаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ. . . .
Тебѣ понятенъ ропотъ сей,
О Божество души моей!

Холодной жизнію безстрастья,
Ты знаешь, мнѣ-ль дышать и жить?
Ты знаешь, мнѣ ль боготворить
Душой несозданной для счастья,
Толпы привычныя мечты,
И дани раболѣпной службы
Носить кумиру суеты?
Нѣтъ, нѣтъ! и теплые дни дружбы,
И дни горячіе любви
Къ другому сердце пріучили:
Другой огонь они въ крови,
Другія чувства поселили.
Что счастье мнѣ? за чѣмъ оно?
Не тыль твердила, что судьбою
Оно лишь робкимъ здѣсь дано,
Что счастья съ пламенной душою
Не льзя въ семъ мірѣ сочетать,
Что для него мнѣ не дышать....

О будь благословенна мною!
Оно священно для меня
Твое пророчество несчастья,
И, какъ завѣтъ, его храня,
Съ какимъ восторгомъ сладострастья
Я жду губительнаго дня
И торжества судьбы коварной!
И еслибъ умъ неблагодарной
На небо возропталъ въ бѣдахъ;
Твоебъ явленье, Ангелъ милой,
Какъ даръ небесъ, остановило

Проклятье на моихъ устахъ.
Мою бы грудь исполнилъ снова
Благоговѣнія святаго
Цѣлебный взглядъ твоихъ очей,
И снова бы въ душѣ моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презрѣнье,
И сладостная тишина.
Вотъ, вотъ что грудь мою вздымаетъ
И тайный ропотъ мнѣ внушаетъ!
Вотъ чѣмъ душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

XXXV.

—

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ Океанъ безбрежной...
Найду ли я утесъ надежной,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть

На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что̀ любить, что̀ пѣть?

Открой глаза̀ на всю природу, —
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ, —
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когдажь минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ: —
Смирится гордое желанье,
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья. —

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,

Уныло вечеръ воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Поэтъ и другъ.

—

Другъ.

Ты въ жизни только разцвѣтаешь,
И ясенъ міръ передъ тобой, —
За чѣмъ же ты въ душѣ младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?

Поэтъ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:

Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Другъ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ! —
Тому, кто жребій довершилъ,

Потеря жизни не утрата —
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому — процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Другъ.

Мой другъ! за чѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ! дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что̀ сердце грѣетъ,
Что̀ я своимъ могу назвать,
Что̀ наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день;
А что̀ за гробомъ, то не наше: —
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтреной мечты
Даютъ ему лице, черты,
И призракъ славой называютъ!

Поэтъ,

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сроднилась съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряли дни.

Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что̀ уста мои вѣщали —
Веселья мимолѣтный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали, —
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды не лживые прочтетъ; —
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
«Онъ дышетъ жаромъ красоты,
«Въ немъ умъ и сердце согласились,
«И мысли полныя носились
«На легкихъ крыліяхъ мечты.
«Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

—

Сбылись пророчества Поэта,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ.

—

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ

И

АПОѲЕОЗА ХУДОЖНИКА.

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ ХУДОЖНИКА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ восходомъ солнечнымъ.

—

ХУДОЖНИКЪ, *за своимъ станкомъ. Онъ только что поставилъ на него портретъ толстой, дурной собою кокетки.*

(Дотронулся кистью и останавливается.)

Что̀ за лице! совсѣмъ безъ выраженья!
Долой! нѣтъ болѣе терпѣнья.

(Снимаетъ портретъ).

Нѣтъ! я не отравлю сихъ сладостныхъ мгновеній,
Пока вы нѣжитесь въ объятьяхъ сна,
Предметы милые трудовъ и попеченій,
Малютки, добрая жена!

(Подходитъ къ окну.)

Какъ щедро льешь ты жизнь, прекрасная денница!
Какъ юно бьется грудь передъ тобой!

7*

Какою сладкою слезой
Туманится моя зѣница!

(Ставитъ на станокъ картину, представляющую во весь ростъ Венеру Уранію).

Небесная! для сердца образъ твой
Какъ первая улыбка счастья.
Я чувствами, душой могу обнять тебя,
Какъ радостный женихъ, съ восторгомъ сладо-
страстья.
Я твой создатель; ты моя;
Богиня! ты я самъ, ты болѣе чѣмъ я;
Я твой, владычица вселенной!
И я лишусь тебя! я за металлъ презрѣнной
Отдамъ тебя глупцу, чтобъ на его стѣнѣ
Служила ты болтливости надменной,
И не напомнила, быть можетъ, обо мнѣ!...

(Онъ смотритъ въ комнату, гдѣ спятъ его дѣти).

О дѣти!... Будь для нихъ богиней пропитанья!
Я понесу тебя къ сосѣду-богачу
И за тебя, предметъ очарованья,
На хлѣбъ малюткамъ получу....
Но онъ не будетъ обладать тобою.
Природы радость и душа!
Ты будешь здѣсь, ты будешь вѣкъ со мною,
Ты вся во мнѣ: тобой дыша,
Я счастливъ, я живу твоею красотою.

(Ребенокъ кричитъ въ комнатѣ).

ХУДОЖНИКЪ.

О Боже!

ЖЕНА ХУДОЖНИКА *(просыпается)*.

Разсвѣло. — Ты всталъ уже, другъ мой!
Сходижь скорѣе за водой,
Да разведи огонь, чтобъ воду вскипятить:
Пора ребенку супъ варить.

ХУДОЖНИКЪ.

*(останавливается еще на минуту пе-
гаетъ редъ своей картиной).*

Небесная!

СТАРШІЙ СЫНЪ ЕГО.

*(вскочилъ съ постели и босой подбѣ-
гаетъ къ нему).*

И я тебѣ, пожалуй, помогу.

ХУДОЖНИКЪ.

Кто? — ты!

СЫНЪ.

Да, я.

ХУДОЖНИКЪ.

Бѣгижь за щепками!

СЫНЪ.

Бѣгу.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ХУДОЖНИКЪ.

Кто тамъ стучится у дверей?

СЫНЪ.

Вчерашній господинъ съ женою.

ХУДОЖНИКЪ.

(ставитъ опять на станокъ отвратительной портретъ).

Такъ за портретъ возьмуся поскорѣй.

ЖЕНА.

Пиши и деньги за тобою.

ГОСПОДИНЪ И ГОСПОЖА *(входятъ).*

ГОСПОДИНЪ.

Вотъ кстати мы!

ГОСПОЖА.

А я какъ дурно ночь спала!

ЖЕНА.

А какъ свѣжи! нельзя не подивиться.

ГОСПОДИНЪ.

Что̀ это за картина близь угла?

ХУДОЖНИКЪ.

Смотрите, какъ бы вамъ не запылиться.

(къ Госпожѣ).

Прошу, сударыня, садиться.

ГОСПОДИНЪ.

(смотритъ на портретъ).

Характеръ-то, характеръ-то не тотъ.
Портретъ хорошъ, конечно такъ,
Но все не льзя сказать ни какъ,
Что это полотно живётъ.

ХУДОЖНИКЪ *(про себя).*

Чего онъ ищетъ въ этой рожѣ?

Господинъ.

(беретъ картину изъ угла).

А! вотъ вашъ собственный портретъ

ХУДОЖНИКЪ.

Онъ былъ похожъ: ему ужъ десять лѣтъ.

ГОСПОДИНЪ.

Нѣтъ! можно и теперь узнать.

ГОСПОЖА.

(будто бы взглянувъ на него).

Похоже.

ГОСПОДИНЪ.

Тогда вы были помоложе.

ЖЕНА.

(подходитъ съ корзиной на рукѣ
и говоритъ тихонько мужу).

Иду на рынокъ я: дай рубль.

ХУДОЖНИКЪ.

Да нѣтъ его.

ЖЕНА.

Безъ денегъ, милый другъ, не купишь ничего.

ХУДОЖНИКЪ.

Пошла!

ГОСПОДИНЪ.

Но ваша кисть теперь смѣлѣй,

ХУДОЖНИКЪ.

Пишу, какъ пишется: что̀ лучше, что̀ похуже.

ГОСПОДИНЪ.

(подходитъ къ станку).

Вотъ браво! ноздри-то поуже,
Да взглядъ пожалуста живѣй!

ХУДОЖНИКЪ *(про себя).*

О Боже мой! что̀ за мученье!

МУЗА.

(невидимая для другихъ, подхо-
дитъ къ нему).

Уже, мой сынъ, теряешь ты терпѣнье?

Но участь смертныхъ всѣхъ равна.
Ты говоришь: *она* дурна!
За то платить она должна.
Пусть этотъ сумазбродъ болтаетъ —
Тебя живой восторгъ, художникъ! награждаетъ.
Твой даръ некупленный, источникъ красоты —
Онъ счастіе твое, имъ утѣшайся ты.
Повѣрь: лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ
наслажденьемъ,
Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ,
И небо безъ земли наскучилобъ богамъ.
За чѣмъ же ты взываешь къ небесамъ?
Тебѣ любовь вѣрна, твой сонъ всегда пріятенъ,
И честью ты богатъ, хотя ты и не знатенъ.

АПОѲЕОЗА ХУДОЖНИКА.

—

Театръ представляетъ великолѣпную картинную галлерею. Картины всѣхъ школъ висятъ въ широкихъ золотыхъ рамахъ. Много любопытныхъ посѣтителей. Они ходятъ взадъ и впередъ. На одной сторонѣ сидитъ УЧЕНИКЪ *и списываетъ картину.*

—

УЧЕНИКЪ.

(встаетъ, кладетъ на стулъ палитру и кисти, а самъ становится позади стула).

По цѣлымъ днямъ я здѣсь сижу!
Я весь горю, я весь дрожу.
Пишу, мараю, такъ что самъ
Не вѣрю собственнымъ глазамъ.
Всѣ правила припоминалъ,
Все вымѣрялъ, все расчиталъ,
И жадно взоръ гонялся мой
За каждой краской и чертой.
То вдругъ кидаю кисть свою;
Какъ полубѣшеный встаю
Въ поту, усталый отъ труда,

Гляжу туда, гляжу сюда,
Съ картины не спускаю глазъ,
Стою за стуломъ битый часъ—
И чтоже? для бѣды моей
Никакъ я копіи своей
Не превращу въ оригиналъ.
Тамъ жизнь холсту художникъ далъ,
Свободой дышетъ кисть его, —
Здѣсь все и сухо и мертво.
Тамъ страстью все оживлено —
Здѣсь принужденіе одно;
Что̀ тамъ горитъ, прозрачнѣй дня,
То вяло, грязно у меня.—
Я вижу, даромъ я тружусь
И съ жаромъ вновь за кисть берусь!
Но что̀ ужаснѣе всего,
Что̀ верхъ мученья моего:
Ошибки ясны мнѣ какъ свѣтъ,
А ихъ поправить силы нѣтъ.

МАСТЕРЪ *(подходитъ).*

Мой другъ! за это похвалю:
Твое старанье я люблю.
Не даромъ я твержу всегда,
Что нѣтъ успѣха безъ труда.
Трудись! запомни мой урокъ —
Ты самъ увидишь въ этомъ прокъ.
Я это знаю по себѣ:
Что̀ нынѣ кажется тебѣ
Непостижимо, высоко,

То нечувствительно, легко
Рождаться будетъ подъ рукой,
И наконецъ, любезный мой,
Искусство, весь науки плодъ,
Тебѣ въ пять пальцовъ перейдётъ.

УЧЕНИКЪ.

Увы! какъ много здѣсь дурнаго,
А объ ошибкахъ вы ни слова.

МАСТЕРЪ.

Кому же все дается вдругъ?
Я вижу съ радостью, мой другъ,
Что съ каждымъ днемъ твой даръ растетъ.
Ты самъ собой пойдешь впередъ.
Кой-что со временемъ поправимъ,
Но это мы теперь оставимъ.

(Уходитъ).

УЧЕНИКЪ

(смотря на картину).

Нѣтъ, нѣтъ покоя для меня,
Пока не все постигнулъ я!

ЛЮБИТЕЛЬ.

(подходитъ къ нему).

Мнѣ жалко видѣть, сударь мой,
Что вы такъ трудитесь напрасно,
Идете темною тропой
И позабыли путь прямой:

Натура—вотъ источникъ ясный,
Откуда черпать вы должны.
Въ ней тайны всѣ обнажены:
И жизнь тѣлесъ, и жизнь духовъ.
Натура школа мастеровъ.
Примитежь искренній совѣтъ:
Зачѣмъ топтать избитый слѣдъ?—
Чтобъ быть копистомъ наконецъ?
Натура вотъ вамъ образецъ!
Одна натура, сударь мой,
Наставитъ васъ на путь прямой.

УЧЕНИКЪ.

Все это часто слышалъ я,
Все испытала кисть моя.
Я за природою гонялся,
Случайно успѣвалъ кой въ чемъ,
Но большей частью возвращался
Съ укоромъ, мукой и стыдомъ.
Нѣтъ! это трудъ несовершимый!
Природа книга не по насъ:
Ея листы не обозримы,
И мѣлокъ шрифтъ для нашихъ глазъ.

ЛЮБИТЕЛЬ.

(отворачивается).

Теперь я вижу, въ чемъ секретъ:
Въ немъ генія ни мало нѣтъ.

УЧЕНИКЪ.

(опять садится).

Совсѣмъ не то! хочу опять
Картину всю перемарать.

ДРУГОЙ МАСТЕРЪ.

(подходитъ къ нему, смотритъ на работу и отворачивается, не сказавъ ни слова).

УЧЕНИКЪ.

Нѣтъ! вы не съ тѣмъ пришли, чтобъ молча заглянуть.
Я васъ прошу, скажите что нибудь.
Вы можете одни понять мои мученья.
Хотя мой трудъ не стоитъ словъ,
Но трудолюбіе достойно снисхожденья;
Я вѣрить вамъ во всемъ готовъ.

МАСТЕРЪ.

Я, признаюсь, гляжу на всѣ твои страданья
И съ чувствомъ радости и съ чувствомъ сострାданья.
Я вижу: ты, любезный мой,
Природой созданъ для искусства;
Тебѣ открыты тайны чувства;
Ты ловишь взоромъ и душой
Въ прекрасномъ мірѣ впечатлѣнья;
Ты бы хотѣлъ обнять въ немъ красоту
И кистью приковать къ холсту
Его минутныя явленья;
Ты прилежаніемъ талантъ возвысилъ свой
И быстро ловкою рукой

За мыслью слѣдовать умѣешь:
Во многомъ ты успѣлъ и болѣе успѣешь —
Но . . . .

УЧЕНИКЪ.

Не скрывайте ничего.

МАСТЕРЪ.

Ты упражнялъ и глазъ и руку,
Но ты не упражнялъ разсудка своего.
Чтобъ быть художникомъ, обдумывай науку!
Безъ мыслей геній не творитъ,
И самый рѣдкій умъ съ однимъ природнымъ
чувствомъ
Къ высокому едва ли воспаритъ.
Искусство навсегда останется искусствомъ;
Здѣсь ощупью не льзя идти впередъ,
И только знаніе къ успѣху приведетъ.

УЧЕНИКЪ.

Я знаю, къ красотамъ природы и картинъ
Не трудно приучить и глазъ и руку:
Не то съ наукою; ученый лишь одинъ
Намъ можетъ передать науку.
Кто можетъ знаніемъ полезенъ быть другимъ
Не долженъ бы одинъ имъ наслаждаться.
За чѣмъ же вамъ отъ всѣхъ скрываться
И съ многими не подѣлиться имъ?

МАСТЕРЪ.

Нѣтъ! въ наши времена всѣ любятъ путь широ-
кій,

Не трудную стезю, не строгіе уроки.
Я завсегда одно и тожь пою,
Но всякой ли полюбитъ пѣснь мою?

УЧЕНИКЪ.

Скажите только мнѣ, ошибся ли я въ томъ,
Что передъ прочими я выбралъ образцомъ
Сего художника?
(Указывая на картину, которую списываетъ).
Что весь живу я въ немъ?
Что я люблю его, люблю, какъ бы живаго,
Надъ нимъ всегда тружусь и не хочу другаго.

МАСТЕРЪ.

Его чудесный даръ и молодость твоя—
Вотъ что̀ твой выборъ извиняетъ.
Всегда охотно вижу я,
Какъ смѣлый юноша свободно разсуждаетъ.
Безъ мѣры хвалитъ, порицаетъ.
Твой идеалъ, твой образецъ —
Великій умъ, разнообразный геній:
Учися красотамъ его произведеній,
Трудись надъ ними— наконецъ
Познай ошибки, и умѣй
Любить въ твореніяхъ искусство, не людей.

УЧЕНИКЪ.

Его картинами давно ужь я плѣнился.
Повѣрьте, не проходитъ дня,
Чтобъ я надъ ними не трудился.
И съ каждымъ днемъ онѣ все новы для меня.

МАСТЕРЪ.

Ты разсмотри съ разсудкомъ, безпристрастно,
И чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ хотѣлъ онъ быть;
Люби его, но самъ учись его судить.
Тогда твой трудъ не будетъ трудъ напрасной:
Обнявъ науку красоты,
Не все предъ нимъ забудешь ты.
Для добродѣтели тѣлесной груди мало;
Ужиться ей не льзя въ душѣ одной:
Съ искусствомъ точно тожь, и никогда, другъ мой,
Одна душа его не поглощала.

УЧЕНИКЪ.

Такъ я былъ слѣпъ до этихъ поръ.

МАСТЕРЪ.

Теперь оставимъ разговоръ.

СМОТРИТЕЛЬ ГАЛЛЕРЕИ.

(Подходитъ къ нимъ).

Какой счастливый день для насъ!
Картину къ намъ внесутъ тотчасъ —
Давно на свѣтѣ я живу,
Но ни во снѣ, ни на яву
Другой подобной не видалъ.

МАСТЕРЪ.

А чья?

УЧЕНИКЪ.

Его же?

(Указываетъ на картину, съ которой списывалъ).

СМОТРИТЕЛЬ.

Угадалъ.

УЧЕНИКЪ.

Я угадалъ! мнѣ это
Шепнула тайная любовь.
Какой восторгъ волнуетъ кровь!
Какимъ огнемъ душа согрѣта!
Куда бѣжать мнѣ къ ней? куда?

СМОТРИТЕЛЬ.

Ее сей часъ внесутъ сюда.
Не льзя взглянуть не подивясь:
За то не дешево купилъ ее нашъ Князь.

ПРОДАВЕЦЪ *(входитъ).*

Ну, Господа! теперь я смѣю
Поздравить вашу галлерею.
Теперь узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Какъ Князь искусства ободряетъ:
Онъ вамъ картину покупаетъ,
Какой ни гдѣ, ручаюсь, нѣтъ.
Ее несутъ ужъ въ галлерею·
Мнѣ право жаль разстаться съ нею.
Я не обманываю васъ —
Цѣна конечно дорогая,
Но рѣдкость, господа, такая
Дороже стоитъ во сто разъ.

(Тутъ вносятъ изображеніе ВенерыУраніи и ставятъ на станокъ).

Теперь взгляните: вотъ она!
Безъ рамки, вся запылена.
Я продаю, какъ получилъ,
И даже лакомъ не покрылъ.

(Всѣ собираются передъ картиной).

ПЕРВЫЙ МАСТЕРЪ.

Какое мастерство во всемъ!

ВТОРЫЙ МАСТЕРЪ.

Вотъ зрѣлый умъ! какой объемъ!

УЧЕНИКЪ.

Какою силою чудесной.
Бунтуетъ страсть въ груди моей!

ЛЮБИТЕЛЬ.

Какъ натурально! какъ небесно!

ПРОДАВЕЦЪ.

Я словомъ всѣмъ плѣнился въ ней,
И самой мыслью и работой.

СМОТРИТЕЛЬ.

Вотъ къ ней и рама съ позолотой!
— Скорѣй — Князь скоро будетъ самъ —
Вбивайте гвозди по угламъ.

(Картину вставляютъ въ раму и вѣшаютъ).

КНЯЗЬ.

(Входитъ въ залу и разсматриваетъ картину).
Картина точно превосходна,
И не торгуюсь я въ цѣнѣ.

КАЗНАЧЕЙ.

(Кладетъ кошелекъ съ червонцами на столъ и вздыхаетъ).

ПРОДАВЕЦЪ.

Нельзя ли взвѣсить?

КАЗНАЧЕЙ *(считая деньги).*

Какъ угодно,
Но лишній трудъ, повѣрьте мнѣ.

(Князь стоитъ передъ картиною. Прочіе въ нѣкоторомъ отдаленіи. Потолокъ открывается. Муза, держа художника за руку, является на облакѣ.)

ХУДОЖНИКЪ.

Куда летимъ? въ какой далекій край?

МУЗА.

Взгляни, мой другъ, и самъ себя узнай!
Упейся счастьемъ въ полной мѣрѣ.

ХУДОЖНИКЪ.

Мнѣ душно здѣсь, въ тяжелой атмосферѣ.

МУЗА.

Твое созданье предъ тобой!
Оно всѣ прочія затмило красотой
И здѣсь какъ Сиріусъ межь ясными звѣздами
Блеститъ безсмертными лучами.

Взгляни, мой другъ! Сей плодъ свободы и трудовъ —
Онъ твой! онъ плодъ твоихъ счастливѣйшихъ часовъ.
Твоя душа въ себѣ его носила
Въ минуты тихихъ, чистыхъ думъ:
Его зачалъ твой зрѣлый умъ,
А трудолюбіе спокойно довершило.
Взгляни, ученый передъ нимъ
Стоитъ и скромно наблюдаетъ.
Здѣсь покровитель Музъ твой даръ благословляетъ,
Онъ восхищенъ твореніемъ твоимъ.
А этотъ юноша! взгляни, какъ онъ пылаетъ!
Какая страсть въ душѣ его младой!
Прочти въ очахъ его желанье,
Вполнѣ испить твое вліянье
И жажду утолить тобой!
Такъ человѣкъ съ возвышенной душой
Преходитъ въ поздніе вѣка и поколѣнья.
Ему не льзя свое предназначенье
Въ предѣлахъ жизни совершить:
Онъ доживаетъ за могилой
И мертвый дышетъ прежней силой.
Свершивъ конечный свой удѣлъ,
Онъ въ жизни словъ своихъ и дѣлъ
Путь начинаетъ безконечной!
Такъ будешь жить и ты въ безсмертьѣ, въ славѣ вѣчной!

ХУДОЖНИКЪ.

Я чувствую все что мнѣ далъ Зевесъ:
И радость жизни быстротечной,
И радость вѣчную обители небесъ.
Но онъ проститъ мнѣ ропотъ мой печальной.
Спроси любовника: стастливъ ли онъ,
Когда онъ съ милою подругой разлучёнъ,
Когда она въ странѣ тоскуетъ дальной?
Скажи, что онъ лишился не всего,
Что тотъ же свѣтъ ихъ озаряетъ,
Что то же солнце согрѣваетъ —
И эта мысль утѣшитъ ли его?
Пусть славятъ всѣ мои творенья!
Но въ жизни славу зналъ ли я?
Скажи, небесная моя,
Чтȯ мнѣ теперь за утѣшенье,
Что златомъ платятъ за меня?
О, еслибъ иногда имѣлъ я самъ
Такъ много золота, какъ тамъ,
Вокругъ картинъ моихъ, блеститъ для украшенья
Когда я въ бѣдности съ семействомъ хлѣбъ дѣ-
лилъ,
Я счастливъ, я доволенъ былъ
И не имѣлъ другаго наслажденья.
Увы! судьба мнѣ не дала
Ни друга, чтобъ дѣлить съ нимъ чувства,
Ни покровителя искусства.
До дна я выпилъ чашу зла.
Лишь прѣздка хвалы невѣжды

Гремѣли мнѣ въ глуши монастырей.
Такъ я трудился безъ судей
И міръ покинулъ безъ надежды.

(Указывая на ученика).

О, если ты для юноши сего
Во мзду заслугъ готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга неземная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.
Пока уста дрожатъ еще лобзаньемъ,
Пока душа волнуется желаньемъ,
До вкуситъ онъ вполнѣ твою любовь!
Вѣнокъ ему на небѣ уготовь,
Но здѣсь подай сосудъ очарованья,
Безъ яда слезъ, безъ примѣси страданья!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФАУСТА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФАУСТА.

I

ФАУСТЪ И ВАГНЕРЪ.

(За́ городомъ).

—

ФАУСТЪ.

Блаженъ, кто не отвергъ надежды
Раздрать покровъ душевной тьмы!
Но нѣтъ! печальными рѣчами
Не отравляй даровъ небесъ.
Смотри, какъ кровли межь древесъ
Горятъ вечерними лучами. . . .
Свѣтило къ западу течетъ,
И новый день мы схоронили —
Къ другимъ странамъ оно придетъ
И тамъ жизнь новую прольетъ.
Что̀ нѣтъ у насъ могучихъ крылій?
За нимъ, за нимъ помчалсябъ я;
Зареюбъ вѣчною блистали
Передо мной земли края,
Холмы въ пожарѣ бы пылали,

Дремали долы въ мирномъ снѣ,
И волны золотомъ играли,
Переливаяся въ огнѣ.
Тогда, утесы и вершины!
Вы мнѣ бы не были предѣлъ:
Богоподобный, ябъ летѣлъ
Черезъ эфирныя равнины,
И скоробъ зрѣлъ смущенный взглядъ,
Какъ моря жаркія пучины
Въ заливахъ зеркаломъ лежатъ. . . .
Но солнце къ западу скатилось,—
И вновь желанье пробудилось,
И я стремлю ему во слѣдъ,
Межъ нощію и днемъ, межъ небомъ и морями,
Неутомимый свой полетъ
И упиваюся безсмертными лучами.

Мой другъ! прекрасны эти сны,
А солнце скрылось за горою:
Увы! летаемъ мы мечтою,
Но крылья тѣлу не даны.
И у кого душа въ груди не бьется
И, жадная, не рвется отъ земли,
Когда надъ нимъ, невидимый, вдали
Веселый жаворонокъ вьется
И тонетъ въ зыбяхъ голубыхъ,
По вѣтру пѣсни разсыпая!
Когда паритъ орелъ надъ высью скалъ крутыхъ,
Широкія вѣтрила разстилая,
И черезъ степь, чрезъ бездны водъ

Станица журавлей на родину плывётъ
Къ веснѣ полуденнаго края!

ВАГНЕРЪ.

Признаться, и во мнѣ подъ часъ
Затѣйливо шалитъ воображенье:
Но непонятно мнѣ твое стремленье.
На поле, на лѣса насмотришься какъ разъ;
Мнѣ не завидны крылья птицы,
И толь веселье для души —
Перелетать листы, страницы
Зимой, въ полуночной тиши!
Тогда и ночь какъ будто бы свѣтлѣе,
По жиламъ жизнь бѣжитъ теплѣе—
Не даромъ иногда пороешься въ пыли,
И право отрывать случалось
Такой столбецъ, что самъ ты на земли,
А будто небо открывалось.

ФАУСТЪ.

Мой другъ! изъ сильныхъ двухъ страстей
Одна лишь властвуетъ тобою:
О, не знакомься ты съ другою!
По двѣ души живутъ въ груди моей,
Всегда враждуя межь собою.
Одна обнявши прахъ земной,
Сковалась съ нимъ любовію земною;
Другая прочь отъ персти хладной
Летитъ въ эфиръ къ обители родной. —
Когда межь небомъ и землёю

Витаешь ты, веселый рой духовъ,
Изъ нѣдра тучь, изъ радужныхъ паровъ,
Спустись ко мнѣ! за жизнью молодою
Неси меня къ другой странѣ!
О, дайте плащь волшебный мнѣ!
Когдабъ меня къ другому міру
Онъ дивной силою помчалъ:
Я бы его не промѣнялъ
На блескъ вѣнца, на царскую порфиру.

ВАГНЕРЪ.

Не призывай извѣданныхъ враговъ:
Ихъ сонмъ въ изгибахъ облаковъ
Вездѣ разлился по вселенной
И смертному въ враждѣ неутомленной
Бѣду несетъ со всѣхъ сторонъ.
Подуетъ съ Сѣвера — и острыми зубами
Какъ иглами тебя пронзаетъ онъ;
Съ Востока налетитъ — и подъ его крылами
Изсохнетъ жизнь въ груди твоей.
То съ Юга, съ пламенныхъ степей,
Онъ зной и огнь скопляетъ надъ тобою,
То съ Запада мгновенно освѣжитъ
И вдругъ губительной волною
Поля, луга опустошитъ.
Онъ внемлетъ намъ, но обольститель жадной,
Покорствуя, онъ манитъ насъ къ бѣдамъ,
И словно Ангелъ, такъ отрадно
Онъ ложь нашептываетъ намъ.

ПѢСНЬ МАРГАРИТЫ.

II.

Прости, мой покой;
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

*

Гдѣ нѣтъ его,
Тамъ все мертво!
Мнѣ день не милъ
И міръ постылъ.

*

О бѣдная дѣвица!
Что сбылось съ тобой?
О бѣдная дѣвица!
Гдѣ разсудокъ твой?

*

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

*

Въ окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Изъ дома ль иду я —
За нимъ я иду.

*

Высокъ онъ и ловокъ;
Величественъ взглядъ;
Какая улыбка!
Какъ очи горятъ!

*

И рѣчь, какъ звонъ
Волшебныхъ струй!
И жаръ руки!
И чтò за поцѣлуй!

*

Прости, мой покой!
Какъ камень, въ груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

*

Все тянетъ меня,
Все тянетъ къ нему.
И душно и грустно.
Ахъ, чтò не могу.

*

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, съ устъ его
Еще лобзанья рвать!

III.

МОНОЛОГЪ ФАУСТА.

(Ночь. Пещера.)

—

Всевышній духъ! ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ, сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденья.
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть.
Ты протянулъ передо мною
Созданій цѣпь — я узнаю
Въ водахъ, въ лѣсахъ, подъ твердью голубою
Одну благую мать, одну ея семью.
Когда завоетъ вѣтръ въ дубравѣ тёмной
И лѣсъ качается, и рухнетъ дубъ огромной,
И ели ближнія ломаются, трещатъ,
И стукъ, и грохотъ заунывный
Въ долинѣ будитъ гулъ отзывный:
Ты путь въ пещеру кажешь мнѣ,
И тамъ, среди уединенья,
Я вижу новый міръ, и новыя явленья,
И созерцаю въ тишинѣ

Души чудесныя, но тайныя видѣнья.
Когда же вѣтры замолчатъ
И тихо на поляхъ эѳира
Всплыветъ луна, какъ свѣтлый вѣстникъ мира,
Тогда подъемлется передо мной
Вѣковъ туманная завѣса,
И съ грозныхъ скалъ, изъ дремлящаго лѣса
Встаютъ блестящею толпой
Минувшаго серебряныя тѣни
И свѣтятъ въ сумракѣ суровыхъ размышленій.
Но ахъ! теперь я испыталъ,
Что нѣтъ для смертныхъ совершенства!
Напрасно я, въ мечтахъ душевнаго блаженства,
Себя съ безсмертными равнялъ!
Ты къ страшному врагу меня здѣсь приковалъ:
Какъ тѣнь моя, сопутникъ неотлучный,
Холодной злобою, насмѣшкою докучной
Онъ отравилъ дары небесъ.
Дыханье словъ его сильнѣй твоихъ чудесъ!
Онъ въ прахъ меня низринулъ предо мною,
Разрушилъ въ мигъ міръ созданный тобою,
Въ груди моей зажегъ онъ пламень роковой,
Вдохнулъ любовь къ несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
Въ желаньи къ счастію и въ счастіи къ желанью.

ПРОЗА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПРОЗѢ ВЕНЕВИТИНОВА.

Нѣкоторыя обстоятельства замедлили печатаніе сей второй части сочиненій Д. В. Веневитинова, состоящей изъ оригинальныхъ и переводныхъ его упражненій въ прозѣ. Статьи сіи бо́льшею частію отрывочны: нѣкоторыя изъ нихъ даже не были писаны авторомъ для печати; но не смотря на то мы не усомнились ихъ помѣстить въ семъ собраніи: ибо онѣ болѣе ознакомятъ публику съ родомъ занятій сего юнаго писателя, съ его мнѣніями, зрѣлостію его сужденій и съ его душою пламенною, благородною. Впрочемъ мы здѣсь не будемъ распространяться о нравственныхъ достоинствахъ покойнаго Веневитинова. Какъ священ-

ный кладъ сохраняемъ мы память сего незабвеннаго друга и предоставляемъ читателямъ судить объ его произведеніяхъ.

Съ цѣлію вышеобъясненною неизключили мы изъ сего собранія двухъ критикъ, писанныхъ авторомъ еще въ 1825 году и бывшихъ первыми его печатанными сочиненіями. Въ нихъ находятся нѣкоторые намеки на новый въ то время образъ сужденія, на систему мышленія, коея начала отчасти уже съ большею ясностію и отчетливостію развиты въ письмѣ Графинѣ N. N. *о Философіи*. Авторъ, согласившись на просьбу одного пріятеля, хотѣлъ такимъ образомъ предложить въ письмахъ цѣлую систему, цѣлый курсъ философіи. — Онъ не успѣлъ довершить своего предпріятія, а нѣсколько отрывковъ о семъ же предметѣ затеряны. Но точка зрѣнія его уже была опредѣлена, и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ откровенныхъ бесѣдахъ съ друзьями онъ слѣдовалъ всегда одной постоянной нити сужденія.

Прочія статьи, здѣсь помѣщенныя, были большею частію читаны авторомъ въ кругу друзей и собесѣдниковъ и долженствовали

войти въ составъ журнала, коего планъ, какъ читатели здѣсь увидятъ, былъ предначертанъ Д. Веневитиновымъ. Разборъ одной сцены изъ Бориса Годунова, писанный на Французскомъ языкѣ, еще въ то время когда она появилась въ Московскомъ Вѣстникѣ въ 1827 году, былъ опредѣленъ сочинителемъ для помѣщенія въ Journal de St.-Pétersbourg; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ статья сія не была тогда напечатана.

Отрывокъ подъ заглавіемъ: *Три эпохи любви*, принадлежалъ къ неоконченному роману, коего нѣкоторыя главы отчасти набросаны; но здѣсь не помѣщены, потому что, внѣ связи съ цѣлымъ, онѣ теряютъ свое достоинство и показались бы неумѣстными. Въ замѣну мы по возможности сообщимъ изъ сего романа то, что авторъ намъ изустно передалъ объ его планѣ никогда ненаписанномъ, но коего общія черты были опредѣлены въ его умѣ: ибо романъ сей былъ главнымъ предметомъ мыслей Д. Веневитинова въ послѣдніе мѣсяцы его кратковременной жизни.

Владиміръ Паренскій, единственный сынъ богатаго Пана Польскаго, извѣстнаго голо-

сомъ своимъ на Сеймахъ, былъ порученъ отцемъ, передъ его смертію, подъ опеку и на воспитаніе старому его другу, доктору Фриденгейму, который жилъ вблизи одного изъ знаменитѣйшихъ Университетовъ Германіи и содѣлался въ послѣдствіи начальникомъ Медицинской Академіи. Въ домѣ опекуна своего провелъ Владиміръ счастливые года младости. Часы ребяческаго досуга раздѣлялъ онъ съ дочерью своего воспитателя, Бентою, и съ раннихъ лѣтъ зачалась между сими младенцами тѣсная, неразрывная дружба, заронилось неясное предчувствіе страсти болѣе пламенной, болѣе гибельной. Настало для Паренскаго время посѣщенія публичныхъ курсовъ въ Университетѣ. Вскорѣ удивилъ онъ своихъ наставниковъ успѣхами неожиданными. Съ равною легкостію и жаромъ слѣдовалъ онъ за различными отраслями наукъ, и, хотя не принадлежалъ къ Медицинскому отдѣленію, но по собственному желанію не пропускалъ ни одной изъ Анатомическихъ лекцій своего наставника и получилъ со временемъ весьма основательныя понятія о сей наукѣ. Онъ любилъ погружаться въ глубокія размышленія

о началѣ жизни въ человѣческомъ тѣлѣ. Онъ удивлялся стройности, расположенію, безконечности частей его составляющихъ. Онъ старался разгадать этотъ малый міръ, вникнуть въ сокровенное, узнать тѣсную, но тайную связь души и тѣла. Мысли его стремились далѣе и далѣе. — Въ немъ родились сомнѣнія. — Съ тайною радостію, можетъ быть съ тайною надеждою взирала Бента на быстрые успѣхи Паренскаго, на первенство, которое онъ возъимѣлъ надъ товарищами, на удивленіе и любовь его наставниковъ, на это видимое предназначеніе въ немъ человѣка необыкновеннаго, выспренняго. — Она не понимала какъ дорого онъ искупилъ сіи преимущества!

Пробывши нѣсколько лѣтъ въ Университетѣ, Паренскій вздумалъ путешествовать. Гонимый сомнѣніями, тревожимый мучительною жаждою познанія, онъ надѣялся что жизнь дѣятельная, другое направленіе душевныхъ способностей, разсѣятъ въ немъ неукротимые порывы мечты; что успѣхи свѣтскіе, честолюбіе, слава, плѣняющая людей, вознаградятъ его нравственныя мученія и дарують

ему успокоенiе, блаженство. Со вниманiемъ и любопытствомъ проѣхалъ онъ многiя страны, и накопецъ прибылъ въ Россiю, гдѣ его связи и дарованiя вскорѣ доставили ему значительное и блестящее мѣсто по службѣ. Здѣсь познакомился онъ съ одною молодою дѣвушкою, которая уже была сговорена за другаго. Паренскiй почувствовалъ къ ней тайное влеченiе. Не стараясь побѣдить сего чувства, онъ сталъ часто посѣщать ея домъ, но вскорѣ замѣтилъ что, не смотря на ласковое съ нимъ обхожденiе, та искренняя дружба, которую ему оказывали, не отвѣчала его усилившейся пламенной любви. Гордость его была обижена. Въ немъ родилась ревность. Предавшись съ отчаянiемъ сему пагубному чувству, онъ дерзнулъ на злодѣянiе. Онъ болѣе сблизился съ своимъ соперникомъ, бывшемъ товарищемъ его въ Университетѣ, не смѣя очернить его предъ своею возлюбленной. Въ притворной дружбѣ съ нимъ онъ подарилъ ему образъ, въ которомъ сокрытъ былъ ядъ и чрезъ нѣсколько времени избавился отъ него. Онъ надѣялся что отчаянiе молодой дѣвушки укротится, что участiе которое онъ по видимому

принималъ въ ея положенiи, мнимая скорбь объ умершемъ другѣ, наконецъ самая дружба съ нимъ и собственныя преимущества предъ нимъ мало-по-малу вытѣснять его память изъ ея сердца, и что она невольно предастся въ раставленныя имъ сѣти. Но здоровье ея примѣтно стало слабѣть, сильный недугъ обуялъ её, и Владимiръ, однажды по утру войдя въ ея домъ, видитъ ея холодный трупъ, лежащiй на столѣ средь комнаты. Съ отчаяньемъ узнаетъ онъ образъ на ея груди.— Что это? вскрикиваетъ онъ. — Ему отвѣчаютъ, что этотъ образъ былъ снятъ передъ смертiю покойнымъ ея женихомъ съ собственной его груди, и ей завѣщанъ съ тѣмъ, чтобы она его всегда носила на себѣ въ знакъ памяти. Для Паренскаго все открыто. Онъ самъ убiйца своей возлюбленной! — Онъ спѣшитъ оставить край, гдѣ двѣ грозныя тѣни всюду за нимъ влачатся.

Снова объѣзжаетъ онъ многiя страны, но нигдѣ не встрѣчаетъ успокоенiя души, укрощенiя совѣсти. Разочарованный, онъ въ Германiи опять хочетъ приняться за любимую свою науку, Анатомiю. Въ первый разъ какъ

онъ послѣ многихъ лѣтъ входитъ въ анатомическую залу, она еще была пуста, слушатели не собирались, профессоръ еще не приходилъ. На столѣ лежало покрытое тѣло, приготовленное для лекціи. Паренскій безъ цѣли, въ раздумьи, подходитъ ко столу, и разсѣянно поднимаетъ покрывало. Предъ нимъ трупъ прекрасной женщины и возлѣ нея лежатъ инструменты для вскрытія тѣла. Съ судорожнымъ движеніемъ онъ отворачивается. — Это зрѣлище взволновало въ немъ воспоминанія, сожалѣніе, страхъ, совѣсть. Въ огромной залѣ онъ одинъ предъ обнаженнымъ мертвымъ тѣломъ.—Для него и все въ мірѣ мертво. Онъ клянется никогда не возвращаться въ сіе мѣсто.

Онъ пріѣзжаетъ въ домъ доктора Фриденгейма, гдѣ все ему знакомо, и ничто не можетъ возбудить прежнихъ чувствъ. Бента не понимаетъ его перемѣны. Онъ бѣжитъ отъ людей, онъ страшится и ея бесѣды. Однажды вечеромъ проходитъ онъ безъ цѣли, по обыкновенію своему, по дорожкамъ сада, и, отягченный думами, усталый бросается на скамью. Все тихо, одна луна плыветъ на небосклонѣ, и изрѣдка звѣзды мелькаютъ въ синевѣ. —

Владиміръ чувствуетъ что кто-то сзади подходитъ къ нему; онъ оборачивается и узнаетъ Бенту. Она тихо слѣдовала за нимъ по тропинкамъ, собираясь уже давно извѣдать отъ него причины его мрачности и равнодушія къ ней. — Съ робостію, въ первый разъ произноситъ она слово любви, и пламенныя уста Паренскаго горятъ на груди дочери его благодѣтеля. Отъ сей минуты утратилось невинное счастіе Бенты! Владиміръ, ея демонъ соблазнитель, оторвалъ отъ сердца ея покой, и вскорѣ стыдъ и скорбь низводятъ ее въ могилу.

Такимъ образомъ влекомый отъ преступленія къ преступленію, мучимый прежнею совѣстію, новыми страстями, Владиміръ Паренскій, одаренный отъ природы качествами необыкновенными, проводитъ молодые свои года. — Чтожь стало съ нимъ въ послѣдствіи? Со временемъ всѣ страсти въ немъ перегорѣли, душевныя силы истощались; всѣ дѣйствія его были безъ намѣренія; онъ содѣлался человѣкомъ обыкновеннымъ; люди простые почитали его даже добродѣтельнымъ, потому что онъ не творилъ зла. — Но онъ живой, уже

былъ убитъ, и ничѣмъ не могъ наполнить пустоту души.

Романъ сей долженствовалъ составить довольно пространное сочиненіе.* Предоставляемъ другимъ судить объ его цѣли и окончаніи; но мы передали здѣсь только то, что слышали отъ самаго сочинителя, когда онъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ о немъ разсказывалъ.

---

*) *Прим.* Нужно-ли прибавить, что промежутки, замѣчаемыя между сими отрывочными сценами, были бы пополнены Авторомъ? — Къ сожалѣнію онъ несообщилъ намъ или мы не упомнили болѣе сего.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ N. N.

—

Могъ ли я полагать, любезнѣйшая Графиня, что бесѣды наши завлекутъ насъ такъ далеко? Начали съ простаго разбора Нѣмецкихъ стихотворцевъ, потомъ стали разсуждать о самой Поэзіи, а теперь уже пишу къ Вамъ о *Философіи*. Не пугайтесь этого имени; Вы сами требовали отъ меня развитія Философскихъ понятій, хотя выражались другими словами. Не Вы ли сами замѣтили мнѣ, что одно чувство наслажденія, при взглядѣ на какое нибудь изящное произведеніе, для Васъ неудовлетворительно, что какое-то любопытство заставляло Васъ требовать отъ себя отчета въ этомъ чувствѣ, — спросить, какою силою оно возбуждается, въ какой связи находится съ прочими способностями человѣка? Такимъ образомъ сдѣлали Вы сами собою первый шагъ ко храму Богини, которая болѣе всѣхъ прочихъ таится отъ взоровъ смертныхъ. Радуясь блистательнымъ Вашимъ успѣхамъ я обѣщалъ пред-

ставить Вамъ, въ краткомъ и простомъ изложеніи, такую науку, которая совершенно удовлетворитъ Вашему любопытству, и это обѣщаніе рѣшился я исполнить въ настоящихъ письмахъ о *Философіи.* Впрочемъ объ имени спорить не будемъ. Если оно заслужило негодованіе многихъ, если большой свѣтъ не различаетъ Философіи отъ педантизма, то я согласенъ дать бесѣдамъ нашимъ другое названіе: мы будемъ не философствовать, будемъ просто думать, разсуждать.... Но къ чему такое замѣчаніе? Я знаю Васъ, Графиня, и потому буду смѣло говорить Вамъ именно о Философіи. Вы слишкомъ умѣете цѣнить наслажденія умственныя, чтобы останавливаться на пустыхъ звукахъ и не свергнуть оковъ нелѣпаго предубѣжденія. Вы знаете, Вы всякой день слышите, что Философію называютъ бредомъ, пустой игрою ума; но въ этомъ случаѣ вѣрно никому не повѣрите, кромѣ собственнаго опыта. И такъ испытывайте. Если собственный разсудокъ Вашъ оправдаетъ сіи укоризны, не вѣрьте Философіи, или, лучше сказать, не вѣрьте тому, кто Вамъ представилъ ее въ такомъ видѣ. Я самъ, начиная письма мои, прошу Васъ не забывать одного условія, и вотъ оно: Если я на одну минуту перестану быть яснымъ, то изорвите мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ, пусть суетные безумцы смѣются надъ нашими занятіями; — мы надѣемся стать на такую высоту, съ которой не слышенъ

будетъ презрительный ихъ хохотъ, а они, несчастные, и такъ уже довольно наказаны судьбою, которая лишила ихъ способа наслаждаться, подобно Намъ, благороднѣйшими наклонностями человѣка.

Прежде нежели посвятите себя таинствамъ Елевзинскимъ, Вы конечно спро̀сите: для чего учреждены онѣ и въ чемъ заключаются; но не даромъ онѣ таинства, и этого вопроса не дѣлаютъ при входѣ. Лишь нѣсколько жрецовъ, посѣдѣлыхъ въ служеніи и гаданіяхъ, могли бы отвѣчать на него. Они хранятъ глубокое молчаніе, и вопрошающій получаетъ только одинъ отвѣтъ: «Иди впередъ, и узна̀ешь.» Тоже съ Философіей. Вы хотите знать ея опредѣленіе, ея предметъ, и на это я не могу дать Вамъ рѣшительнаго отвѣта. Но мы вмѣстѣ будемъ искать его въ самой наукѣ, и потому сдѣлаемъ другой вопросъ: Можетъ ли быть наука, называемая Философіей, и какъ родилась она?

Положимъ себѣ за правило: на всѣмъ останавливать наше вниманіе и не пропускать ни одного понятія безъ точнаго опредѣленія. И потому, чтобы безошибочно отвѣчать на предложенный нами вопросъ, спросимъ себя напередъ: Что̀ понимаемъ мы подъ словомъ *Наука?* — Если бы кто нибудь спросилъ Васъ: что̀ такое Исторія? Вы бы вѣрно отвѣчали: Наука произшествій, относящихся до бытія народовъ. — Что̀ такое Ариѳметика? — наука чиселъ и т. д. Слѣдовательно Исторія и Ариѳметика составляютъ двѣ

науки; но въ опредѣленіи каждой изъ нихъ заключается ли опредѣленіе науки вообще? Разсмотримъ отвѣты подробнѣе. Ариѳметика наука чиселъ. Чтò это значитъ? Конечно то, что Ариѳметика открываетъ законы, по которымъ можно разрѣшать всѣ численныя задачи, или другими словами, что Ариѳметика представляетъ общія правила для всѣхъ частныхъ случаевъ, выражаемыхъ числами; такъ напримѣръ, даетъ она общее правило сложенія для всѣхъ возможныхъ сложеній, Если мы такимъ же образомъ разсмотримъ и другой отвѣтъ, то увидимъ, что Исторія стремится связать случайныя событія въ одно для ума объятное цѣлое; для этого Исторіи сводитъ дѣйствія на причины и обратно выводитъ изъ причинъ дѣйствія. Въ обѣихъ сихъ наукахъ (въ Ариѳметикѣ и въ Исторіи) замѣчаемъ мы два условія: 1) Каждая изъ нихъ стремится привести частные случаи въ теорію. 2) Каждая имѣетъ отдѣльный, ей только собственный предметъ. Примѣнимъ это къ прочимъ, намъ извѣстнымъ, наукамъ, и мы увидимъ, что вообще Наука есть стремленіе приводить частныя явленія въ общую теорію или въ систему познанія. Слѣдовательно необходимыя условія всякой науки суть: общее это стремленіе и частный предметъ; другими словами: форма и содержаніе. Вы позволите мнѣ, любезнѣйшая Графиня, иногда употреблять сіи выраженія, принятыя всѣми занимающимися нашимъ предметомъ, и потому прошу Васъ не те-

рять изъ виду ихъ значенія. Впрочемъ объяснимся еще подробнѣе. Если всякая наука, чтобъ быть наукою, должна быть основана на какихъ нибудь частныхъ явленіяхъ (т. е. имѣть содержаніе), и приводить всѣ эти явленія въ систему (т. е. имѣть форму), то форма всѣхъ наукъ должна быть одна и таже; напротивъ того, содержанія должны различествовать въ наукахъ, напр. содержаніе Ариѳметики — числа, а Исторіи — событія. Вы теперь видите, что слово *форма*, выражаетъ не наружность науки, но общій законъ, которому она неебходимо слѣдуетъ.

Съ этими мыслями возвратимся къ Философіи, и заключимъ: Если Философія — Наука, то она необходимо должна имѣть и форму и содержаніе; но какъ доказать, что философія имѣетъ содержаніе или предметъ особенный, если мы еще не знаемъ, что такое Философія? — Постараемся побѣдить это затрудненіе, и примемся за вопросъ: Какъ родилась Философія?

Всѣ науки начались съ того, что человѣкъ наблюдалъ частные случаи и всегда старался подчинять ихъ общимъ законамъ, т. е. приводить въ систему познанія. Разсмотрите ходъ собственныхъ Вашихъ занятій, и это покажется Вамъ еще яснѣе. Вы начали читать Нѣмецкихъ Поэтовъ. Умъ Вашъ, соединивъ всѣ впечатлѣнія, которыя получилъ отъ нихъ, составилъ понятіе о литтературѣ Нѣмецкой и отличилъ ее отъ всякой другой, привязавъ къ ней идею особен-

наго характера. Этого мало; изъ понятій о частныхъ характерахъ Поэтовъ, Вы составили себѣ общее понятіе о Поэзіи, въ ней заключили Вы идею гармоніи, прекраснаго разнообразія; словомъ, Вы окружили ее такими совершенствами, которыхъ мы напрасно бы стали искать у одного какого-либо Поэта. Ибо Поэзія для насъ Богиня невидимая; лишь отдѣльно разсѣяны по вселенной прекрасныя черты ея. Чувство, привыкшее узнавать печать Божественнаго, различило разбросанныя черты сіи на лицахъ нѣсколькихъ любимцевъ неба; изъ нихъ сотворило оно идеалъ свой, назвало его Поэзіей и воздвигло ему жертвенникъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ, не довольствуясь одною идеей Поэзіи и безотчетнымъ наслажденіемъ ею, Вы обратили вниманіе на самое чувство, на дѣйствіе самаго ума. Выписываю собственныя слова Ваши: . . .
«Не тоже ли я чувствую, удивляясь превосходной Мадоннѣ Рафаэля и слушая музыку Бетговена? Не такъ же ли наслаждаюсь прелестною статуей древности и глубокою Поэзіей Гёте? «Это заставило меня спросить: какъ могли бы «различные предметы породить одно и тоже чув-«ство, если это чувство, эта искра изящнаго не «таилась въ душѣ моей прежде нежели пробуди-«ли ее предметы изящные. Я по сихъ поръ не «нахожу отвѣта и т. д.» Мы найдемъ его, любезнѣйшая Графиня, Вы сами его найдете; но не здѣсь ему мѣсто, и мы возвратимся теперь къ

предмету, чтобы не выпустить изъ рукъ Аріадниной нити.

Какъ развились собственныя Ваши понятія, такъ постепенно развивались и науки. Въ семъ развитіи, какъ Вы сами можете замѣтить, находятся различныя степени, опредѣляющія степени образованія. Чѣмъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно совершеннѣйшая изъ всѣхъ наукъ будетъ та, которая приведетъ всѣ случаи или всѣ частныя познанія человѣка къ одному началу. Такая наука будетъ не Математика, ибо Математика ограничила себя однѣми измѣреніями; она будетъ не Физика, которая занимается только законами тѣлъ, словомъ, она не можетъ быть такою наукою, которая имѣетъ въ виду одинъ отдѣльный предметъ; напротивъ того всѣ науки (какъ частныя познанія) будутъ сведены ею къ одному началу, слѣдовательно будутъ въ ней заключаться, и она по справедливости назовется наукою наукъ. Но мы выше замѣтили, что всякая наука должна имѣть содержаніе и форму; посмотримъ, удовлетворяетъ ли симъ условіямъ наука, которую мы теперь нашли и которую, по примѣру многихъ столѣтій, назовемъ Философіею.

Если Философія должна свести всѣ науки къ одному началу, то предметомъ Философіи должно быть нѣчто, общее всѣмъ наукамъ. Мы до-

казали выше, что всѣ науки имѣютъ одну общую форму, т. е. приведеніе явленій въ познаніе; слѣдовательно Философія будетъ наукою формы всѣхъ наукъ или наукою познанія вообще. И такъ содержаніе ея будетъ познаніе, не устремленное на какой нибудь особенный предметъ; но познаніе какъ простое дѣйствіе ума, свойственное всѣмъ наукамъ, какъ простая познавательная способность. Формою же Философіи будетъ тоже самое стремленіе къ общей теоріи, къ познанію, которое составляетъ форму всякой науки. Заключимъ: Философія есть наука; ибо она есть познаніе самаго познанія, и потому имѣетъ и форму и предметъ.

Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ всѣ науки сводятся на Философію и изъ ней обратно выводятся: но для примѣра припомнимъ опять то, что Вы сами чувствовали. Вы видѣли Мадонну— и она привела Васъ въ восторгъ; Вы спросили: отъ чего эта Мадонна прекрасна? и на это отвѣчала Вамъ наука прекраснаго или Естетика; но Вы спросили: отъ чего чувствую я красоты сей Мадонны? Какая связь между ею и мною? — и не могли найти отвѣта. Онъ принадлежитъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, къ Философіи; ибо тутъ дѣло идетъ не о законахъ прекраснаго, но о началѣ всѣхъ законовъ, объ умѣ познающемъ, принимающемъ впечатлѣнія.

Я не скрою отъ Васъ, что Философія претер-

пѣла удивительныя перемѣны и долго была источникомъ самыхъ несообразныхъ противорѣчій. Какая наука не подлежала той же участи? Замѣчательно однакожъ, что она всегда почиталась наукою важнѣйшею, наукою наукъ, и не смотря на то, что обыкновенно была достояніемъ небольшаго числа избранныхъ, всегда имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлые народы. Въ послѣдствіи мы замѣтимъ это вліяніе, особенно у Грековъ. Мы увидимъ какъ Философія развилась въ ихъ Поэзіи, въ ихъ самой жизни и стремилась свободно къ своей цѣли. Ученые спорили между собою, противорѣчили другъ другу, опровергали системы и на развалинахъ ихъ воздвигали новыя; и при всемъ томъ наука шла постояннымъ ходомъ, не измѣняя общаго своего направленія. —Божественному Платону предназначено было представить въ древнемъ мірѣ самое полное развитіе Философіи, и положить твердое основаніе, на которомъ въ сіи послѣднія времена воздвигнули непоколебимый, великолѣпный храмъ Богини. Чрезъ нѣсколько лѣтъ я буду совѣтовать Вамъ читать Платона. Въ немъ найдете Вы столько же Поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли.

Мы не будемъ разбирать различныхъ опредѣленій Философіи, изложенныхъ въ отдѣльныхъ системахъ. Иные называли ее наукою человѣка, другіе наукою природы и т. д. Мы доказали се-

ію, что она наука познанія, и этого для насъ довольно; и съ этой точки будемъ мы смотрѣть на нее въ будущихъ нашихъ бесѣдахъ.

АНАКСАГОРЪ.

БЕСѢДА ПЛАТОНА.

—

АНАКСАГОРЪ.

Давно, Платонъ, давно уроки божественнаго Сократа не повторялись въ нашихъ бесѣдахъ, и я по сихъ поръ напрасно искалъ случая предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ о любимыхъ нашихъ наукахъ.

ПЛАТОНЪ.

Готовъ удовлетворить твоимъ вопросамъ, любезный Анаксагоръ, если силы мои мнѣ это позволятъ.

АНАКСАГОРЪ.

Ты всегда рѣшалъ мои сомнѣнія, Платонъ, и я не помню, чтобы ты когда-нибудь оставилъ хоть одинъ изъ нашихъ вопросовъ безъ удовлетворительнаго отвѣта.

ПЛАТОНЪ.

Если и такъ, Анаксагоръ, то не я производилъ такія чудеса, но наука, божественная наука, которая внушала рѣчи Сократа и которой я рѣшился посвятить всю жизнь свою.

АНАКСАГОРЪ.

Недавно читалъ я въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ описаніе золотаго вѣка, и, признаюсь тебѣ, Платонъ, въ моей слабости: эта картина восхитила меня. Но когда я на нѣсколько времени перенесся въ этотъ міръ совершеннаго блаженства и потомъ снова обратился къ нашимъ временамъ, тогда очарованіе прекратилось, и у меня невольно вырвался горестный вопросъ: для чего дано человѣку понятіе о такомъ счастіи, котораго онъ достигнуть не можетъ? для чего имѣетъ онъ несчастную способность мучить себя игрою воображенія, прекрасными вымыслами?

ПЛАТОНЪ.

Какъ? неужели ты представляешь себѣ золотой вѣкъ вымысломъ поэта, игрою воображенія? —неужели ты полагаешь, что поэтъ можетъ что либо вымышлять?

АНАКСАГОРЪ.

Безъ сомнѣнія; и я думалъ въ этомъ случаѣ быть съ тобою согласнымъ.

ПЛАТОНЪ.

Ты ошибаешься, Анаксагоръ. — Поэтъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи его, но въ самой его природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Если такъ, то для чегоже изгоняешь ты поэтовъ изъ твоей Республики?

ПЛАТОНЪ.

Я не изгоняю истинныхъ поэтовъ, но увѣнчавъ ихъ цвѣтами, прошу оставить наши предѣлы.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ; кто изъ поэтовъ не согласился бы посѣтить твою республику, чтобъ подвергнуться такому изгнанію? но не менѣе того это не доказываетъ ли, что ты почитаешь поэзію вредною для общества и слѣдственно для человѣка?

ПЛАТОНЪ.

Не вредною, но безполезною. Моя республика должна быть составлена изъ людей мыслящихъ, и потому дѣйствующихъ. Къ такому обществу можетъ ли принадлежать поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдственно

уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія?—Повѣрь мнѣ, Анаксагоръ: Философія есть высшая поэзія.

АНАКСАГОРЪ.

Я охотно соглашусь съ твоею мыслію, Платонъ, когда ты покажешь мнѣ, какъ Философія можетъ объяснить, что такое золотой вѣкъ.

ПЛАТОНЪ.

Помнишь ли ты, Анаксагоръ, слова Сократа о человѣкѣ? — Какъ называлъ онъ человѣка?

АНАКСАГОРЪ.

Малымъ міромъ.

ПЛАТОНЪ.

Такъ точно, и эти слова должны объяснить твоей вопросъ. — Что̀ понимаешь ты подъ выраженіемъ: малый міръ?

АНАКСАГОРЪ.

Вѣрное изображеніе вселенной.

ПЛАТОНЪ.

Вообще эмблему всякаго цѣлаго и слѣдственно всего человѣчества. — Теперь разсмотримъ человѣка въ отдѣльности и примѣнимъ мысль о человѣкѣ ко всему человѣчеству. Случалось ли тебѣ знать старца, свершившаго въ добродѣтели

путь, предназначенный ему природою, и приближающагося къ концу съ богатыми плодами мудрой жизни?

АНАКСАГОРЪ.

Кто изъ насъ, Платонъ, забудетъ добродѣтельнаго Форбіаса, который, посвятивъ почти цѣлый вѣкъ любомудрію, на старости лѣтъ, казалось возвратился къ счастливому возрасту младенчества?

ПЛАТОНЪ

Ты самъ, Анаксагоръ, развиваешь мысль мою. Такъ! всякій человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастіе, душа его осуждена къ боренію съ противурѣчіями міра. — Взгляни на младенца — душа его въ совершенномъ согласіи съ природою; но онъ не улыбается природѣ, ибо ему не достаетъ еще одного чувства— совершеннаго самопознанія. Это музыка, но музыка еще скрытая въ чувствѣ, не проявившаяся въ разнообразіи звуковъ. — Взгляни на юношу и на человѣка возмужалаго. Что̀ значитъ желаніе опытности? гдѣ причина всѣхъ его покушеній, всѣхъ его дѣйствій, какъ не въ идеѣ счастія, какъ не въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаётъ самаго себя?—Взгляни наконецъ на старца: онъ, кажется, вдохновеннымъ взоромъ окидываетъ минувшее поприще, и видитъ, что всѣ бури міра для него утих-

ли, что путь трудовъ привелъ его къ желанной цѣли — къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! она снова возвращается къ своему началу. — Разсмотримъ теперь ходъ человѣчества, и тогда загадка совершенно для насъ разрѣшится. Въ какомъ видѣ представляется тебѣ золотой вѣкъ?

АНАКСАГОРЪ

Древніе наши поэты посвятили все свое искусство описанію какого-то утраченнаго блаженства, и слова мои не могутъ выразить моего чувства.

ПЛАТОНЪ.

Не требую отъ тебя картины; но скажи мнѣ, какъ представляешь ты себѣ первобытнаго человѣка въ отношеніи къ самой природѣ.

АНАКСАГОРЪ.

Онъ былъ, какъ увѣряютъ, царемъ природы.

ПЛАТОНЪ.

Царемъ природы можетъ назваться только тотъ, кто покорилъ природу; и слѣдственно, чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ — оттуда расколъ между мыслію и чувствомъ. Объясню тебѣ эти слова примѣромъ. — Представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею Аполлона. Въ душѣ его со-

вершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ ли онъ этимъ чувствомъ? Еслибъ наслажден'е его было полное, для чего бы онъ взялъ рѣзецъ? Еслибъ идеалъ его былъ ясенъ, для чего старался бы онъ его выразить? Нѣтъ, Анаксагоръ! эта тишина предвѣстница бури. Но когда вдохновенный художникъ, побѣдивъ всѣ трудности своего искусства, передалъ мысль свою безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ душу его — онъ позналъ свою силу, и наслаждается въ мірѣ, ему уже знакомомъ.

АНАКСАГОРЪ.

Конечно, Платонъ, это можно сказать о художникѣ, потому что онъ творитъ и для того своевольно борется съ трудностями искусства.

ПЛАТОНЪ.

Не только о художникѣ, но и о всякомъ человѣкѣ, о всемъ человѣчествѣ. — Жить ничто иное какъ творить — будущее намъ идеалъ. Но будущее есть произведеніе настоящаго, то есть нашей собственной мысли.

АНАКСАГОРЪ.

И такъ, Платонъ, если я понялъ твою мысль, то золотой вѣкъ точно существовалъ и снова ожидаетъ смертныхъ.

ПЛАТОНЪ.

Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь: она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные. — Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ — всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ—всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что̀ до времени? Насъ давно не станетъ,—но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее.— Тогда пусть сбудется древнее Египетское пророчество! пусть солнце поглотитъ нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части, ее составляющія!... Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ВЪ ПЛАНЪ ЖУРНАЛА.

—

Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ

его непреоборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. — Самопознаніе — вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ ничто иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природою, съ судьбою, чтобъ въ семъ противурѣчіи испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лице отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія: такъ напр. искусство древней Греціи, скажу болѣе, весь духъ ея отразился въ твореніяхъ Платона и Аристотеля: такимъ образомъ новѣйшая Философія въ

Германіи есть зрѣлый плодъ того же энтузіазма, который одушевлялъ истинныхъ ея поэтовъ, того же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

Съ этой мыслію обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едвали можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ Литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности.

Началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе Литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и еслибъ онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ на-

рода развился бы собственной своей силою и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное; но мы, какъ будто предназначенные противурѣчить Исторіи Словесности, мы получили форму Литературы прежде самой ея существенности. У насъ прежде учебныхъ книгъ появляются журналы, которые обыкновенно бываютъ плодомъ учености и признакомъ общей образованности, и эти журналы по сихъ поръ служатъ пищею нашему невѣжеству, занимая умъ игрою ума, увѣряя насъ, нѣкоторымъ образомъ, что мы сравнялись просвѣщеніемъ съ другими народами Европы, и можемъ безъ усильнаго вниманія слѣдовать за успѣхами наукъ, столь быстро подвигающихся въ нашемъ вѣкѣ, тогда какъ мы еще не вникли въ сущность познанія и не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіазма и истинной страсти къ наукѣ.— Вотъ положеніе наше въ Литературномъ мірѣ— положеніе совершенно отрицательное.

Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. Ложныя мнѣнія не могутъ всегда состояться; онѣ порождаютъ другія; такимъ образомъ вкрадывается несогласіе и самое противурѣчіе производитъ нѣкотораго рода движеніе, изъ котораго наконецъ возникаетъ истина. Мы видимъ тому ясный примѣръ въ самой Россіи. Давно-ли сбивчивыя сужденія Фран-

цузовъ о Философіи и искусствахъ почитались въ ней законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ, или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностію стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности Французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но къ несчастію оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ Литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили Французскія правила, не отъ того, что бы мы могли ихъ опровергнуть какою либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя піитическія эпохи Исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число Поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ

искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ, и не можетъ творить; потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные Поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были Философами и, такъ сказать, вѣнцемъ просвѣщенія. У насъ языкъ Поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство нѣкоторымъ образомъ освобождаетъ отъ обязанности мыслить, и прельщая легкостію безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія. При семъ нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словестности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ-ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ

устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала Философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе. Сей цѣли кажется вполнѣ бы удовлетворило такое сочиненіе, въ коемъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы. Такое сочиненіе будетъ журналъ, и его вообще можно будетъ раздѣлить на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума и свойствъ его; другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ Исторіи наукъ и искусствъ. Не безполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ, и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если мы будемъ вникать въ причины породившія современную намъ образованность, и перенесемся на нѣкоторое время въ эпохи ей предшествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ

для разрѣшенія всѣхъ противурѣчій, которыя намъ въ ономъ представятся. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ разысканій. Древняя пластика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ. И такъ Философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ — вотъ предметы, заслуживающіе особенное наше вниманіе, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и слѣдственно своей нравственной свободы въ Литтературѣ, въ одной Философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія.

Вотъ подвигъ ожидающій тѣхъ, которые возгорятъ благороднымъ желаніемъ въ пользу Россіи, и слѣдственно человѣчества, осуществить силу врожденной дѣятельности и воздвигнуть торжественный памятникъ любомудрію, если не въ лѣтописяхъ цѣлаго народа, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ благодарныхъ сердцахъ, въ коихъ пробудится свобода мысли изящнаго и отразится лучъ истиннаго познанія.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕРЪ И НОЧЬ.

—

Кто изъ насъ, друзья мои, не погружался въ море минувшихъ столѣтій? Кто изъ насъ не ускорялъ полета времени и не мечталъ о будущемъ? Эти два чувства, вѣрные сопутники человѣка въ жизни, составляютъ источникъ и вмѣстѣ предметъ всѣхъ его мыслей. Что намъ настоящее? Оно ежеминутно предъ нами изчезаетъ, разрушая всѣ надежды, на немъ основанныя. Между тѣмъ мысль о разрушеніи, объ уничтоженіи, такъ противурѣчитъ всѣмъ нашимъ чувствамъ, такъ убійственна для врожденной въ насъ любви къ существованію, къ устройству, что мы хоть памятью стараемся оживлять былое, вызываемъ изъ гроба тѣхъ героевъ человѣчества, въ коихъ болѣе отразилось чувство жизни и силы, и съ горестію собирая прахъ ихъ, разсѣянный крылами времени, образуемъ новый міръ, и обѣщаемъ ему—безсмертіе. Съ этимъ міромъ безсмертія, съ этимъ лучшимъ изъ нашихъ упованій, сливаемъ мы всѣ понятія о будущемъ. Этой мысли посвящаемъ всю жизнь, въ ней видимъ свою цѣль и награду. Что можетъ быть утѣшительнѣе для Поэта, который къ ней направляетъ безпредѣльный полетъ свой? Что назидательнѣе для мыслителя, который въ ней открываетъ желаніе безконечнаго, всеобщей Гармоніи. Не изго-

пяйте, друзья мои, изъ области разсудка Фантазіи, этой волшебницы, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни, и которая, облекая высокое въ свою радужную одежду, не искажаетъ свѣтлаго луча истины, но дробитъ его на всевозможные цвѣты. Не тоже ли самое дѣлаетъ природа? Но ежели въ ней всѣ явленія, всѣ причины и дѣйствія сливаются въ одно цѣлое, въ одинъ законъ неизмѣнный, — не для того ли созданы всѣ чувства человѣка, чтобъ на богатомъ древѣ жизни породить мысль, сей божественный плодъ, пріуготовляемый цвѣтами Фантазіи?

Пріятно съ вѣрнымъ понятіемъ о природѣ обратиться къ самой же природѣ, въ ней самой искать выраженія для того, что она же намъ внушила. — Все для него поясняется; всякое явленіе — эмблема; всякая эмблема — самое цѣлое.... Такъ думалъ я, пробѣгая однажды тѣ священные памятники, которые вѣкъ передаетъ другому, и которые, свидѣтельствуя о жизни и усиліяхъ человѣчества, возрастаютъ съ каждымъ столѣтіемъ, и всегда завѣщанные потомству, всегда представляютъ новое развитіе. — Такъ думалъ я, пробѣгая эту цѣпь превратностей и разнообразія, въ которой каждое звѣно необходимо, которой направленіе неизмѣнно. — И чтожь представилось разгоряченной Фантазіи? — Простите ли вы, друзья мои, сонъ воображенія, быть можетъ,

слишкомъ любопытнаго, и потому, быть можетъ обманутаго?

Врата востока открываются передъ нами — все въ природѣ съ улыбкою встрѣчаетъ первое утро; лучь денницы отражается свѣтомъ, и озаряетъ одно — безпредѣльное — вселенную. Какъ плѣнителенъ въ эту минуту юный житель юной земли; — первое его чувство — созерцаніе, чувство младенческое, всѣмъ довольное, ничего не исключающее. Послушаемъ первую пѣснь его, пѣснь восторга безотчетнаго; она также проста, также очаровательна, какъ первый лучь свѣта, какъ первое чувство любви. — Но онъ простираетъ руку къ свѣтилу, его поразившему, и оно для него не достигаемо. Онъ подымаетъ взоръ къ небу, душа его горитъ желаніемъ погрузиться въ это ясное море; но оно безпредѣльнымъ сводомъ простирается высоко, высоко надъ его главою. Очарованіе прекратилось; онъ изгнанъ изъ этого рая, — два Серафима, память и желаніе, съ пламенными мечами воздвигаются у завѣтныхъ вратъ, и тайный голосъ произноситъ неизбѣжный приговоръ: «самъ создай міръ свой». И все оживилось въ Фантазіи раздраженнаго человѣка. — Чувства гордости и желаніе дѣйствовать въ одно время пробудились въ душѣ его. Онъ отдѣляется отъ природы и вездѣ ищетъ самаго себя. Всякій предметъ дѣлается выраженіемъ его особенной мысли. Горы, лѣса, воды,

все населяется произведеніями его воображенія, и обманутое усиліе выразиться совершенно — вездѣ открываетъ строгій законъ необходимости, слѣпо управляющій міромъ.

Настаетъ полдень. — Чувствуя въ себѣ силу, чувствуя волю, человѣкъ покидаетъ колыбель свою; обманутый надеждой поработить себѣ природу, — онъ хочетъ властвовать на землѣ и обоготворить силу. Стихіи для него не страшны, Океанъ не граница: онъ любитъ испытывать себя и ищетъ противоборника въ природѣ. Каждой страсти воздвигнутъ олтарь, но и въ бурю страстей человѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Небо утромъ безмятежное покрылось въ полдень тучами, но природа не узнала тьмы; ибо молнія въ замѣну солнца, хотя минутнымъ блескомъ, разсѣвала густой мракъ.

Все утихаетъ подъ вечеръ дня: страсти гаснутъ въ сердцѣ, какъ слѣды солнца на небосклонѣ. Одинъ лучь яркимъ цвѣтомъ брежжетъ на западѣ; одно чувство, но сильнѣйшее, воспламеняетъ человѣка. Вечеромъ соловей воспѣваетъ любовь въ тѣни дубравъ и пѣснь любви повторяется во всей природѣ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами. Небо говоритъ человѣку голосомъ любви; а на землѣ цвѣтокъ изъ рукъ прекрасной подруги — вѣнецъ для героя.

Но долго взоры смертнаго перебѣгали всѣ предметы... Наконецъ усталыя вѣжды сокрыли отъ него всѣ явленія; тишина ночи склонила его

ко сну — къ воззрѣнію на самаго себя. Только теперь душа его свободна. Предметы, пробудившіе ее къ существованію, не останавливаютъ ея болѣе; они быстро исчезаютъ передъ нею и она созидаетъ свой собственный міръ, независимый отъ того міра, гдѣ все ей казалось разнорѣчіемъ. Только теперь познаетъ человѣкъ истинную гармонію. — Уста его открываются и онъ шепчетъ такіе звуки, которые привели бы въ трепетъ младенца, но которые мыслящій старецъ записалъ бы въ книгу премудрости. — О, съ какимъ восторгомъ пробудится онъ, когда новый лучь денницы воззоветъ его къ новой жизни, — когда довольный тѣмъ, что онъ нашелъ въ самомъ себѣ, онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденія!

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

—

Откуда слетѣли вы къ намъ, божественныя дѣвы? не небо ли было вашей колыбелью? и для чего промѣняли вы жилище красоты и наслажденія на долину желаній и усилій? Ваши пламенные взоры горятъ огнемъ неземнымъ. Вы расточаете ласки свои смертнымъ; но черты вашего лица, какъ бы предназначеннаго вѣчной юно-

сти, сохранили всю прелесть красоты дѣвственной. Кто вы, небесныя, откройтесь. Вы мнѣ уже знакомы; не ваши-ли волшебные образы летали предо мною въ тѣ счастливые часы, въ которые я мечталъ о лучшемъ мірѣ? Не васъ-ли вездѣ ищетъ мое воображеніе?

Мы сестры, отвѣчала первая Богиня, и всѣ трое царствуемъ во вселенной; но не намъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы, онъ будетъ вѣчно сіять на главѣ нашей матери. О смертный! ты часто восхищался этимъ міромъ, съ восторгомъ взиралъ на всё тебя окружающее; мы всё видимое тобою украсили. Я старшая изъ сестеръ и меня первую послала мать для того, чтобъ оживить вселенную въ очахъ твоихъ; я указала тебѣ этотъ круглый шаръ, который плыветъ въ воздухѣ; я вознесла взоры твои на сіе небо, которое какъ сводъ его обнимаетъ; я разсѣяла эти горы съ утесами, которыя какъ великаны возвышаются надъ долинами; мой искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, каждый листъ, каждую жемчужину, сокровенную на глубинѣ раковины.

Прелестно, воскликнула вторая Богиня, прелестно было произведеніе сестры моей, когда я слетѣла съ неба; но взоръ напрасно искалъ разнообразія на землѣ безцвѣтной. Все было хладно, безжизненно, какъ тѣ образы, которые представляютъ сѣрые тучи въ день пасмурный. Я взмахнула поясимъ и радуги со всѣхъ сторонъ посы-

пались на землю, ясное свѣтило загорѣлось въ воздухѣ, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; — долины и лѣса одѣлись зеленымъ цвѣтомъ, и я, довольная новымъ міромъ, возвратилась къ престолу нашей матери.

Тогда и я слетѣла на землю, сказала третья Богиня; прелестны были произведенія сестеръ моихъ: но я напрасно искала въ нихъ жизни; ничто не улыбалось мнѣ въ природѣ, мертвая тишина царствовала на землѣ и стѣсняла мои чувства; я вздохнула, и вздохъ мой повторился во вселенной; чувство жизни разлилось повсюду; всё огласилось звуками радости и всѣ эти звуки слились въ общую, волшебную гармонію.

Съ тѣхъ поръ, продолжала первая Богиня, съ тѣхъ поръ воздвигнулись три алтаря на землѣ; я первая встрѣтила смертнаго и мнѣ первой принесъ онъ дары свои. Онъ былъ еще странникомъ на новой землѣ; всё поражало его удивленіемъ; всё питало въ немъ то чувство гордости, которое невольно пробуждаетъ первая встрѣча съ незнакомымъ. Гдѣ найду я, говорилъ онъ, удовлетвореніе безконечнымъ моимъ желаніямъ, гдѣ найду предметъ достойный моихъ усилій? Я услышала сѣтованія смертнаго, и, первая, внушила ему смѣлую мысль похитить у безсмертныхъ огонь дающій жизнь. Я вручила ему рѣзецъ, и вскорѣ мраморъ оживился подъ его руками, и человѣкъ окружилъ себя собственнымъ міромъ. Они еще живы, священные памятники его усилій — его

славы. Ихъ не коснулась всё истребляющая коса времени. О смертный! стремись туда, гдѣ на развалинахъ столицы міра, Геній минувшаго основалъ свое владычество, и вызывая изъ праха протекшія столѣтія, кажется, посмѣевается надъ настоящимъ. Вступи въ сей храмъ безсмертный, гдѣ герои древности, блѣдные какъ произведенія сна, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, возвышаются около стѣнъ; вступи въ сей храмъ, когда утренній лучь солнца озаритъ сіе величественное сонмище и будетъ скользить на бѣломъ мраморѣ; тогда ты познаешь мое владычество и присутствіе тайнаго божества поразитъ тебя благоговѣніемъ.

И мнѣ повиновался смертный, воскликнула вторая Богиня, и я была его сопутницей. Когда любовь пролила въ сердцѣ его свою очаровательную влагу, напрасно силился онъ рѣзцемъ сестры моей изобразить предметъ своихъ желаній. Взоръ его напрасно искалъ въ очахъ изображенія тогоже неба. которое таилось подъ рѣсницами прекрасной его подруги; напрасно искалъ краски стыдливости на мертвыхъ ланитахъ мрамора; напрасно хотѣлъ онъ окружить образъ возлюбленной очарованіемъ безконечнаго, къ которому стремилась душа его, и въ которомъ являлся ему идеалъ прекрасной, И чтожь? я дала ему кисть, и чувства его вполнѣ вылились на мертвый холстъ, и мысль о безконечномъ сдѣлалась для него понятною. О смертный! хочешь-ли ви-

дѣть небо на землѣ? Взгляни на сію картину, — взгляни когда яркій лучь полдня прольетъ на нее свѣтъ свой, — ты невольно падешь на колѣна и тогда познаешь мое владычество.

Настало и мое царствованіе, примолвила послѣдняя Богиня. Случалось-ли тебѣ въ безмолвіи ночи слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекаютъ душу, тѣшатъ ее надеждою и заставляютъ забывать всё окружающее? Это торжество мое. Ты переносишся тогда въ новый міръ, ты думаешь быть далеко отъ земли и ты въ самомъ себѣ. Въ тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожатъ при каждомъ впечатлѣніи, и служатъ какъ бы дополненіемъ всего, что ты чувствуешь въ природѣ. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражаютъ мое владычество; нѣтъ! слезы тихаго восторга напоминаютъ смертному, что мнѣ покорено его сердце.

Мой слухъ прикованъ къ устамъ вашимъ, безсмертныя Богини; но гдѣ та, которой вы уготовляете вѣнецъ славы — гдѣ храмъ, въ которомъ возвышается престолъ ея, изъ котораго она предписываетъ законы свои вселенной?

О смертный! весь міръ престолъ нашей матери. Ее изображалъ и мраморъ, и холстъ на землѣ; ее прославляли лиры пѣснопѣвцевъ; но она останется недосягаемою для чувствъ смертнаго; наша мать — Поэзія; вѣчность — ея слава; вселенная — ея изображеніе.

ТРИ ЭПОХИ ЛЮБВИ.

(Отрывокъ).

—

Три эпохи любви переживаетъ сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, какъ пламень; она, какъ пламень, на все равно свѣтитъ, все равно согрѣваетъ; сердце нетерпѣливо рвется изъ тѣсной груди; душа просится наружу; руки все обнимаютъ, и юноша, въ первомъ роскошномъ убранствѣ весны своей, въ первомъ развитіи способностей, плѣнителенъ какъ младое древо въ раннихъ листьяхъ и цвѣтахъ. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Взоръ его не ищетъ Венеры Медицейской, когда онъ изумляется важному зрѣлищу издыхающаго Лаокоона. Холодныя слова строгаго Омира и теплые напѣвы чувствительнаго Петрарки равно звучны въ устахъ его, и любовница его— одна вселенная. Это эпоха восторговъ.

Настаетъ другая. Душа упилась; взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Возмется-ли юноша за кисть: не древній Іосифъ, не Ангелъ благовѣститель рождается подъ нею, но образъ чистой дѣвы одушевляетъ полотно. Счастлива первая дѣва, которую онъ встрѣтитъ! Какая душа посвящаетъ сіи свои восторги! Какою прелестью облекаетъ ее молодое воображеніе! Какъ пламенны о ней пѣсни

Какъ нѣжно юноша плачетъ! Эта эпоха одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни.

Что разочаровываетъ отрока, когда онъ разбиваетъ имъ созданную игрушку? Что разочаровываетъ Поэта, когда онъ предаетъ огню первые, быть можетъ, самые горячіе стихи свои? Что заставляетъ юношу забыть первый идеалъ свой, забыть тотъ образъ, въ который онъ выливалъ всю душу? Мы не долго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого платитъ юноша за восторги второй любви своей. Чѣмъ болѣе предполагалъ онъ въ людяхъ, тѣмъ мучительнѣй для него теперь ихъ встрѣча. Онъ молчаливъ и задумчивъ. О, если тогда на другомъ челѣ, въ другихъ очахъ прочтетъ онъ слѣды тѣхъ же чувствъ, если онъ подслушаетъ сердце, біющееся согласно съ его сердцемъ — съ какою радостію подаетъ онъ руку существу родному! И какъ ясно понимаютъ они другъ друга! — Вотъ третья эпоха любви: это эпоха думъ.

РАЗБОРЪ СТАТЬИ о ЕВГЕНІѢ ОНѢГИНѢ,

ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ 5-МЪ № МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА НА 1825 ГОДЪ.

—

Если талантъ всегда находитъ въ себѣ самомъ мѣрило своихъ чувствованій, своихъ впечатлѣній, если удѣлъ его—попирать обыкновенные предразсудки толпы, односторонней въ сужденіяхъ, и чувствовать живѣе другаго творческую силу тѣхъ рѣдкихъ сыновъ природы, на коихъ геній положилъ свою печать, то какою бы мыслію пораженъ былъ Пушкинъ, прочитавъ въ Телеграфѣ статью о новой Поэмѣ своей, гдѣ онъ представленъ не въ сравненіи съ самимъ собою, не въ отношеніи къ своей цѣли, но вѣрнымъ товарищемъ Бейрона на поприщѣ всемірной Словесности, стоя съ нимъ на одной точкѣ?

Московскій Телеграфъ имѣетъ такое число читателей, и въ немъ встрѣчаются статьи столь любопытныя, что всякое не справедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ. Въ такомъ случаѣ, обязанность всякаго благонамѣреннаго — замѣтить погрѣшности Издателя, и противиться, сколько возможно, потоку заблужденій. Я увѣренъ, что Г. Полевой не оскорбится критикою, написанною съ такою цѣлію: онъ въ душѣ сознается, что, при разборѣ Онѣгина, перомъ его,

можетъ быть, управляло отчасти и желаніе обогатить свой Журналъ произведеніями Пушкина, (желаніе впрочемъ похвальное и раздѣляемое, безъ сомнѣнія, всѣми читателями Телеграфа).

И можно ли бороться съ духомъ времени? Онъ всегда остается непобѣдимымъ, торжествуя надъ всѣми усиліями, отягощая своими оковами мысли даже тѣхъ, которые, не задолго передъ симъ, клялись быть вѣрными поборниками безпристрастія!

Первая ошибка Г. Полеваго состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что онъ полагаетъ возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности Критиковъ нашей Словесности. Это ошибка противъ разсчетливости самой обыкновенной, противъ политики общежитія, которая предписываетъ всегда предполагать въ другихъ сколько можно болѣе ума. Трудно ли бороться съ такими противниками, которыхъ заставляешь говорить безъ смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаемъ Критиковъ, вымышленныхъ въ Телеграфѣ.

«*Что такое Онѣгинъ?*» спрашиваютъ они: «*что за Поэма, въ которой есть главы, какъ въ книгѣ* и проч.?»

Никто, кажется не дѣлалъ и вѣроятно не дѣлаетъ такого вопроса; и до сихъ поръ, кромѣ Издателя Телеграфа, никакой Литтераторъ еще не догадался замѣтить различіе между *Поэмою* и *книгою.*

Отвѣтъ стоитъ вопроса.

«*Онѣгинъ,*» отвѣчаетъ защитникъ Пушкина: «*Романъ въ стихахъ, слѣдовательно въ Романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы* и проч.»

Если Г. Полевой позволяетъ себѣ такого рода заключеніе, то не въ правѣ ли я буду такимъ же образомъ заключить въ противность, и сказать:

«Онѣгинъ Романъ въ стихахъ; *слѣдовательно* въ стихахъ не позволительно употребить раздѣленіе на главы,» но наши смѣлые силлогизмы ничего не доказываютъ ни въ пользу Онѣгина, ни противъ него, и лучше предоставить Г. Пушкину оправдать самимъ сочиненіемъ употребленное имъ раздѣленіе.

Оставимъ мелочной разборъ каждаго періода. Въ статьѣ, въ которой Авторъ не предположилъ себѣ *одной* цѣли, въ которой онъ разсуждалъ, не опираясь на *одну основную* мысль, какъ не встрѣчать погрѣшностей такого рода? Мы будемъ говорить о тѣхъ только ошибкахъ, которыя могутъ распростанять ложныя понятія о Пушкинѣ и вообще о Поэзіи.

Кто отказываетъ Пушкину въ *истинномъ талантѣ?* Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу Словесность прелестными произведеніями? Но для чего же всегда сравнивать его съ Бейрономъ, съ поэтомъ который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей со-

средоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и, еслибъ могъ изгладиться въ Исторіи частнаго рода Поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

Всѣ произведенія Бейрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли, — мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердцѣ, въ противорѣчіи съ своими чувствами. Говорятъ: въ его Поэмахъ мало дѣйствія. Правда — его цѣль не *разсказъ; характеръ его героевъ* не *связь описаній;* онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить *рядъ картинъ*, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лице, выставленное имъ на сцену. — Мысль истинно піитическая, творческая.

Теперь, Г. Издатель Телеграфа, повторю вамъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ *знакомъ*, вы его *любите*. Такъ! но этотъ герой Поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, *шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ*, и ничего болѣе. Я сужу также, какъ вы, т. е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго Критика, который, опасаясь попасть въ *кривотолки*, не захотѣлъ произнесть преждевременно своего сужденія.

Теперь, Милостивый Государь, позвольте спросить: что вы называете *новыми пріобрѣтеніями*

Бейроновъ и Пушкиныхъ? Бейрономъ гордится новѣйшая Поэзія и я въ нѣсколькихъ строчкахъ уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспоривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ Русскую Словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными, —но, признаюсь вамъ и самому нашему Поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Бейроновымъ, *дѣлающихъ честь вѣку*. Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV, никто бы не написалъ и Поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, а только то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе Критики, говоритъ Г. Полевой, увѣряютъ, что Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ вообще взяты изъ Бейрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобъ нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Бейрона планы Поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Бейронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Г-нѣ Пушкинѣ: ибо онъ стоитъ между нашими Стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ.

И Г. Полевой платитъ дань нынѣшней модѣ.

Въ статьѣ о Словесности, какъ не задѣть Баттё? Но великодушно ли пользоваться превосходствомъ вѣка своего для униженія старыхъ Аристарховъ? Не лучше ли не нарушать покоя усопшихъ? Мы всѣ знаемъ, что они имѣютъ достоинство только относительное; но если вооружаться противъ предразсудковъ, то не полезнѣе ли преслѣдовать ихъ въ живыхъ? И кто отъ нихъ свободенъ? Въ наше время не судятъ о Стихотворцѣ по Піитикѣ, не имѣютъ условнаго числа правилъ, по которымъ опредѣляютъ степени изящныхъ произведеній.— Правда. Но отстутствіе правилъ въ сужденіи не есть ли также предрасудокъ? Не забываемъ ли мы, что въ критикѣ должно быть основаніе положительное, что всякая Наука положительная заимствуетъ свою силу изъ Философіи, что и Поэзія неразлучна съ Философіей?

Если мы съ такой точки зрѣнія, безпристрастнымъ вгзлядомъ, окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (оцѣняя Словесность каждаго въ цѣломъ: степенью Философіи времени; а въ частяхъ: по отношеніямъ мыслей каждаго Писателя къ современнымъ понятіямъ о Философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится. Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что Французы, подчинившіеся его правиламъ, не имѣютъ Литтературы самостоятельной. Тогда мы будемъ судить по правиламъ вѣрнымъ о Словесности и новѣйшихъ временъ; тогда причина Романтической Поэзіи

не будетъ заключаться въ *неопредѣленномъ состояніи сердца.*

Мы видѣли, какъ Издатель Телеграфа судитъ о Поэзіи: послушаемъ его, когда онъ говоритъ о Живописи и Музыкѣ, сравнивая Художника съ Поэтомъ.

«*Въ очеркахъ Рафаэля видѣнъ художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть — и великое изумитъ ваши взоры; не хочетъ онъ — и никакія угрозы Критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе.*» Далѣе:

«*Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ capriccio — и въ Поэзіи есть они. Таковъ Онѣгинъ.*»

Какъ! въ *очеркахъ* Рафаэля вы видите одну только способность къ великому? Надобно ему *приняться* за кисть и окончить картину — для того, чтобъ васъ изумить? Теперь не удивляюсь, что Онѣгинъ вамъ нравится, какъ *рядъ картинъ;* а мнѣ кажется, что первое достоинство всякаго художника есть сила мысли, сила чувствъ; и эта сила обнаруживается во всѣхъ очеркахъ Рафаэля, въ которыхъ уже видѣнъ идеалъ художника и объемъ предмета. Конечно и колоритъ, необходимый для подробнаго выраженія чувствъ, содѣйствуетъ красотѣ, гармоніи цѣлаго; но онъ только распространяетъ мысль главную, всегда отражающуюся въ характерѣ лицъ и въ ихъ расположеніи. И что за сравненіе Поэмы эпической — съ картиною, и Онѣгина — съ очеркомъ.

Не хочетъ онъ, и никакія угрозы критика не заставятъ его писать, что хотятъ другіе.

Уже ли Рафаэль съ Г. Пушкинымъ исключительно пользуются правомъ не подчиняться волѣ и угрозамъ Критиковъ своихъ? Вы сами, Г. П., отъ этого права не откажетесь, и напримѣръ, если не захотите согласиться со мною на счетъ замѣченныхъ мною ошибокъ, то вѣрно угрозы васъ къ тому не принудятъ.

Въ особомъ родѣ музыкальныхъ сочиненій, называемомъ *capprіccio*, есть также постоянное правило. Въ capprіccio, какъ и во всякомъ произведеніи музыкальномъ, должна заключаться полная мысль, безъ чего и искусства существовать не могутъ. — *Таковъ Онѣгинъ?* Не знаю — и повторяю вамъ: мы не имѣемъ права судить о немъ, не прочитавши всего Романа.

Послѣ всѣхъ громкихъ похвалъ, которыми Издатель Телеграфа осыпаетъ Пушкина, и которыя, впрочемъ, для самаго Поэта едва ли не опаснѣе *безмолвныхъ громовъ*, кто ожидалъ бы найти въ той же статьѣ:

«*Въ такомъ же положеніи, какъ Бейронъ къ Попе, Пушкинъ находится къ прежнимъ сочинителямъ шуточныхъ Русскихъ Поэмъ.*»

Не надобно забывать, что на предъидущей страницѣ Г. Полевой говоритъ, что у насъ *въ семъ родѣ не было ни чего сколько нибудь сносно-*

*го.**) Мы напомнимъ ему о Модной Женѣ И. И. Дмитріева и о Душенькѣ Богдановича.

Нѣсколько словъ о народности, которую издатель Телеграфа находитъ въ первой главѣ Онѣгина: «*Мы видимъ,*» говоритъ онъ: «*слышимъ родные поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда.*» Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій. — И во Франціи, и въ Англіи, пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы. — Нѣтъ, Г. Издатель Телеграфа! Приписывать Пушкину лишнее, — значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть Поэтомъ національнымъ.

До сихъ поръ Г. Полевой говорилъ рѣшительно; безъ всякаго затрудненія опредѣлилъ степень достоинства *будущаго* Романа Онѣгина. Его рецензія сама собою, и, кажется, безъ вѣдома

---

*) Г. Издатель Телеграфа! Позвольте мнѣ, для ясности, привести уравненіе двухъ предполагаемыхъ вами отношеній въ принятую форму. Мы назовемъ буквою x сумму всѣхъ неизвѣстныхъ, по мнѣнію вашему, Русскихъ Писателей шуточныхъ Поэмъ — и скажемъ:

Бейронъ : Попе = Пушкинъ : x.

Замѣтимъ, что здѣсь x не искомый, что даже трудно его выразить въ Математикѣ, потому что, если лучше совсѣмъ не писать, нежели писать дурно, то x будетъ менѣе нуля. — Теперь, какъ нравится вамъ второе отношеніе нашей пропорціи?

Автора, лилась изъ пера его, — но вотъ камень преткновенія. Порывъ его остановился: — *Для Рецензента стихотвореній Пушкина, гдѣ взять ошибокъ?* Милостивый Государь! Цѣлое произведеніе можетъ иногда быть одною ошибкою; я не говорю этого на счетъ Онѣгина, но для того только, чтобы увѣрить васъ, что и ошибки опредѣляются только въ отношеніи къ цѣлому. Впрочемъ, будемъ справедливыми: и въ напечатанной главѣ Онѣгина, строгій вкусъ замѣтитъ, можетъ быть, нѣсколько стиховъ и отступленій, не совсѣмъ соотвѣтствующихъ изящности Поэзіи, всегда благородной даже и въ шуткѣ; касательно же выраженій, названныхъ вами не точными, я не во всемъ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: *вздыхаетъ лира*, въ Поэзіи прекрасно; *возбуждать улыбку*, хорошо и правильно, едвали можно выразить мысль свою яснѣе.

Мнѣ остается замѣтить Г. Полевому, что вмѣсто того, чтобы съ такою рѣшимостію заключать о Романѣ по первой главѣ, которая имѣетъ нѣчто цѣлое, полное въ одномъ только отношеніи, т. е. какъ картина Петербургской жизни, лучше бы было распространиться о разговорѣ Поэта съ книгопродавцемъ. — Въ словахъ Поэта видна душа, свободная, пылкая, способная къ сильнымъ порывамъ; — признаюсь, я нахожу въ этомъ разговорѣ болѣе истиннаго піитизма, нежели въ самомъ Онѣгинѣ.

Я старался замѣтить, что Поэты не летаютъ безъ цѣли, и какъ будто единственно на зло Піитикамъ; что Поэзія не есть неопредѣленная горячка ума; но, подобно предметамъ своимъ, природѣ и сердцу человѣческому, имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила. Вниманіе наше обращалось то на Разборъ Издателя Телеграфа, то на самаго Онѣгина, Теперь, что скажемъ въ заключеніе?

О статьѣ Г. Полеваго — что я желалъ бы найти въ ней критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шатки и сбивчивы.

О новомъ Романѣ Г. Пушкина, — что онъ есть новый прелестный цвѣтокъ на полѣ нашей Словесности, что въ немъ нѣтъ описанія, въ которомъ бы не видна была искусная кисть, управляемая живымъ, рѣзвымъ воображеніемъ; почти нѣтъ стиха, который бы не носилъ отпечатка или игриваго остроумія, или очаровательнаго таланта въ красотѣ выраженія.

Два слова о второй пѣсни Онѣгина.

Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходнѣе первой. Въ ней уже совсѣмъ изчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ Бейрономъ; въ Сѣверной Пчелѣ напрасно сравниваютъ Онѣгина съ Чайльдъ-Гарольдомъ, характеръ Онѣгина принадлежитъ нашему Поэту и развитъ оригинально. Мы видимъ, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнію; но опытъ

поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую, дѣятельную досаду, а скуку, наружное безстрастіе, свойственное Русской холодности, (мы не говоримъ Русской лѣни); для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если онѣ пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы неувидимся; — онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключенія, онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво.

РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ Г. МЕРЗЛЯКОВА:

О НАЧАЛѢ И ДУХѢ ДРЕВНЕЙ ТРАГЕДІИ И ПРОЧ., НАПЕЧАТАННАГО ПРИ ИЗДАНІИ ЕГО ПОДРАЖАНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

—

Amicus Plato, magis amica veritas.

Прискорбно для любителя отечественной словесности возставать на мнѣнія вѣрнаго ея жреца въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ, и въ живыхъ переводахъ передавая намъ духъ и красоты древней Поэзіи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому Русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги Г. Мерзлякова на поприщѣ словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія, — и любовь къ истинѣ принуждаетъ нарушить молчаніе, повелѣваемое уваженіемъ къ достойному Литтератору.

Разсужденіе Г. Мерзлякова *о началѣ и духѣ древней Трагедіи* оправдываетъ истину, давно извѣстную, что тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Красоты Поэзіи близки сердцу человѣческому, и слѣдственно, легко ему понятны; но чтобы произнесть общее сужденіе о Поэзіи, чтобы опредѣлить достоинства Поэта,

надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной, и эта мысль не господствуетъ въ Теоріи Г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть, недостатокъ Теоріи: ибо не льзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о Поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противурѣчіями. Кто изъ сего не замѣтитъ, что Рецензенту предстоитъ двойный трудъ? Говоря о такомъ разсужденіи, въ которомъ нѣтъ систематическаго порядка, онъ находится въ необходимости, не только опровергать ошибочныя мнѣнія, но и упоминать часто о томъ, что должно бы заключаться въ сочиненіи объ отрасли изящныхъ искусствъ. Къ несчастію мы встрѣтимъ довольно доказательствъ къ подтвержденію всего вышесказаннаго. Приступимъ къ дѣлу. Г. Мерзляковъ останавливаетъ насъ на первомъ шагу. Вотъ слова его:

«*Трагедія и Комедія, такъ какъ и всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому.*» Нужно ли доказывать неосновательность сего софизма, когда самъ Авторъ опровергаетъ его на слѣдующей страницѣ? «*Вѣроятно,* говоритъ онъ, *что Трагедія не принадлежитъ однимъ Грекамъ, одному какому-либо народу; но всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.*» Оно болѣе нежели вѣроятно; оно неоспоримо, если мы здѣсь

подъ словомъ Трагедія понимаемъ Драмматическую Поэзію; но вѣроятно-ли, чтобы эти два періода были писаны однимъ перомъ, въ разстояніи одной страницы. То что принадлежитъ *всѣмъ народамъ, всѣмъ вѣкамъ*, не принадлежитъ ли, однимъ словомъ, человѣку, его природѣ, и можетъ-ли быть обязано своимъ началамъ *случаю? Обстоятельства-ли* породили въ человѣкѣ мысль и чувства? И что значитъ здѣсь *человѣческое изобрѣтеніе?* Кто изобрѣлъ языкъ? Кто первый открылъ движенія тѣла, выражающія состоянія сердца и духа? Но Г. Мерзляковъ, не подтверждая перваго своего предложенія, тотчасъ бросаетъ эту мысль, ни съ чѣмъ не связанную, какъ неудачно избранный эпиграфъ, и продолжаетъ: «*Мудрая учительница наша Природа явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпіи, красотѣ и благахъ неизчетныхъ*, *возбудила подражательность и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденіямъ и опыту* и пр.» Положимъ, что такъ; но читатель едвали постигаетъ сокрытое отношеніе сей мысли къ Трагедіи и Комедіи. Поэтъ безъ сомнѣнія заимствуетъ изъ природы форму искусства; ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и *подражательность* не могла породить искусства, которыя проистекаютъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ, и отъ нравственной его дѣятельности. Тайна сей загадки не разрѣшается, и немедленно послѣ сего слѣдуетъ исторія козла,

убитаго Икаромъ и Греческихъ праздниковъ въ честь Вакха. Въ семъ разсказѣ не заключается ничего особеннаго. Онъ находится во всѣхъ Теоріяхъ, которыя, не объясняя постепенности существеннаго развитія искусствъ, облекаютъ въ забавныя сказочки Исторію ихъ происхожденія. И такъ мы не будемъ слѣдовать за Г. Мерзляковымъ, когда онъ самъ не слѣдуетъ своей собственной нити въ разысканіяхъ и воспоминаетъ давно извѣстное и пересказанное. Замѣтимъ только, что при нынѣшнихъ успѣхахъ Эстетики, мы ожидали въ Исторіи Трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показать намъ ея развитія изъ соединенія Лирической Поэзіи и эпопеи? Для чего не намекнуть на общую колыбель сихъ родовъ Поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній внимательный читатель заключилъ бы, что они неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ, отъ чего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что не стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣческимъ, что онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное. Но здѣсь не кстати распространяться о понятіяхъ такого рода, и воздвигать новую систему на мѣсто мною разбираемой Теоріи; тѣмъ болѣе, что Г. Мерзляковъ, кажется, отвергаетъ всѣ новѣйшія открытія и, вѣроятно, не уважитъ доказательствъ, на нихъ основанныхъ. Онъ говоритъ рѣшительно

что: «соблазняемые къ несчастію затѣйливымъ воображеніемъ нашихъ романтиковъ, мы теперь увлекаемся быстрымъ потокомъ весьма сомнительныхъ временныхъ мнѣній» и видитъ тутъ: «судьбу изящныхъ искусствъ, склоняющихся уже къ униженію.» Я осмѣлюсь вступиться за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія безъ сомнѣнія не могутъ сравниться съ древними, вразсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Я съ этимъ согласенъ. Но законы частей не опредѣляются-ли сами собою, когда цѣлое направлено къ извѣстной цѣли. Нашу Поэзію можно сравнить съ сильнымъ голосомъ, который съ высоты взывая къ небу, пробуждаетъ со всѣхъ сторонъ отголоски и усиливается въ своемъ порывѣ.*) Поэзія древнихъ плѣняетъ насъ какъ гармоническое соединеніе многихъ голосовъ. Она превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей; но уступаетъ

*) Замѣтимъ, что мы здѣсь говоримъ о тѣхъ только произведеніяхъ, которыя опредѣляютъ общее направленіе мыслей въ нашемъ вѣкѣ. Extrema coeunt. Весь міръ составленъ изъ противуположностей, и нашъ Литтературный міръ ими богатъ. Но для чего судить по каррикатурамъ? Бездушныя Поэмы, въ которыхъ нѣтъ ни начала ни конца, безхарактерные романы и повѣсти, бранчивыя критики, писанныя единственно во зло врожденнымъ законамъ Логики и условнымъ правиламъ приличія, еще менѣе принадлежатъ къ числу Романтическихъ сочиненій, нежели Поэмы Шапелена къ Поэзіи Классической.

ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Поэзія Гёте Бейрона есть плодъ глубокой мысли, раздробившейся на всѣ возможныя чувства. Поэзія Гомера есть вѣрная картина разнообразныхъ чувствъ, сливающихся какъ бы невольно въ мысль полную. Первая, какъ бы потокъ, рвется къ безконечному; вторая, какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Каждый вѣкъ имѣетъ свой отличительный характеръ, выражающійся во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ: на всѣ равно распространяется наблюденіе истиннаго Филолога, и замѣтимъ, что науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной, и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствію. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда. Но тогда имъ угрожаетъ неминуемая опасность, когда всѣ порывы прекращаются; настоящее тянется раболѣпно по слѣдамъ минувшаго, когда холодное безстрастіе возсѣдаетъ на памятникахъ сильныхъ чувствъ и самостоятельности, и цѣлый вѣкъ представляетъ зрѣлище безнадежнаго однообразія. Вотъ что намъ доказываетъ Исторія Философіи, исторія Литтературы. — Но возвратимся къ Господину Мерзлякову.

Онъ переноситъ насъ въ первыя времена Греціи и живописуетъ намъ начальные успѣхи гражданственной ея образованности. Въ этой части разсужденія, какъ и во многихъ другихъ, видно

клеймо истиннаго таланта. Ясное воображеніе автора не рѣдко увлекаетъ читателя; жаль что мысли его не выходятъ изъ сферы очерченной, кажется, предубѣжденіемъ. Въ литтературѣ право давности не должно бы существовать, а Г. Мерзляковъ жертвуетъ ему часто собственнымъ сужденіемъ; потому и порывы чувствъ его бываютъ подобны блуждающимъ огнямъ, которые принимаютъ путника, но сбиваютъ его съ дороги. Кто ожидалъ бы, чтобъ въ нашемъ вѣкѣ взирали на поэзію, какъ на *орудіе Политики;* чтобъ мы были обязаны Трагедію *мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ?* Какъ Поэзія, *получившая свое существованіе отъ случая,* должна сверхъ того влачить оковы рабства отъ самой колыбели? Безполезно опровергать эту мысль. — Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію, самъ ее отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи, безъ сомнѣнія, политика умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ Поэтовъ. Мы видимъ, что Солонъ, Пизистратъ и Пизистратиды распространяли рапсодіи Гомера и дѣйствовали тѣмъ на духъ цѣлаго народа; но оно не доказываетъ ли, что Политика, имѣвшая одну только цѣль въ виду, любовь къ отечеству, свободѣ и славѣ, не уклонялась отъ духа вѣка, который былъ вечернею зарею Героической Эпохи, воспѣтой Гомеромъ? Можно ли изъ сего заключить, что Поэзія была орудіемъ правителей? Нѣтъ! она была припаровлена къ современнымъ

правамъ и узаконеніямъ—безъ сомнѣнія; но потому только, что и сама Философія, во время рожденія Трагедіи въ Греціи, была болѣе нравоучительною, нежели умозрительною. Понятія о двухъ началахъ, перешедшія въ Грецію, вѣроятно изъ Египта, гдѣ онѣ были господствующими, начинали уже искореняться; аллегоріи Гомера, въ которыхъ заключалась вся Философія ихъ времени, теряли уже высокія свои значенія, когда явился Есхилъ, облекъ въ форму своихъ Трагедій народныя преданія и воскресилъ на сценѣ забытыя мысли древней Философіи. Многіе укоряли его въ томъ, что онъ обнаруживалъ въ своихъ твореніяхъ сокровенныя истины Елевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ хранился ключъ къ загадкамъ древней Миѳологіи. Этотъ укоръ не доказываетъ ли, что сей писатель стремился соединить Поэзію съ любомудріемъ? Ав. Шлегель съ большею основательностію предполагаетъ, что аллегорическое его произведеніе, Промиѳей, принадлежитъ къ трилогу, коего двѣ части для насъ потеряны. Эта форма, заключающая въ себѣ развитіе полной Философической мысли, кажется принадлежностію Трагедій Есхила, который въ Агамемнонѣ, Коефорахъ и Умоляющихъ, оставилъ намъ примѣръ полнаго трилога. Теперь мы легко объяснимъ себѣ, отъ чего Гомеръ былъ обильнымъ источникомъ для Греческихъ Поэтовъ. И подлинно, гдѣ имъ было черпать, какъ не въ твореніяхъ такого Генія, который былъ зеркаломъ минувшаго, являлся имъ въ атмосферѣ

высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, въ пѣсняхъ своихъ открывалъ передъ ними великолѣпный міръ со всѣми его отношеніями къ мысли человѣка. Послѣ сихъ замѣчаній естественно представляется вопросъ: былъ-ли Гомеръ Философомъ? Стремился-ли онъ сосредоточить и развить разсѣянныя понятія Религіи? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что не разрѣшивъ его, нельзя опредѣлить достоинства Поэтовъ, послѣдователей Гомера, нельзя даже судить объ успѣхахъ самаго искусства.

Этого вопроса не сдѣлалъ себѣ Г. Мерзляковъ: отъ-того, можетъ быть, и ошибается онъ въ своемъ мнѣніи о началѣ Трагедіи и вообще о достоинствѣ Поэзіи. Вся Философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ его разсказовъ и въ совершенной искренности его чувствъ. Въ немъ, какъ въ безоблачномъ возрастѣ младенчества, нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія; но вездѣ видно вѣрное созерцаніе окружающаго міра, вездѣ слабыя, но пророческія предчувствія высокихъ истинъ. Вотъ характеръ Гомеровыхъ Поэмъ; онѣ духомъ близки къ счатливому времени, въ которомъ мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную; къ тому времени, въ которомъ Философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ, и волшебная сила гармоніи, воздвигая стѣны и обра-

зуя общества, въ мѣрныхъ тонахъ преподавала человѣчеству простыя, но безсмертные законы.

Слабость доводовъ Г. Мерзлякова обнаруживается еще болѣе, когда онъ принаравливаетъ свою Теорію къ характеру трехъ Трагиковъ. Тутъ тщетно играетъ его воображеніе; онъ теряется въ лабиринтѣ мелочныхъ мыслей, и часто противурѣчитъ даже доказательствамъ Исторіи и неоспоримой очевидности. Предложимъ хотя одинъ примѣръ. Г. Мерзляковъ говоря объ Еврипидѣ, объясняется слѣдующимъ образомъ: «*иногда на сценѣ его являлись Государи, униженные судьбою до послѣдней крайности, покрытые рубищами и просящіе подаянія на стогнахъ града. Сіи картины, чуждыя Есхилу и Софоклу, сначала вскружили умы.*» Но это положеніе совершенно принадлежитъ Эдипу Колонейскому, и слѣдственно не могло быть чуждымъ Софоклу и составить отличительную черту въ характерѣ Еврипида. Г. Мерзляковъ говоритъ далѣе, что онъ имѣлъ много почитателей, какъ Философъ. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшана схоластика съ Философіею. Онѣ имѣли совсѣмъ различный ходъ и разное вліяніе. Конечно схоластика всегда влачилась по стопамъ Философіи, но никогда не досягала возвышенныхъ ея понятій и терялась обыкновенно въ случайныхъ примѣненіяхъ, располагаясь въ сентенціяхъ и притчахъ, Удивительно ли, что многія частныя секты были защитниками Еврипидовыхъ трагедій, когда онѣ всѣ носятъ печать

школы; но въ глазахъ Литератора-Философа это не достоинство. Творенія Еврипида не отражаютъ души его; въ нихъ нѣтъ этаго совершеннаго согласія между идеаломъ и формою, которое такъ плѣняетъ воображеніе въ Эдипѣ Колонейскомъ и вообще въ Трагедіяхъ Софокла. Въ самыхъ пламенныхъ изліяніяхъ его чувствъ невольно подозрѣваетъ его искренность.

Не буду далѣе распространяться, чтобы не утомить читателей излишними подробностями. Отдавая имъ на судъ мои замѣчанія на главныя предложенія Г. Мерзлякова, предоставляю имъ рѣшить, справедливы-ли онѣ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ любопытные могутъ примѣнить тѣ мнѣнія, которыя имъ покажутся болѣе опредѣленными, къ характеру каждаго изъ Трагиковъ, и такимъ образомъ оцѣнить статью Г. Мерзлякова во всѣхъ ея частяхъ. Многіе замѣтятъ, можетъ быть, что я часто не высказывалъ своихъ мыслей и въ самымъ любопытныхъ вопросахъ налагалъ на нихъ оковы. Я это дѣлалъ потому, что понятія, мною кое гдѣ изложенныя, требуютъ подробнаго развитія и постоянной нити въ разсужденіи, чего не позволяетъ форма критической статьи, въ которой рецензентъ дѣлается во многихъ отношеніяхъ рабомъ разбираемаго имъ сочиненія.

Въ дополненіи рецензіи моей на разсужденіе Г. Мерзлякова скажу, что еслибъ оно появилось за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно

бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литтератора болѣе самостоятельности. Слѣды Французскихъ сужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назвать нѣсколько сочиненій въ семъ родѣ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія Амалтея Г. Кронеберга, Харьковскаго Профессора. Въ сей книгѣ не должно искать теоретической полноты и порядка; но въ ней заключаются ясныя понятія о Поэзіи, и она доказываетъ, что авторъ искренно посвятилъ себя изящнымъ наукамъ и слѣдуетъ за ихъ успѣхами.

Скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ Г. Мерзлякова. Они представляютъ обильную жатву для того, кто бы захотѣлъ разсмотрѣть подробно ихъ красоты. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли послѣднюю рѣчь Алцесты, разговоръ Ифигеніи съ Орестомъ, пророчество Кассандры и превосходный отрывокъ изъ Одиссеи. Вездѣ видны духъ пламенный и языкъ выразительный. Хоры Г. Мерзлякова исполнены лирическаго огня. Но вообще въ слогѣ его можно бы желать болѣе гибкости и легкости, въ стихахъ болѣе отдѣлки; напримѣръ: Тезей говоритъ къ Антигонѣ и Исменѣ:

Утѣшьтесь нѣжны дщери,
Страдальцу наконецъ въ покой отверсты двери.

Здѣсь слово покой представляетъ явное двусмысліе. Еще можно замѣтить, что Г. Мерзля-

ковъ, вопреки тирану — употребленію, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной старины выраженія, обреченныя, кажется, забвенію; конечно чрезъ такое приращеніе языкъ его не бѣднѣетъ, не теряетъ своей силы; но онъ не имѣетъ, совершенной плавности, необходимоіі въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшей приманки для читателей. Этого не льзя сказать о его прозѣ, которая всегда останется увлекательною.

Я кончаю такъ, какъ началъ, увѣряя читателей, что одна любовь къ наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣній Г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что если Критика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ которымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольно ощущаемаго при чтеніи такого разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

ANALYSE

D'UNE SCÈNE DÉTACHÉE DE LA TRAGÉDIE DE MR. POUCHKIN, INSÉRÉE DANS UN JOURNAL DE MOSCOU (МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ).

De nouveaux éloges ne pourroient rien ājouter à la réputation de Mr. Pouchkin. Depuis longtems ses productions, quï décélént toutes un talent aussi varié que fècond, font le charme du public russe. Mais quelque brillans qu'aient été jusqu'à ce jour les succés de ce poëte, quelque incontestables que soient ses droits à la gloire, les vrais amis de la littérature nationale le voyoient à regrêt suivre dans tous ses ouvrages une impulsion étrangère et sacrifier la vocation de poëte original à son admiration pour le Barde Anglois, qui s'offroit à ses yeux comme le génie poétique de notre siécle. Ce reproche, si flatteur pour Mr. Pouchkin, est cependant injuste sous un rapport. Il en est de l'éducation du poëte comme de tout développement moral: il faut que l'influence d'une force déja mûre lui donne d'abord la conscience de toutes les impulsions dont il est susceptible, pour mettre en mouvement tous les ressorts de son âme et réveiller ainsi sa propre énergie. Une premiére impulsion ne détermine pas toujours la tendance du génie; mais c'est à elle qu'il doit son élan, et sous ce rapport Byron a été pour Pouchkin ce que les circonstances d'une

vie orageuse ont été pour Byron lui-même. Aujourd'hui l'éducation poétique de Mr. Pouchkin semble être entièrement terminée: l'indépendauce de son talent est un sûr garant de sa maturité, et sā Muse, qui ne s'étoit montrée à nous que sous les traits enchanteurs des Graces, vient de prendre le double caractère de Melpomène et de Clio. Depuis longtems nous avons entendn parler de sa dernière production Boris Godounoff, et un nouveau Journal (Московскій Вѣстникъ) vient de nous offrir une scène de ce Drame historique, qui n'est connu en entier que de quelques amis du Poëte. L'époque, à laquelle il se rattache, nous a déja été prèsentée avec un talent admirable par le célèbre historien, dont la Russie regrettera longtems la perte, nous ne pouvons nous empêcher de croire que l'ouvrage de Nr. Karamzine n'ait été pour Mr. Pouchkin une source bien riche des détails les plus précieux. Quel est l'ami de la littérature qui verra sans intérêt ces deux génies, pour ainsi dire aux prises, développer le même tableau, chacun selon son point de vue et dans un cadre différent. Tout ce que nous avons pu apprendre sur la tragédie de Mr. Pouchkin nous autorise à croire que si d'un coté l'historien s'est élevé, par la hardiesse de son coloris à la hauteur de l'épopée, le poëte à son tour a transporté dans sa production l'imposante sévérité de l'histoire. On dit que sa tragédie embrasse toute l'époque du régne de Godounoff, ne se termine qu'à la mort de ses enfans et déroule

toute la chaîne des évènemens, qui ont amené l'une des catastrophes les plus extraordinaires, dont la Russie ait jamais été le théatre. Un cadre aussi vaste aura certainement obligé Mr. Pouchkin de se soustraire à cette régularité qu'imposent le lois dérivées du principe des trois unités. Toutefois la scène, que nous avons sous les yeux, nous prouve suffisament, que s'il a négligé dans ses formes quelques règles arbitaires, il n'en a été que plus fidèle aux lois immuables et fondamentales de la poésie et à ce caractère de vraissemblance, quī doit être le résultat de la cousciencieuse franchise avec la quelle le poëte reproduit ses inspirations. Cette scène frappante de simplicité et d'énergie, peut être placée sans crainte au rang de tout ce que le théatre de Shakespeare et de Goethé nous offre de plus parfait. L'individualité du poëte ne s'y montre pas un moment: tout appartient à l'esprit du tems et au caractère des personnages. Elle vient immédiatement après l'élection de Boris au trône et doit offrir un contraste vraiment théatral avec le scénes précédentes où le poëte aura reproduit le grand mouvement, qui doit accompagner dans la capitale un évènement aussi important pour le pays entier. Le lecteur est transporté dans la cellule de l'un de ces moines, auxquels nous devons nos annales. Le calme imposant qu'on ne sauroit séparer de l'idée de ces hommes, qui, èloignés du monde, étrangers à ses passions, vivaient dans le passé pour s'en constituer l'organe dans l'avenir, caracté-

rise le discours du vieillard. Il veille à la lueur de sa lampe, et une méditation involontaire, un souvenir d'un crime atroce l'arrête au moment où il va terminer sa chronique. Il doit cependant ce récit à la postérité; il reprend sa plume. Dans ce même moment Grégoire, dont il guide les années de noviciat, s'éveille brusquement, poursuivi par un songe, qui seroit aux yeux de la superstition le qrésage d'une destinée orageuse et à ceux dela raison l'expression vague d'une ambition encore comprimée. La dialogue, qui décèle dès les premières paroles l'opposition de ces deux caractères, conçus avec hardiesse et profondeur, amène le récit de l'assasinat du jeune Dmitri et fait deviner déja l'homme extraordinaire, qui se servira bientôt du nom de cet infortuné pour bouleverser la Russie. Le besoin d'entreprises hardies, les passions fougueuses, qui doivent sē développer plus tard dans le coeur de Grégoire Otrépieff, nous sont présentées avec une vérité admirable dans le discours qu'il tient au viel annaliste:

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна.
Счастливъ!.. А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ. —
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой? α)

Qu'il est beau le contraste de cette âme ardente avec le calme majestueux du vieillard, impassible tèmoin des vertus et des crimes de ses compatriotes, de ce vieillard dont l'air imposant produit une si vive impression sur son jeune interlocuteur!

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Не льзя прочесть его высокихъ думъ —
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый.
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва. — β)

Les vers que nous venons de rapporter ne sont pas supérieurs au reste de cet admirable fragment

---

α) «O que ta jeunesse a été riche de plaisirs! Tu as combattu «sous les murs de Cazan, tu as suivi Chouïsky à la victoire «quand il repoussoit les armées de la Lithuanie. Tu as connu «Ivan et sa cour fastueuse! homme heureux! . . . Et moi dès «mes plus jeunes années misérable reclus, je traine mes en- «nuis de cellule en cellule. Pourquoi ne devrois-je pas á mon «tour gouter la joie des combats? Pourquoi n'irois-je pas m'as- «seoir au banquet de nos Princes ?»

β) «Ni son regard, ni son front élevé ne décèlent ses secrè- «tes pensées. C'est toujours le même aspect tranquille et ma- «jestueux. Tel le Diak, vieilli dans les enquêtes, inaccessible «à la pitié, comme à la colere, regarde d'un oeil d'indifférence «l'innocent et le coupable, entend sans s'émouvoir la voix de « la vertu et du crime.»

dramatique, où les beautés des details se perdent pour ainsi dire dans la beauté de l'ensemble. Un caractère de simplicité vraiment antique y régne à coté de l'harmonie et de la justesse d'expressions, qui distinguent particulièrement les vers de Mr. Pouchkin. Quelques lecteurs y chercheront peut être en vain cette fraicheur de style, répandue sur d'autres productions du même auteur; mais l'élégance moderne, qui ajoutoit au mérite de poëmes d'un genre moins relevé, n'auroit pu que déparer un drame, où le poëte se dérobe à notre attention, pour la porter tout entière sur les personages qu'il met en scène. C'est là qu'est le triomphe de l'art, et nous pensons que Mr. Pouchkin l'a obtenu d'une manière incontestable. Ajoutons un voeu à tous ces élogēs, que nous dicte une juste admiration, et souhaitons que toute la tragédie réponde au fragment que nous avons eu sous les yeux! Dés lors la littérature russe aura non seulement fait une acquisition immortelle; mais elle aura enrichi les annales de la Muse tragique d'un chef-d'oeuvre, qui pourra être placé à coté de ce que toutes les langues anciennes et modernes offrent de plus beau en ce genre.

ЕВРОПА.

(Отрывокъ изъ Герена.)

—

Изслѣдователь исторіи человѣчества едвали встрѣчаетъ явленіе, которое было бы такъ ясно и вмѣстѣ такъ затруднительно для объясненія, какъ преимущество собственное Европѣ предъ прочими частями свѣта. При самомъ справедливомъ, при самомъ безпристрастномъ сужденіи о достоинствѣ другихъ земель и народовъ, мы увидимъ истину несомнѣнную: что все благороднѣйшее, все превосходное во всѣхъ родахъ, чѣмъ только гордится человѣчество, прозябало или по крайней мѣрѣ дозрѣвало на почвѣ Европейской. Множествомъ, красотою, разнообразіемъ естественныхъ произведеній Азія и Африка преимуществуютъ предъ Европою; но во всемъ, что есть произведеніе человѣка, народы Европейскіе превосходятъ жителей другихъ частей свѣта. У нихъ семейственное общество, освящая союзъ *одного* мужчины съ *одною* женщиною, получило вообще то образованіе, безъ коего облагородствованіе столь многихъ способностей нашей природы кажется невозможнымъ. У нихъ преимущественно и почти исключительно образовались правленія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть у народовъ, достигнувшихъ позна-

нія правъ своихъ. Тогда какъ Азія, при всѣхъ перемѣнахъ великихъ ея Гогусардствъ, представляетъ намъ вѣчное возражденіе деспотизма, на почвѣ Европейской развернулось зерно представительныхъ правительствъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, которыя оттуда были перенесены и въ другія части свѣта. Положимъ что простѣйшія открытія механическихъ искусствъ принадлежатъ частію востоку; но какъ усовершенствовали ихъ Европейцы! Какъ далеко отъ станка на берегахъ Индуса до паровой прядильной машины, отъ указателя часовъ солнечныхъ до часовъ Астрономическихъ, которые проводятъ мореплавателя чрезъ все пространство Океана, отъ Китайской барки до Британскаго Оркога. И если наконецъ обратимъ взоры на благороднѣйшія искусства, которыми человѣческая природа превзошла, такъ сказать, сама себя, какая разница между Юпитеромъ Фидіаса и Индѣйскимъ идоломъ, между Преображеніемъ Рафаэля и твореніями Китайскаго живописца! Востокъ имѣлъ своихъ лѣтописцевъ, но никогда не произвелъ ни Тацита, ни Гиббона; имѣлъ своихъ пѣснопѣвцевъ и ни когда ни возвышался до критики; имѣлъ мудрецовъ, которые не рѣдко сильно дѣйствовали поученіями на своихъ народовъ; но Платонъ, Кантъ не могли созрѣть на берегахъ Гангеса и Гоанго.

Менѣе-ли заслуживаетъ удивленія то политическое преимущество, которымъ народы этой

малой частицы земли, едва вышедши изъ состоянія дикаго, уже немедленно пользуются предъ обширными землями большихъ частей свѣта? И Востокъ видѣлъ великихъ завоевателей; но только въ Европѣ возникли полководцы, которые изобрѣли науку воинскую, по всей справедливости заслуживающую имя науки. Македонское царство, заключенное въ тѣсные предѣлы, едва воспрянуло отъ младенчества, какъ уже Македоняне владычествовали на берегахъ Индуса и Нила. Наслѣдникомъ сего міродержавнаго народа былъ міродержавный градъ; Азія и Африка поклонились Цезарю. Напрасно и въ средніе вѣка, когда умственное превосходство Европейцевъ, казалось, совершенно прекратилось, напрасно восточные народы старались поработить ее. Монголы проникли до Силезіи, только степи Россіи повиновались имъ нѣсколько времени; Арабы покушались наводнить Западъ; мечъ Карла Мартела принудилъ ихъ довольствоваться одною частію Испаніи; а вскорѣ Рыцарь Франкскій, подъ знаменемъ креста, преслѣдовалъ ихъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Какъ ясно слава Европейцевъ озарила міръ съ тѣхъ поръ, какъ открытія Колумба и Васки де Гама зажгли для нихъ утро счатливѣйшаго дня! Новый міръ дѣлается ихъ добычею; болѣе трети Азіи покорилось Россійской Державѣ; купцы береговъ Темзы и Зюйдерзее поработили Индію; если по сихъ поръ и удается Османамъ удержать въ Европѣ ими похищенное, все-

гда-ли, долго-ли оно будетъ находиться въ ихъ владѣніи? Сознаемся, что завоеванія Европейцевъ были сопряжены съ жестокостію; однакоже Европейцы были не только тиранами міра: они были также его наставниками; кажется, съ ихъ успѣхами всегда тѣсно соединяется образованіе народовъ, и если во времена всеобщихъ превращеній еще остается утѣшительная надежда для будущаго, то эта надежда не основана-ли на торжествѣ Европейской образованности внѣ самой Европы?

Откуда это преимущество, это міродержавіе тѣсной Европы? Важная истина представляется здѣсь, какъ бы сама собою. Не дикая сила, не простой физическій перевѣсъ массы — умъ подарилъ ее первенствомъ, и если военное искусство Европейцевъ и было основаніемъ ихъ владычества, то благоразумная политика сохранила имъ оное. При всемъ томъ это еще не отвѣтъ на вопросъ, насъ занимающій; ибо именно мы хотимъ знать, откуда произошло умственное превосходство Европейцемъ? почему здѣсь именно и здѣсь исключительно способности человѣческой природы достигли столь обширнаго и столь прекраснаго развитія?

Всѣ старанія отвѣчать совершенно удовлетворительно на сей вопросъ, были бы тщетны; явленіе въ себѣ самомъ слишкомъ богато, слишкомъ значительно. Всѣ охотно допустятъ, что оно не что иное, какъ послѣдствіе многихъ содѣйствующихъ причинъ. Нѣкоторыя изъ сихъ причинъ могутъ быть отдѣльно исчислены, могутъ слѣдо-

вательно доставить нѣсколько доказательствъ. Но исчислить ихъ всѣ, показать, какъ каждая дѣйствовала сама собой въ особенности, а всѣ совокупно—такой трудъ могъ бы совершить только тотъ умъ, которому бы дано было съ высшей точки, недосягаемой для смертнаго, обозрѣть всю ткань исторіи нашего рода, изслѣдовать ходъ и сцѣпленіе всѣхъ ея нитей.

Между тѣмъ важное обстоятельство представляется взорамъ, обстоятельство, на которое однакожь осторожный наблюдатель только съ робостію обратитъ свое вниманіе. Мы видимъ, что прочія части свѣта покрыты народами различнаго, почти вездѣ темнаго цвѣта, (и если цвѣтъ опредѣляетъ племена, то и различныхъ племенъ) жители Европы напротивъ того принадлежатъ къ одному племени. Она не имѣетъ и не имѣла другихъ природныхъ жителей, кромѣ бѣлыхъ народовъ.*) Не отличается ли сіе бѣлое племя уже бòльшими врожденными способностями? Не самыя-ли сіи способности и даютъ ему первенство предъ прочими? Вопросъ, котораго не разрѣшаетъ Физіологія и на который только съ робостію отвѣчаетъ историкъ. Если мы скажемъ, что различіе организацій, которое мы въ столь многихъ отношеніяхъ замѣчаемъ при различіи цвѣтовъ, можетъ ускорить или замедлить развитіе умственныхъ способно-

*) Цыганы чужіе народы; а къ какому племени, къ бѣлому ли, или къ желтому должны быть причислены Лапландцы, это еще подвержено сомнѣнію.

стей, кто будетъ утверждать противное? Съ другой стороны, кто можетъ доказать это вліяніе? Развѣ тотъ, кому бы удалось приподнять таинственный покровъ, скрывающій отъ взоровъ нашихъ взаимные узы между тѣломъ и духомъ. Вѣроятно, однакожъ, мы откроемъ эту тайну: ибо какъ усиливается эта вѣроятность, когда мы вопрошаемъ отомъ Исторію! Значительное превосходство, которымъ во всѣ вѣка, во всѣхъ частяхъ свѣта отличались бѣлые народы, есть *дѣло рѣшеное*, неоспоримое. Можно отвѣчать, что это было послѣдствіе внѣшнихъ причинъ, которыя имъ благопріятствовали; но всегда-ли такъ было, и отъ чего всегда такъ было? Почему темные народы, которые на сколько нибудь и выходили изъ состоянія варварства, достигали только *имъ* назначенной степени, степени, на которой равно остановился и Египтянинъ и Монголъ, Китаецъ и Индѣецъ? Отъ чего, слѣдуя тому же закону, и между ними черные народы всегда отстаютъ отъ темныхъ и отъ желтыхъ? Если такіе опыты заставляютъ насъ вообще предположить въ нѣкоторыхъ отрасляхъ человѣческаго рода бо̀льшія или мѐньшія способности, то они нимало не доказываютъ совершеннаго недостатка способностей въ тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые темнѣе насъ, и ни какъ не могутъ быть приняты за единственную причину. Это доказываетъ только то, что всѣ опыты доселѣ намъ извѣстные увѣря-

ютъ насъ во вліяніи цвѣта на развитіе способностей народовъ; но мы охотно благословимъ времена, которыя опровергнутъ этотъ опытъ, которыя представятъ намъ и Эѳіоповъ образованными.

Какъ бы то ни было, много-ли мало-ли заслуживаетъ вниманія сіе природное первенство жителей Европы, не льзя не признаться въ томъ, что и физическое устройство сей части свѣта представляетъ собственныя выгоды, которыя не мало содѣйствуютъ къ объясненію занимающаго насъ явленія.

Почти вся Европа принадлежитъ сѣверному, умѣренному поясу; значительнѣйшія земли ея находятся между 40 и 60° С. Ш. Ближе къ сѣверу постепенно умираетъ природа. Такимъ образомъ наша часть свѣта ни гдѣ не представляетъ роскошнаго плодоносія тропическихъ земель, не имѣя также такого неблагодарнаго климата, который бы заставлялъ посвящать всю силу человѣка одной заботѣ о пропитаніи жизни. Вездѣ, гдѣ только не мѣшаютъ мѣстныя причины, Европа удобна для хлѣбопашества. Она приглашаетъ и нѣкоторымъ образомъ понуждаетъ своихъ жителей къ земледѣлію; ибо она столь же мало благопріятствуетъ жизни звѣролововъ, какъ и пастушеской. Если народы, ее населяющіе, въ извѣстныя времена и перемѣняли свои жилища, то они никогда не были собственно номадами. Они странствовали съ намѣреніемъ дѣлать завоеванія

или поселяться въ другихъ мѣстахъ, куда привлекала ихъ добыча или бо̀льшее плодоносіе. Европейскій народъ никогда не жилъ подъ шатрами; равнины покрытыя лѣсами, позволяли имъ строить хижины, необходимыя подъ небомъ болѣе суровымъ. Почвѣ и климату Европы совершенно предназначено пріучать къ постоянной дѣятельности, которая составляетъ источникъ всякаго благосостоянія. Положимъ, что Европа могла хвалиться только немногими отличными произведеніями, что, быть можетъ, и ни одно ей исключительно не принадлежало; положимъ, что благороднѣйшіе ея продукты были перенесены на почву ея изъ дальныхъ земель; съ другой стороны это самое составляло необходимость воспитывать сіи чужеземные продукты. Такимъ образомъ искусство долженствовало соединиться съ природою, и это соединеніе есть именно причина преуспѣвающаго образованія рода человѣческаго. Безъ напряженія человѣкъ не расширяетъ круга своихъ понятій; разумѣется, что сохраненіе жизни не должно также занимать всѣ его силы: — Европа по большей части одарена плодоносіемъ, достаточно вознаграждающимъ за труды; въ ней нѣтъ земли значительной, которая бы совсѣмъ лишена была онаго; въ ней нѣтъ песчаныхъ пустынь, какъ въ Аравіи и Африкѣ; а степи, (и тѣ обильно орошенныя рѣками), начинаются только съ восточныхъ земель. Горы посредственной величины пересѣкаютъ обыкно-

венно равнины; путешественникъ вездѣ видитъ пріятную смѣсь возвышенностей и долинъ, и если природа не является здѣсь въ роскошномъ убранствѣ жаркаго пояса, то пробуждаясь весною, она облекается прелестію, чуждою однообразію земель тропическихъ.

Конечно большая часть средней Азіи пользуется обще съ Европою подобнымъ климатомъ, и можно спросить: почему же здѣсь не встрѣчаемъ тѣхъ же явленій, но видимъ совсѣмъ тому противныя? Здѣсь пастушескіе народы Татаріи и Монголіи, кочуя въ земляхъ своихъ, осуждены пребывать въ постоянномъ нравственномъ бездѣйствіи. Свойствами почвы своей, изобиліемъ горъ и равнинъ, числомъ судоходныхъ рѣкъ, а болѣе всего прибрежными землями, лежащими около Средиземнаго моря, Европа такъ разительно отличается отъ вышеупомянутыхъ странъ, что одна температура воздуха, (притомъ не совсѣмъ одинакая даже подъ тѣми же градусами широты: ибо въ Азіи холодъ чувствительнѣе), не можетъ ни какъ служить поводомъ къ сравненію между сими частями свѣта.

Но изъ физическаго различія можно-ли вывести тѣ нравственныя преимущества, которыя были слѣдствіемъ вышезамѣчаннаго усовершенствованія семейственной жизни? Съ симъ усовершенствованіемъ начинается нѣкоторымъ образомъ исторія перваго просвѣщенія нашей части свѣта. Самое преданіе упоминаетъ, что Кек-

ропсъ, основавъ свою колонію между дикими жителями Аттики, былъ первымъ учредителемъ правомѣрныхъ браковъ: а кто не знаетъ уже изъ Тацита священнаго обычая Германцевъ, нашихъ предковъ? Одно-ли свойство климата замедляетъ, сравниваетъ постепенное развитіе обоихъ половъ и вливаетъ въ жилы мужчины кровь болѣе холодную? Или утонченное чувство, вложенное въ сердце Европейца самою природою, высшее нравственное благородство опредѣляетъ соотношеніе обоихъ половъ? Какъ бы то ни было, кто не усматриваетъ важнаго вліянія отсюда проистекающаго. Не на семъ ли основаніи возвышается неразрушимая преграда между народами Востока і Запада? Подлежитъ ли сомнѣнію, что сіе усовершенствованіе семейственной образованности было необходимымъ условіемъ нашего общественнаго устройства? Повторимъ рѣшительно замѣчаніе, сдѣланное нами въ другомъ мѣстѣ: никакой народъ, у котораго позволялось многоженство, никогда не достигалъ свободнаго, благоустроеннаго правленія.

Однѣ-ли сіи причины рѣшили преимущество Европы? Присоединились-ли къ нимъ еще другія посороннія? Кто можетъ опредѣлить это? При всемъ томъ безспорно, что вся Европа можетъ хвалиться симъ преимуществомъ. Если южные народы и опередили жителей Сѣвера, если сіи послѣдніе блуждали еще полудикими въ лѣсахъ своихъ, между тѣмъ какъ тѣ уже достигли

своей зрѣлости, не смотря на это они успѣли догнать своихъ предшественниковъ. Настало и ихъ время, то время, въ которое они съ вѣрнымъ чувствомъ самопознанія обратили взоры на южныхъ братьевъ своихъ. Эти замѣчанія приводятъ насъ сами собою къ важнымъ отличительнымъ свойствамъ, собственнымъ Югу и Сѣверу нашей части свѣта.

На двѣ части весьма неравныя, на южную и на сѣверную, раздѣляется Европа цѣпію горъ, которая хотя и раскинула многія отрасли къ Югу и Сѣверу, но въ главномъ направленіи простирается отъ Запада на Востокъ и доселѣ по неизвѣстности высоты Тибетскихъ горъ, почитается высочайшею въ древнемъ свѣтѣ. — Сія цѣпь горъ есть хребетъ Альповъ, на западѣ соединяющійся съ Пиренейскими горами посредствомъ Севенскихъ и простирающійся на востокъ, Карпатскою цѣпію и Балканомъ, до береговъ Чернаго моря. Она отдѣляетъ три выдавшіеся къ Югу полуострова, Пиренейскій Италію и Грецію, вмѣстѣ съ южною частію Франціи и Германіи, отъ твердой земли Европы, простирающейся къ сѣверу далѣе полярнаго круга. Сія послѣдняя, гораздо пространнѣйшая половина, заключаетъ въ себѣ почти всѣ главнѣйшія рѣки сей части свѣта, исключая Эбро, Рону, По и еще тѣ нѣсколько значительныя для судоходства рѣки, которыя вливаютъ волны свои въ Средиземное море. Никакая другая цѣпь горъ нашей земли не была столь важна для исторіи нашего ро-

да, какъ цѣпь Альповъ. Въ продолженіи многихъ столѣтій она раздѣляла, такъ сказать, два міра. Подъ небомъ Греціи и Гесперіи давно уже благоухали прекраснѣйшіе цвѣты просвѣщенія, когда въ лѣсахъ Сѣвера еще скитались разсѣянныя племена варваровъ. То ли бы возвѣстила намъ исторія Европы, если бы твердыня Альпійскихъ горъ, вмѣсто того чтобы простираться близь Средиземнаго моря, протянулась по берегамъ Сѣвернаго? Конечно сія граница кажется менѣе важною въ наше время; предпріимчивый умъ Европейцевъ проложилъ себѣ путь чрезъ Альпы, такъ какъ онъ проложилъ себѣ оный чрезъ Океанъ; но много значила она въ томъ періодѣ, который занимаетъ насъ въ древности — когда сѣверъ отдѣлялся отъ юга физически, нравственно и политически, долго сія цѣпь горъ служила благотворной обороною одному противъ другаго, и хотя Цезарь, разрывая наконецъ сіи преграды, и раздвинулъ нѣсколько политическія границы, но какое рѣзкое и продолжительное различіе видимъ мы между Римскою и не Римскою Европою.

И такъ одинъ югъ нашей части свѣта можетъ занимать насъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ. Если онъ былъ ограниченъ въ своемъ пространствѣ, если онъ по видимому едва былъ помѣстителенъ для сильныхъ народовъ, то за то былъ онъ достаточно вознагражденъ климатомъ и положеніемъ. Кто изъ сыновей сѣвера, спускаясь

съ южной стороны Альповъ, не былъ пораженъ чувствомъ новой природы, его окружающей? Неужели эта лазурь, болѣе ясная на небѣ Гесперіи и Греціи, это дыханіе воздуха болѣе теплое, этотъ рисунокъ горъ болѣе округленный, эта прелесть утесистыхъ береговъ и островов, этотъ сумракъ лѣсовъ, блистающихъ золотыми плодами, неужели все это существуетъ въ однѣхъ пѣсняхъ стихотворцевъ? Здѣсь, хотя далеко отъ земель тропическихъ, уже угадываешь ихъ прелесть. Въ южной Италіи уже произрастаетъ Алое въ дикомъ состояніи; Сицилія уже производитъ сахарный тростникъ; съ вершины Этны взоръ уже открываетъ утесистый островъ Мальту, гдѣ созрѣваетъ финиковая пальма, а въ синей дали и берега близкой Африки.*) Здѣсь природа нигдѣ не является въ этомъ однообразіи, которое такъ долго ограничивало умы народовъ, населявшихъ лѣса и равнины Сѣвера. Въ сихъ странахъ вездѣ смѣняются горы посредственной величины пріятными долинами, которыя Помона ущедрила прекраснѣйшими дарами. Если ограниченное пространство сихъ земель и не вмѣщаетъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, то какъ вознаграждаютъ ихъ за этотъ недостатокъ обширные берега, богатые заливами! Средиземное море принадлежитъ южной Европѣ и единственно посредствомъ Средиземнаго моря содѣлались народы

---

*) Bartel. Путешествіе по Сициліи.

Запада тѣмъ, чѣмъ они были. Замѣните ее степью, и мы по сихъ поръ остались бы кочующими Татарами, Монголами запоздалыми, какъ эти Номады средней Азіи.

Изъ всѣхъ народовъ Юга только три могутъ занять насъ: Греки, Македоняне и Римляне, завоеватели Италіи, а вскорѣ и вселенной. Мы назвали ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они являются въ Исторіи народами первенствующими, хотя различнымъ образомъ. Мы послѣдуемъ тому же порядку въ ихъ изображеніи.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЭГМОНДА.

(Гетё).

Дворецъ Правительницы.

Маргарита Пармская, *въ охотничьей одеждѣ*, Придворные, Пажи, Слуги.

—

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Распустите охотниковъ: я сего дня не выѣзжаю. Скажите Махіавелю, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ.

(Всѣ удаляются.)

Мысль объ этихъ ужасныхъ произшествіяхъ не даетъ мнѣ покоя. Ни что меня не тѣшитъ, ни что не разсѣетъ; всѣ тѣже картины предо мной, все тѣже заботы. Знаю впредъ, Король скажетъ, что это слѣдствіе моего добросердечія, моей слабости, а совѣсть ежеминутно говоритъ мнѣ, что я сдѣлала все нужное, все лучшее. И чтожъ было мнѣ дѣлать? Усилить, разнести повсюду этотъ пламень бурею гнѣва? Я думала поставить пожару границы и этимъ потушить его. Такъ! то, что я повторяю себѣ самой, то, въ чемъ я убѣдилась, конечно въ глазахъ моихъ меня оправдываетъ; но братъ мой — какъ приметъ онъ такія извѣстія? А можно ли скрыть ихъ? — Съ каждымъ днемъ возрастала гордыня пришельцевъ — учителей; они ругались надъ нашею свя-

тыней, обворожили грубыя чувства народа; предали его духу блужденія. Духи нечистые поселились между возмутителями, и чтожъ? Мы были свидѣтелями дѣлъ ужасныхъ, о которыхъ и думать нельзя безъ содраганія. Я должна подробно увѣдомить о нихъ Дворъ — подробно, не теряя времени — не то предупредитъ меня всеобщая молва, и король подумаетъ, что мы отъ него скрываемъ еще бо́льшіе ужасы. — Не вижу ни какого средста, ни строгаго, ни кроткаго, отвратить зло.

(Входитъ Махіавель.)

Правительница.

Готовы ли письма къ Королю?

Махіавель.

Чрезъ часъ я представлю ихъ вамъ для подписанія.

Правительница.

Обстоятельно ли описалъ ты произшествія?

Махіавель.

Подробно и обстоятельно, какъ любитъ Король. Разсказываю, какъ сперва въ С. Оменѣ открылся гнусный замыслъ истребить иконы; какъ бѣшеныя толпы съ палками, топорами, молотами, лѣстницами, веревками, сопровождаемыя немногими вооруженными людьми, нападали на часов-

ни, на церкви и монастыри, разгоняли молельщиковъ, выламывали ворота, опрокидывали алтари, разбивали святые лики, обдирали иконы, ловили, рвали, топтали все принадлежащее къ святынѣ; какъ между тѣмъ возрастало число бунтующихъ, и жители Иперна открыли имъ ворота города; какъ они съ неимовѣрной быстротою опустошили соборную церковь и сожгли библіотеку Епископа; какъ потомъ многочисленная толпа народа, влекомая тѣмъ же безуміемъ, устремилась на Менинъ, Коминесъ, Фервикъ, Лилль, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, и какъ въ одно мгновеніе почти во всей Фландріи обнаружился и исполнился ужаснѣйшій заговоръ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ахъ! описаніе твое возобновило все мое горе! Къ тому же мучитъ меня и страхъ, что зло будетъ возрастать болѣе и болѣе. Скажи, Махіавель, что ты думаешь?

МАХІАВЕЛЬ.

Извините, Ваше Высочество: мои мысли такъ похожи на бредъ. Вы всегда были довольны моими услугами, но весьма рѣдко слѣдовали моимъ совѣтамъ. Часто говорили Вы мнѣ въ шутку: «Ты слишкомъ смотришь вдаль, Махіавель. Тебѣ быть бы Историкомъ. Кто дѣйствуетъ, тотъ заботится только о настоящемъ.» И чтожъ? Не

предвидѣлъ ли я, не предсказывалъ ли всѣхъ этихъ ужасовъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я тоже многое предвижу и не нахожу способа отвратить зло.

МАХІАВЕЛЬ.

Однимъ словомъ: Вамъ не подавить новаго ученія. Не гоните его приверженцевъ, отдѣлите ихъ отъ правовѣрныхъ, дайте имъ церкви, примите ихъ въ число гражданъ, ограничьте права ихъ, и такимъ образомъ Вы однимъ разомъ усмирите возмутителей. Всѣ прочія средства будутъ напрасны, и Вы безъ пользы опустошите землю.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Развѣ ты забылъ, въ какое негодованіе привелъ брата моего одинъ вопросъ: можно ли терпѣть новое ученіе? Ты знаешь, что онъ въ каждомъ письмѣ поручаетъ мнѣ всѣми силами поддерживать истинное вѣроисповѣданіе? Что онъ не хочетъ пріобрѣсти спокойствіе и согласіе на счетъ религіи. Развѣ въ провинціяхъ у него нѣтъ шпіоновъ, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ и которые разыскиваютъ, кто именно склоняется къ новымъ мнѣніямъ? Не изумлялъ ли онъ насъ часто, открывая намъ внезапно, что люди, къ намъ близкіе, тайно приставали къ ереси? Не

приказывалъ ли онъ мнѣ быть строгою, непреклонною? — А я буду употреблять мѣры кротости? Я буду совѣтывать ему терпѣть, миловать? Не лучшій ли это способъ лишиться его довѣренности?

МАХІАВЕЛЬ.

Я очень знаю, Король приказываетъ, Король сообщаетъ Вамъ свои намѣренія. Вы должны возстановить миръ и тишину такими средствами, которыя еще болѣе ожисточатъ умы и зажгутъ неизбѣжно войну повсемѣстную. Подумайте о томъ, что Вы дѣлаете. Купечество заражено; дворянство, народъ, солдаты — также. Къ чему упорствовать въ своихъ мысляхъ, когда все вокругъ насъ измѣняется? Ахъ! еслибъ добрый геній шепнулъ Филиппу, что Королю приличнѣе управлять подданными двухъ различныхъ исповѣданій, нежели одну половину Царства истреблять другою!

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Впередъ чтобъ я этого не слыхала. Я знаю, что политика рѣдко согласуется съ правилами вѣры и честности, что она изгоняетъ изъ сердца откровенность, добродушіе и кротость. Дѣла свѣтскія, къ несчастію, слишкомъ ясно доказываютъ эту истину. Но не ужели мы должны играть Богомъ, какъ играемъ другъ другомъ? Не ужели мы должны быть равнодушны къ истин-

ному ученію предковъ, за которое столь многіе жертвовали жизнію? И это ученіе промѣняемъ мы на чужія, невѣрныя нововведенія, которыя сами себѣ противорѣчатъ?

МАХІАВЕЛЬ.

По этимъ словамъ не сомнѣвайтесь въ моихъ правилахъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я знаю тебя, знаю твою вѣрность, и знаю, что человѣкъ можетъ быть и честенъ и благоразуменъ, забывая иногда ближайшую дорогу ко спасенію души своей. Не ты одинъ Махіавель; есть еще и другіе, которыхъ я должна любить и порицать.

МАХІАВЕЛЬ.

На кого намекаете Вы мнѣ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Признаюсь тебѣ, Егмонтъ чрезвычайно огорчилъ меня сего дня.

МАХІАВЕЛЬ.

Чѣмъ же?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Чѣмъ? Обыкновенно чѣмъ: своей холодностью, своимъ легкомысліемъ. Я получила ужасное из-

вѣстіе въ то самое время, какъ выходила изъ церкви, сопровождаемая многими и въ томъ числѣ Егмонтомъ. Я не могла владѣть своей печалію, не могла скрыть ее и громко сказала, обращаясь къ нему: Вотъ что происходитъ въ вашей провинціи! и Вы это терпите, Графъ! вы, на котораго Король полагалъ всю свою надежду?

МАХІАВЕЛЬ.

И что же отвѣчалъ онъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы я говорила о бездѣлицѣ, о дѣлѣ постороннемъ. Лишь бы Нидерландцы не боялись за свои права, —всё прочее придетъ само собою въ порядокъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Быть можетъ, въ этихъ словахъ болѣе истины, нежели приличія и благочестія. Можетъ ли существовать довѣренность, когда Нидерландецъ видитъ, что дѣло идетъ болѣе объ его имуществѣ, нежели объ истинномъ его благѣ — о спасеніи души его? Всѣ эти новые Епископы спасли ли столько душъ, сколько ограбили жителей? Не всѣ ли почти они иноземцы? По сихъ поръ мѣста Штатгальтерскія заняты еще Нидерландцами, но не ясно ли видно, что ненасытные Испанцы алкаютъ завладѣть сими мѣстами? Не лучше-ли народу видѣть въ Правителѣ своего же

соотечественника, вѣрнаго роднымъ обычаямъ, или иноземца, который напередъ старается разбогатѣть на счетъ другихъ, всѣ мѣряетъ своимъ чужестраннымъ аршиномъ и господствуетъ безъ пріязни, безъ участія къ своимъ подданнымъ?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Ты стоишь за нашихъ противниковъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Нѣтъ! по сердцу конечно не за нихъ. Я бы желалъ, чтобъ и разсудокъ былъ совершенно за насъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Если такъ, то мнѣ бы должно уступить имъ правленіе. Егмонтъ и Оранскій очень тѣшились надеждою занять мое мѣсто. Тогда были они противники; теперь они заодно противъ меня; они стали друзья, друзья неразрывные.

МАХІАВЕЛЬ.

И друзья опасные.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Сказать тебѣ откровенно? Я боюсь Оранскаго и боюсь за Егмонта. Не доброе замышляетъ Оранскій; мысли его всегда устремлены вдаль; онъ скрытенъ, на все, кажется, согласенъ, никогда не противорѣчитъ и съ видомъ глубокой по-

чтительности, съ величайшей осторожностью всегда дѣлаетъ все, что хочетъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Егмонтъ, напротивъ, дѣйствуетъ свободно, какъ будто бы весь міръ ему принадлежитъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Онъ такъ высоко носитъ голову, какъ будто бы не висѣла надъ нимъ рука Царская.

МАХІАВЕЛЬ.

Вниманіе всего народа обращено на него; онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Никогда не боялся онъ навлечь на себя подозрѣніе, какъ будто уже некому требовать отъ него отчета. До сихъ поръ носитъ онъ имя Егмонта; ему пріятно называться Егмонтомъ, какъ будто не хочетъ забыть, что предки его были владѣтелями Гельдерна. Зачѣмъ не называется онъ Принцемъ Гаврскимъ, какъ ему слѣдуетъ? Зачѣмъ это? Или онъ хочетъ возстановить права забытыя?

МАХІАВЕЛЬ.

Я считаю его вѣрнымъ слугою Короля.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

О! еслибъ онъ только хотѣлъ, какъ легко могъ

бы онъ заслужить благодарность Правительства, вмѣсто того, чтобы такъ часто огорчать насъ до крайности безъ всякой собственной пользы. Его сборища, его пиры и празднества связали, сроднили дворянъ между собою тѣснѣе, нежели опаснѣйшія тайныя общества. Вино, которое лилось у него за здравіе, на долго вскружило головы гостямъ, и пары его никогда не разсѣются. Какъ часто своими шутками приводилъ онъ въ движеніе умы народа, и мало-ли удивлялась толпа новымъ его ливреямъ и нелѣпымъ одеждамъ его прислужниковъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Я увѣренъ, что все это было безъ намѣренія.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Это то и несчастно. Опять повторяю: онъ намъ вредитъ, а себѣ пользы не приноситъ. Онъ дѣла важныя почитаетъ шутками, а мы, чтобъ не казаться праздными и слабыми, мы должны самыя шутки считать дѣлами важными. Такимъ образомъ одно возбуждаетъ другое, и то, что стараешься отвратить, то именно дѣлается неизбѣжнымъ. Онъ опаснѣе, нежели иной рѣшительный глава заговора, И я почти увѣрена, что при Дворѣ уже во всемъ его подозрѣвали. Признаюсь откровенно: мало проходитъ времени, чтобъ онъ меня не огорчалъ, неогорчалъ до крайности.

МАХІАВЕЛЬ.

Мнѣ кажется, онъ во всемъ дѣйствуетъ по своей совѣсти.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Совѣсть его все показываетъ ему въ зеркалѣ обманчивомъ. Поведеніе его часто обидно. Онъ часто ведетъ себя какъ человѣкъ, который совершенно увѣренъ въ превосходствѣ своей силы, и только изъ снисхожденія не даетъ намъ ее чувствовать, не хочетъ прямо выгнать насъ изъ государства, и потому старается все сладить мирнымъ образомъ.

МАХІАВЕЛЬ.

Нѣтъ! его искренность, его счастливый характеръ, который легко судитъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, не такъ опасны, какъ Вы воображаете. Вы этимъ только вредите и ему и себѣ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я ничего не воображаю. Говорю только о слѣдствіяхъ неизбѣжныхъ, и знаю его. Званіе Нидерландскаго дворянина, орденъ золотаго Руна на груди: вотъ что усиливаетъ его самоувѣренность, его смѣлость. Оба сіи преимущества могутъ служить ему защитою противъ прихоти и гнѣва Царя. Разбери внимательно: не онъ-ли одинъ виновникъ всѣхъ несчастій, которыя теперь постигли Фландрію? Онъ съ самаго начала не преслѣдовалъ лжеучителей, не обращалъ на нихъ вниманія; онъ, быть можетъ, тайно и радовался, что намъ готовятся новыя заботы. Постой, постой: все, что лежитъ на сердце, все вылью я наружу

при этомъ случаѣ. Не даромъ пущу я стрѣлу; я знаю его слабую сторону, и онъ умѣетъ чувствовать.

МАХІАВЕЛЬ.

Созвали-ли Вы совѣтъ? Будетъ-ли и Оранскій?

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Я послала за нимъ въ Антверпенъ. Сложу, сложу на ихъ плеча все бремя отчета; пусть они вмѣстѣ со мною дѣятельно воспротивятся злу или также подымутъ знамя возмущенія. Иди, докончи скорѣе письма, и я подпишу ихъ; тогда ты не медля отправишь Васку въ Мадритъ; Васка на дѣлѣ доказалъ свою неутомимость, свою преданность. Пусть братъ мой черезъ него получитъ Фландрскія извѣстія, прежде нежели онѣ дойдутъ до него молвою. Я са̂ма хочу видѣть его до его отъѣзда.

МАХІАВЕЛЬ.

Ваши приказанія будутъ исполнены скоро и точно.

МѢЩАНСКІЙ ДОМЪ.

—

Клара, Мать ея, Бракенбургъ.

КЛАРА.

Что-же, Бракенбургъ? ты не хочешь подержать мнѣ мотокъ?

БРАКЕНБУРГЪ.

Пожалуйста избавь меня отъ этого, милая Клара.

КЛАРА.

Что съ нимъ опять сдѣлалось? За что отказывать мнѣ въ маленькой услугѣ, когда прошу тебя изъ дружбы?

БРАКЕНБУРГЪ.

Я какъ вкопаный долженъ стоять передъ тобой съ нитками такъ, что отъ взглядовъ твоихъ нѣтъ спасенія.

КЛАРА.

Экой бредъ! держи, держи.

МАТЬ.

(сидя въ креслахъ и продолжая вязать чулокъ).

Спойте-же что нибудь. Бракенбургъ такъ мило

подпѣваетъ. Бывало, вы всегда такъ веселы, и мнѣ всегда есть чему посмѣяться.

БРАКЕНБУРГЪ.

Бывало.

КЛАРА.

Ну давай пѣть.

БРАКЕНБУРГЪ.

Что хочешь.

КЛАРА.

Но только живѣе. Споемъ солдатскую пѣсенку, мою любимую.

(Она мотаетъ нитки и поетъ вмѣстѣ съ Бракенбургомъ.)

Стучатъ барабаны!
Свистокъ заигралъ!
Съ дружиною бранной
Мой другъ поскакалъ.
Онъ скачетъ, качаетъ
Большое копье —
Съ нимъ сердце мое!
О что я не воинъ!
Что нѣтъ у меня
Копья и коня!

За нимъ бы помчалась
Въ далеки края,

И съ нимъ бы сражалась
Безъ трепета я.
Враги пошатнулись —
За ними во слѣдъ:
Пощады имъ нѣтъ!
О смѣлый мущина!
Кто равенъ тебѣ
Въ счастливой судьбѣ?

(Бракенбургъ въ продолженіи пѣсни нѣсколько разъ взглядывалъ на Клару. Наконецъ голосъ его задрожалъ, глаза залились слезами; онъ роняетъ мотокъ и подходитъ къ окошку. Клара одна допѣваетъ пѣсню. Мать съ досадою дѣлаетъ ей знакъ; она встаетъ, приближается на нѣсколько шаговъ къ Бракенбургу, но возвращается въ нерѣшимости и садится.)

МАТЬ.

Что тамъ за шумъ на улицѣ, Бракенбургъ? Мнѣ слышится, будто идутъ войска.

БРАКЕНБУРГЪ.

Лейбъ-гвардія Правительницы.

КЛАРА.

Въ эту пору! Что это значитъ? Нѣтъ! это не вседневное число солдатъ; тутъ ихъ гораздо больше! Почти всѣ полки. Ахъ, Бракенбургъ! поди послушай, что тамъ дѣлается. Вѣрно что ни-

будь необыкновенное. Поди, мой милый; поди пожалуйста.

БРАКЕНБУРГЪ.

Иду и тотчасъ ворочусь.
(Уходя протягиваетъ ей руку, она подаетъ ему свою.)

МАТЬ.

Ты опять его отсылаешь?

КЛАРА.

Я любопытна. И притомъ, признаюсь вамъ, меня мучитъ его присутствіе. Я не знаю, какъ съ нимъ обращаться. Я передъ нимъ виновата, и мнѣ больно видѣть, что онъ это такъ живо чувствуетъ. — А мнѣ что дѣлать? какъ бѣдѣ помочь?

МАТЬ.

Онъ такой вѣрный малой.

КЛАРА.

Я также не могу отвыкнуть дружески встрѣчать его. Рука моя сама собою сжимается, когда онъ тихо кладетъ въ нее свою руку. Я сама браню себя за то, что его обманываю, что питаю въ сердце его надежду напрасную. Мученье мнѣ, мученье. Клянусь Богомъ, я его не обманываю, я не хочу, чтобъ онъ надѣялся, и не могу однакожъ видѣть его въ отчаяніи.

МАТЬ.

Не хорошо, не хорошо.

КЛАРА.

Я любила его и по сихъ поръ желаю ему добра отъ всей души. Я бы согласилась выдти за него замужъ, а кажется никогда влюблена въ него не была.

МАТЬ.

Ты могла бы съ нимъ быть счастлива.

КЛАРА.

То есть безъ заботъ, могла бы жить покойно.

МАТЬ.

И все это прогуляла ты по своей собственной винѣ.

КЛАРА.

Я нахожусь въ странномъ положеніи. Когда мнѣ придетъ въ голову спросить себя, какъ все это сдѣлалось; я хоть и знаю, да не понимаю, а взгляну только на Егмонта — и все становится мнѣ понятнымъ; охъ! при немъ для меня и не это одно понятно. Что за человѣкъ! онъ Богъ въ глазахъ всѣхъ провинцій; а мнѣ въ объятіяхъ его не считаться счастливѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ!

МАТЬ.

Что-то готовитъ будущее?

КЛАРА.

Ахъ! у мена только одна забота: любитъ-ли онъ меня. А мнѣ ли это спрашивать?

МАТЬ.

Отъ дѣтей только и наживешь что хлопотъ, да горе. Чѣмъ-то это кончится. Все тоска, да тоска. Нѣтъ! не добромъ это кончится! Ты и себя и меня сдѣлала несчастною.

КЛАРА *(хладнокровно)*.

Сначала вы сами позволяли.

МАТЬ.

Къ несчастію я была слишкомъ добра, я всегда слишкомъ добра.

КЛАРА.

Когда бывало Егмонтъ ѣдетъ мимо насъ, а я побѣгу къ окну, бранили ли вы меня? Не подходили ли сами къ окну? И когда онъ смотрѣлъ на насъ, улыбался, махалъ мнѣ рукою и кланялся, гнѣвались ли вы? Не сами ли радовались, что дочка дожила до такой чести?

МАТЬ.

Упрекай еще мнѣ кстати.

КЛАРА *(съ чувствомъ).*

Когда онъ сталъ чаще проѣзжать нашей улицей, и мы очень чувствовали, что онъ это дѣлалъ для меня, не сами ли вы это замѣтили съ тайной радостью? Вы не запрещали мнѣ стоять у окна и поджидать его.

МАТЬ.

Могла ли я думать, что шалость завлечетъ тебя такъ далеко?

КЛАРА.

(дрожащимъ голосомъ, но удерживая слезы).

А помните, вечеркомъ, какъ онъ вдругъ явился весь закутанъ въ эпанчѣ и засталъ насъ за столомъ у ночника: кто принялъ его, когда я сидѣла безъ памяти, и какъ бы прикованная къ стулу?

МАТЬ.

Могла ли я бояться, что умная моя Клара такъ скоро предастся этой несчастной любви? Теперь должно терпѣть, чтобы дочь моя.......

КЛАРА *(заливаясь слезами).*

Матушка! вы хотите терзать меня! вы радуетесь моему мученію.

МАТЬ *(плачетъ).*

Плачь еще, плачь! Огорчай меня еще болѣе

своимъ отчаяньемъ! Итакъ ужъ мнѣ тоски довольно. Итакъ довольно прискорбно видѣть, что дочь моя, дочь единственная, всѣми отвержена.

КЛАРА *(вставая и холодно).*

Отвержена! любовница Егмонтова отвержена! Какая женщина не позавидуетъ участи бѣдной Клары! Ахъ матушка, любезная матушка! вы никогда такъ не говорили. Успокойтесь, матушка, примиритесь со мною.... Чтò говоритъ народъ? Чтó шепчутъ сосѣдки?... Нѣтъ! эта комнатка, этотъ домикъ — они стали раемъ съ тѣхъ поръ, какъ обитаетъ въ нихъ любовь Егмонтова.

МАТЬ.

Его нельзя не любить. Это правда. Онъ всегда такъ привѣтливъ, такъ открытъ и свободенъ.

КЛАРА.

Въ его жилахъ нѣтъ ни капли нечистой крови. Подумайте сами, матушка. Егмонтъ великъ и славенъ; а когда ко мнѣ придетъ — онъ такъ милъ, такъ добросердеченъ. Онъ всѣмъ бы мнѣ пожертвовалъ — и чиномъ своимъ и храбростію. Онъ мною такъ занятъ! Онъ тутъ просто человѣкъ, просто другъ, ахъ! просто любовникъ.

МАТЬ.

Сего дня будетъ ли онъ?

КЛАРА.

Развѣ вы не замѣтили, какъ я часто подбѣгаю къ окошку? Какъ вслушиваюсь, когда что нибудь зашумитъ за дверью? Хотя и знаю я, что онъ до ночи не приходитъ, однакожь всякую минуту жду его съ самаго утра — какъ только встану. За чѣмъ я не мальчикъ? Я всегда бы съ нимъ ходила — и при дворѣ и вездѣ! И въ сраженіи я понесла бы за нимъ знамя.

МАТЬ.

Ты всегда была вертушкой. Бывало, еще ребенкомъ, то рѣзва безъ памяти, то задумчива. — Неужели ты не одѣнешься немного получше?

КЛАРА.

Можетъ статься, матушка. Если мнѣ будетъ скучно, то одѣнусь. Вчера — подумайте — прошло нѣсколько изъ его солдатовъ: они пѣли ему похвальныя пѣсни. Покрайней мѣрѣ, они въ пѣсняхъ поминали его имя; прочаго я не поняла. Сердце у меня такъ и рвалось изъ груди; и еслибы не стыдъ остановилъ, я бы охотно ихъ воротила.

МАТЬ.

Смотри, остерегайся. Твое пламенное сердце тебя погубитъ. Ты явно изобличаешь себя передъ честными людьми. Какъ намедни у дяди —

увидѣла картинку съ описаніемъ и вдругъ закричала: Графъ Егмонтъ! — Я вся покраснѣла.

КЛАРА.

Какъ мнѣ не вскрикнуть! Это было Гравелингенское сраженіе. Вверху на картинкѣ вижу букву *С;* ищу *С* въ описаніи, и чтоже? тамъ написано: Графъ Егмонтъ, подъ которымъ убита лошадь. Я обмерла, но потомъ невольно разсмѣялась, какъ увидѣла напечатаннаго Егмонта, который ростомъ съ башню Гравелингенскую и не меньше Англійскихъ кораблей, представленныхъ въ сторонѣ. Когда я вспомню, какъ бывало я представляла себѣ сраженіе, и какъ воображала себѣ Графа Егмонта въ то время, какъ вы разсказывали о немъ и прочихъ Графахъ и Князьяхъ; когда вспомню и сравню эти картины съ нынѣшними своими чувствами.....

(Бракенбургъ входитъ.)

КЛАРА.

Чтò новаго?

БРАКЕНБУРГЪ.

Ни кто ни чего не знаетъ вѣрнаго. Говорятъ, что во Фландріи было недавно возмущеніе, и что Правительница должна смотрѣть, какъ бы и здѣсь оно не распространилось. Замокъ окруженъ войсками; у воротъ толпятся граждане; улицы кипятъ народомъ. Поспѣшу къ старику своему, къ отцу.

(Будто хочетъ идти.)

КЛАРА.

Завтра увидимъ тебя? Я хочу немного лучше одѣться. Къ намъ будетъ дядя, а я такъ неопрятна. — Матушка, помогите мнѣ на минуту. — Возьми съ собою книгу Бракенбургъ, и принеси мнѣ еще такую же повѣсть.

МАТЬ.

Прощай.

БРАКЕНБУРГЪ.
(подавая руку Кларѣ).

Ручку.

КЛАРА *(отказываясь).*

Когда воротишься.
(Мать уходитъ съ дочерью.)

БРАКЕНБУРГЪ *(одинъ).*

Рѣшился тотчасъ же идти; но она на это согласна, она равнодушно отпускаетъ, и я готовъ взбѣситься. — Несчастный! И тебя не трогает судьба отечества! Ты хладнокровно видишь возрастающій мятежъ! Для тебя все равно, что Испанецъ, что землякъ, что власть, что право? Таковъ ли я былъ мальчикомъ въ училищѣ? Когда намъ задали написать «рѣчь Брута о свободѣ, для упражненія въ краснорѣчіи,» кто былъ первый, какъ не Фрицъ? и что же сказалъ Ректоръ? — «Еслибъ только больше было порядка, да не такъ

все перемѣшано.» — Тогда сердце кипѣло и рвалось. Теперь, волочусь за этой дѣвушкой, какъ будто прикованъ къ глазамъ ея. И не могу ее оставить! И не можетъ она любить меня! Ахъ! Нѣтъ! и не совсѣмъ она меня разлюбила!—Какъ не совсѣмъ? Нисколько, нисколько не разлюбила! она все таже.... И все пустое.—Долѣе не стерплю, не могу терпѣть. Или повѣрить тому, что шепнулъ мнѣ на дняхъ пріятель?—что она ночью впускаетъ къ себѣ мущину, она, которая всегда выгоняетъ меня изъ дому, какъ только начнетъ смеркаться. Нѣтъ! это ложь, ложь постыдная, проклятая. Клара моя также невинна, какъ я несчастливъ. Она разлюбила меня; для меня нѣтъ мѣста въ ея сердцѣ. — И мнѣ влачить такую жизнь! Я сказалъ, не стану, не могу терпѣть долѣе. Отечество мое безпрерывно раздираютъ междоусобныя войны, а я.... буду смотрѣть, какъ полумертвый; на эти раздоры? Нѣтъ, я не стерплю. — Когда зазвучитъ труба, когда раздастся выстрѣлъ: по мнѣ пробѣжитъ холодная дрожь. И меня не тянетъ летѣть своимъ на помощь, за одно съ ними броситься въ опасности! — Несчастное, позорное состояніе! Лучше умереть разомъ! Давно ли бросился я въ воду? — пошелъ ко дну, и чтоже? природа съ своимъ страхомъ одержала верхъ, я чувствовалъ, что могу плыть, и спасся нехотя. — Еслибы могъ я хоть забыть то время, въ которое она меня любила, или тѣшила любовью! За чѣмъ это счастіе врѣзалось въ серд-

це, врѣзалось въ память? За чѣмъ эти надежды, указывая на отдаленный рай, отравили для меня всѣ наслажденія жизни? — А первый поцѣлуй? Ахъ! первый и послѣдній! Здѣсь... *(положивъ руку на столъ)* здѣсь сидѣли мы одни. Она всегда была ко мнѣ ласкова. Тутъ показалось, что она была нѣжнѣе обыкновеннаго. Взглянула на меня — все около меня закружилось, и я чувствовалъ, что губы ея горѣли на моихъ.— А теперь.... теперь? — Умри несчастный! къ чему страхъ и сомнѣнья? *(вынимаетъ изъ кармана стклянку).* Не даромъ я укралъ тебя изъ ящика брата доктора, ядъ спасительный! Ты все разсѣешь: и боязнь и сомнѣніе, и мучительное предчувствіе смерти.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

